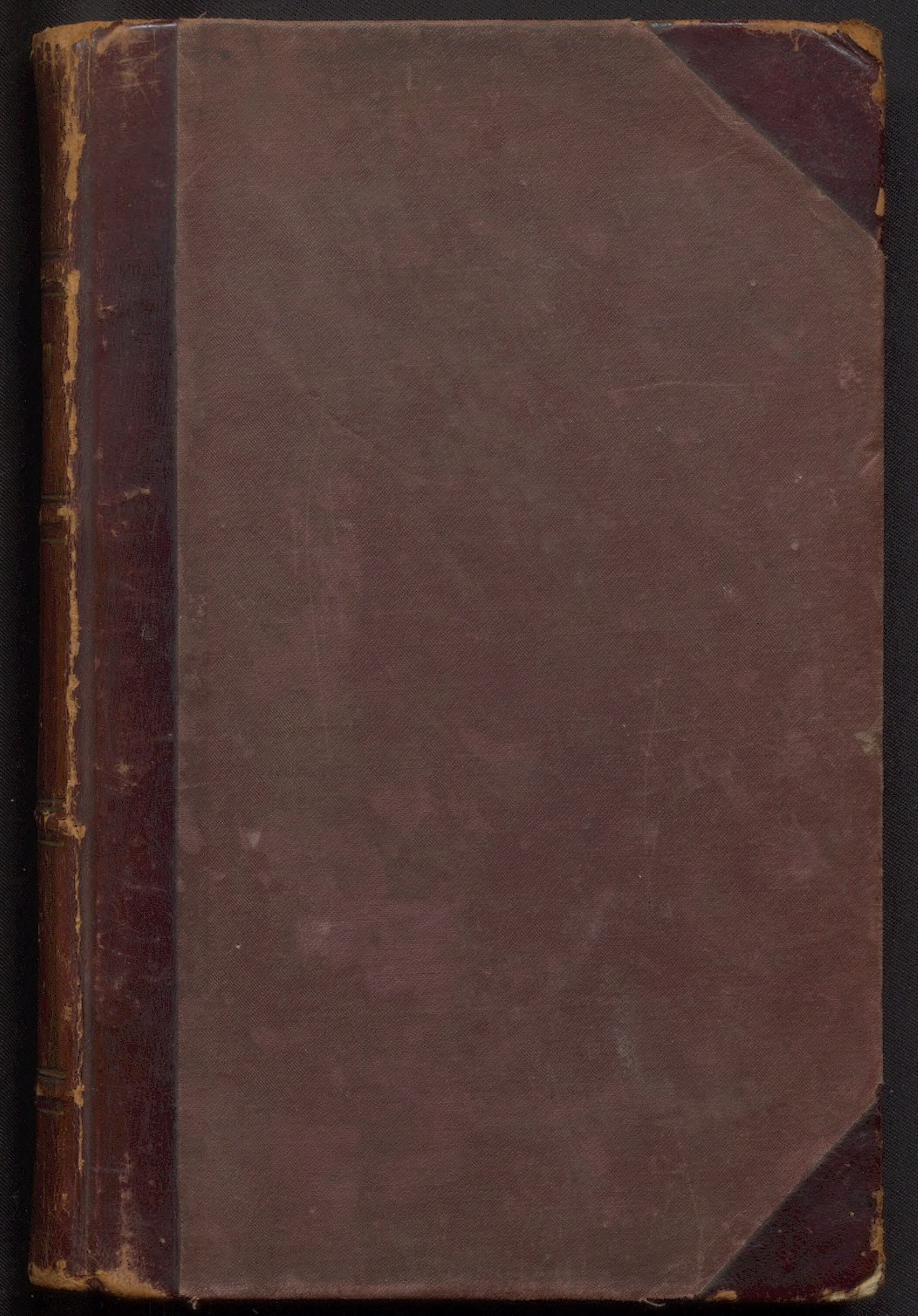
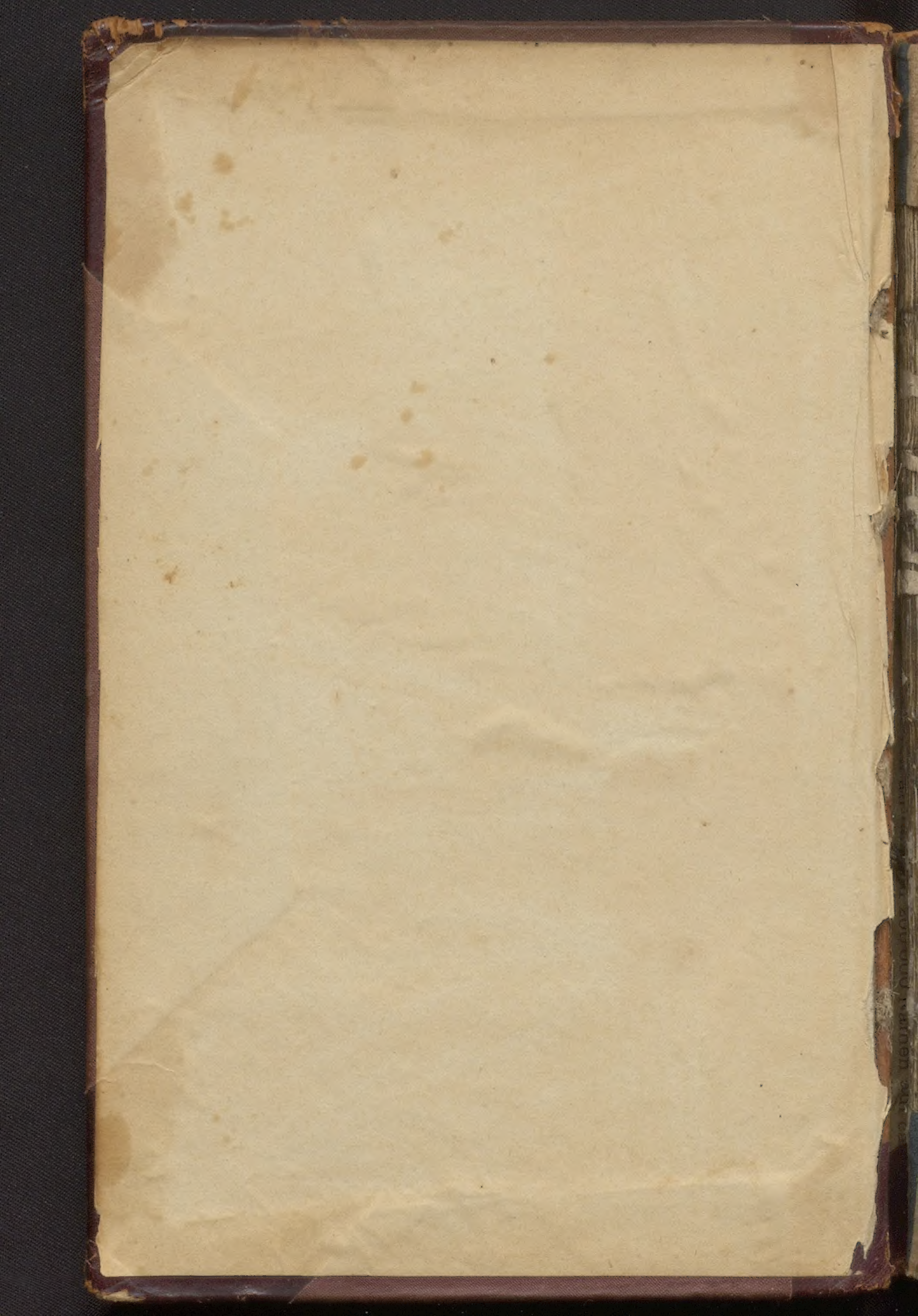
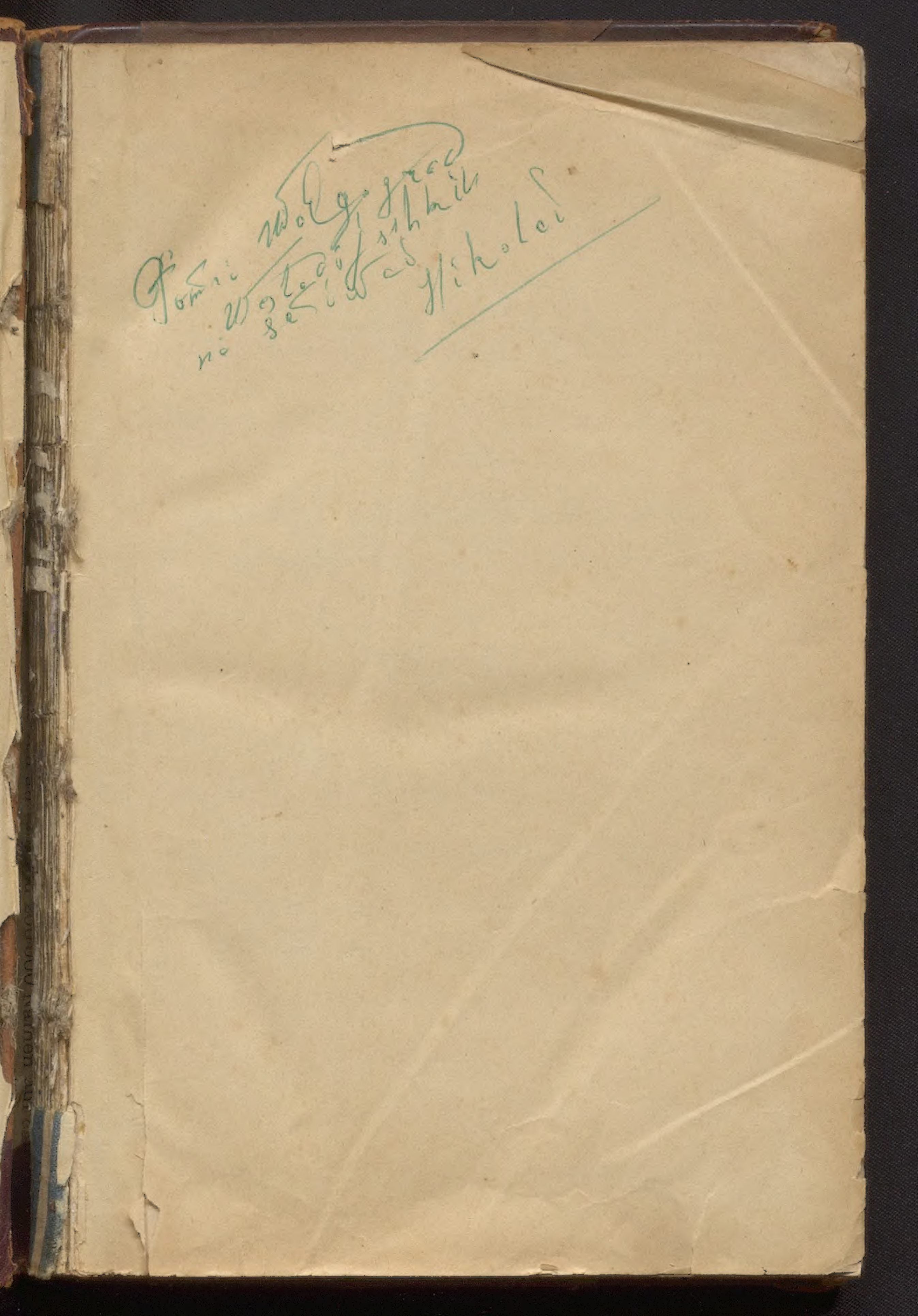

Wolgograd
Nikolai

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

П. О. МОРОЗОВА

ТОМЪ VII

ПИСЬМА

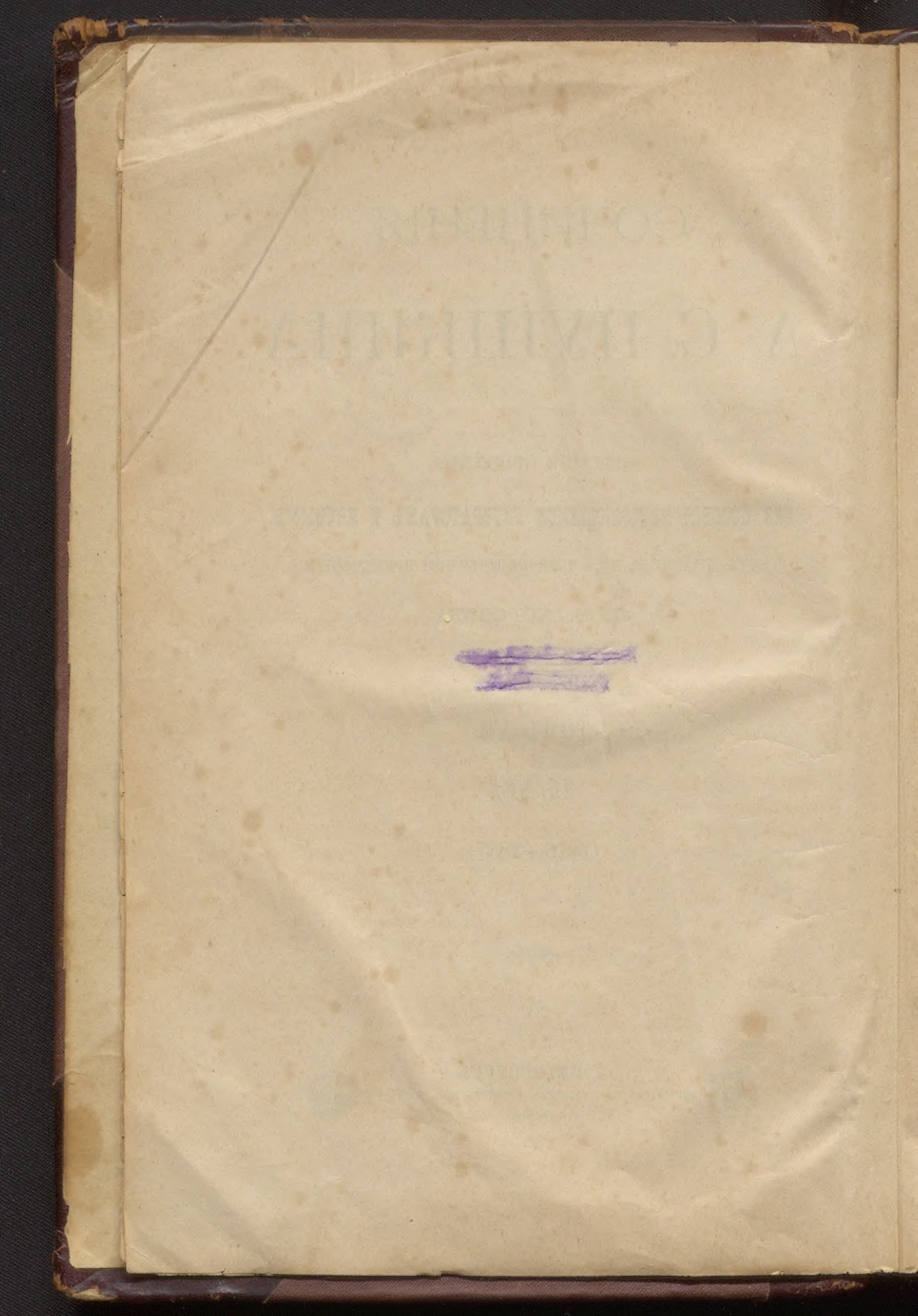
(1816—1837)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1887

1816.

1. Князю П. А. Вяземскому. Царское Село, 27 марта. —Князь Петръ Андреевичъ!—Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеный демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійскій почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ; дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей (или ликей, только ради Бога, не лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньѣ,
Кто видитъ только въ отдаленьѣ
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ

И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ...
И не во снѣ, а наяву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще думать передъ каѳедрой!.. Это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова [1]) съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій [2]) сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова [3]). Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ [4]).

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные); часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался — все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями, и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайней мѣрѣ искреннюю благодарность всего лицея.

Простите, князь — гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Ш. [5]) Обнимите Батюшкова за того больного, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василью Львовичу. На всякій случай обнимите и его за вѣтренаго племянника. Valeas. — *Александръ Пушкинъ.*

Ломоносовъ [6]) вамъ кланяется.

[Собственноручная приписка Ломоносова]:

Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher prince. Votre dévoué. *S. Lomonossoff.*

---

[1]) Въ издаваемомъ имъ журналѣ «Амфіонъ», 1815.

[2]) Гр. Алексѣй Кирилловичъ, тогда министръ народнаго просвѣщенія.

[3]) Т. е. въ занятіяхъ «Арзамасскаго» общества.

[4]) Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Д. В. Давыдову, напечатаннаго въ Амфіонѣ 1815, № 4. (Соч. кн. Вяземскаго, III, 66).

[5]) Т. е. кн. Шаликова, кн. Шаховского и кн. Ширинскаго-Шихматова.

[6]) Сергѣй Григорьевичъ, лицейскій товарищъ Пушкина.

1817.

---

2. Ему-же. СПБ., 1 сентября.—Любезный князь!—Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи [1]). Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія. — *Пушкинъ.*

1 sept. 1817.

[Адресъ: Ихъ высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андреевичу Асмодею [2]). Въ Москвѣ].

---

[1]) По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ тотчасъ же уѣхалъ въ Михайловское, куда его родители постоянно переселялись на лѣто.

[2]) «Арзамасскія» прозвища В. Л. Пушкина и кн. П. А. Вяземскаго.

1819.

3. А. И. Тургеневу. Михайловское, 9 іюля.—Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо [1]). Вотъ вамъ на память посланіе Орлову [2]). Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ «пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину.» Кстати о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлоглазаго Кавелина [3]) поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона [4]). Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ, [5]) зажмите ротъ доктору теологіи Кавелину, который добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.— *Пушкинъ.*

1819, 9 іюля.

---

[1]) Передъ отъѣздомъ на лѣто въ деревню.

[2]) «О ты, который сочеталъ» и пр., I, 202. Оно написано въ іюлѣ 1819 г.; далѣе Пушкинъ приводитъ два стиха изъ этого посланія.

[3]) Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, въ то время — директоръ спб. университета. См. I, 320.

[4]) С. А. Соболевскій былъ школьный товарищъ Льва Сергѣевича Пушкина, который, вѣроятно, и просилъ брата.

[5]) Тургеневъ тогда состоялъ при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ, поэтому Пушкинъ и называетъ его шутя кардиналомъ-племянникомъ и камергеромъ Don Basile. Любопытныя подробности о немъ см. въ Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 273 — 292.

4. П. Б. Мансурову[1]). СПБ., 27 октября.—Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесъ! Здоровъ ли ты, моя радость; веселъ ли ты, моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу) — — мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ ½ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ — и плачетъ о Крыловой[2]) — — — — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты[3]); по прежнему подымаются на нее телескопы — — — но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя.—Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ — все идетъ по прежнему; шампанское, слава Богу, здорово — актрисы также — . . . .
такъ и должно . . . .
Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая[4]) и кн. Шаховской[5]) толстѣютъ и глупѣютъ — а я въ нихъ не влюбленъ — однакожъ его вызывалъ за его дурную комедію[6]), а ее за посредственную игру.— Tolstoy[7]) боленъ . . . .
. . . . Зеленая Лампа[8])

[1]) Павелъ Борисовичъ Мансуровъ, родственникъ Н. В. Всеволожскаго, состоялъ въ то время адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ; въ 1812—1814 годахъ онъ былъ ординарцемъ Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конноегерскій полкъ. Въ 1825 году онъ женился и вышелъ въ отставку; позднѣе служилъ въ министерствѣ финансовъ. Подлинное письмо хранится въ Имп. П. Б—кѣ. Точки находятся въ подлинникѣ, а черточками означены пропуски.

[2]) Актриса, отличавшаяся болѣе наружностью, чѣмъ искусствомъ. Въ собраніи автографовъ Имп. П. Б—ки есть небольшое стихотвореніе Пушкина, обращенное къ Мансурову и начинающееся такъ:

Мансуровъ, закадычный другъ!
Надѣнь вѣнокъ терновый,
Вздохни — и рюмку выпей вдругъ
За здравіе Крыловой.

[См. Отчетъ И. П. Б—ки за 1881 г., стр. 69.]

[3]) Н. Вс. Всеволожскаго.

[4]) Елена Яковлевна, которой Пушкинъ написалъ четверостишіе, см. I, 195.

[5]) Кн. А. А. Шаховской (1777—1846), извѣстный драматическій писатель, въ то время директоръ имп. театровъ. О немъ см. статью Е. М. Гаршина: «Одинъ изъ забытыхъ писателей», въ Истор. Вѣстн. 1883, № 7.

[6]) «Пустодомы», представлена въ первый разъ 10 окт. 1819. См. Арапова Лѣтопись рус. театра (Спб. 1861), стр. 281.

[7]) Яковъ Николаевичъ, которому Пушкинъ посвятилъ, около этого же времени, свои «Стансы» (I, 200).

[8]) Дружеское общество, къ которому принадлежалъ Пушкинъ. См. I, 198 и замѣтки гг. Бартенева и Журавлева въ Моск. Вѣд. 1855, № 142 и 143.

нагорѣла — кажется гаснетъ — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишешь ли ты, мой собратъ — напишешь ли мнѣ, мой холосенькой — поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселеньяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ — прощай, лапочка. — *Пушкинъ.*

27 oct. 1819.

1820.

5. Князю П. А. Вяземскому. СПБ., мартъ—апрѣль.—Я читалъ моему преображенскому пріятелю [1]) нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испражненіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательно, чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха насчетъ его въ посланіи къ Дмитріеву [2]) — прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону— Катенинъ стоитъ чего нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Френона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ—не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего; а все таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны. Первый Снѣгъ —прелесть. Уныніе—прелестнѣе [3]). Читалъ ли ты послѣднее произ-

[1]) П. А. Катенинъ, служившій тогда въ преображенскомъ полку. О знакомствѣ съ нимъ Пушкина см. Анненкова, Мат., 50—51.

[2]) См. Соч. Вяз., III, 291. Быть можетъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду слѣдующіе стихи:

Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ;
Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ краснощекій,
Блѣднѣетъ на стихахъ въ элегіи Къ жестокой! и т. д.

[3]) «Уныніе» напечатано въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 12, а «Первый снѣгъ»—въ «Новостяхъ Литературы» 1822, № 2. См. Соч. кн. Вяз., III, 146 и 193.

веденіе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта[1]), и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою[2]) я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ[3]), а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет., я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ, пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ.—*Пушкинъ*.

6. Н. И. Гнѣдичу. СПБ., май.—Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство.—*Пушкинъ*[4]).

7. Л. С. Пушкину. Кишиневъ, 24 сентября.—Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій[5]), который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его[6]) (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лѣкарь[7]), который съ нимъ

[1]) Было помѣщено въ 3-й книжкѣ «Для Немногихъ», 1818 г.

[2]) «Русланъ и Людмила».

[3]) Два отрывка I-й пѣсни были помѣщены въ «Невск. Зрителѣ» 1820, № 3, и изъ III-й пѣсни—въ «С. Отеч.» 1820, №№ 15 и 16.

[4]) Писано незадолго до высылки Пушкина изъ Петербурга (5 мая 1820). См. разсказъ Ѳ. Н. Глинки въ Рус. Арх. 1866, 917.

[5]) Николай Николаевичъ, въ то время — командиръ 4-го корпуса 1-й арміи.

[6]) Николай, знакомецъ Пушкина по Царскому Селу.

[7]) Это былъ д-ръ Рудыковскій, напечатавшій впослѣдствіи, въ Рус. Вѣстн. 1841, № 1, статью: «Встрѣча съ Пушкинымъ». Мат., 65.

ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь [1]) — я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и можетъ быть сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа — они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ казакахъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближней горѣ, посреди кладбища,

[1]) Письма Инзова объ этой поѣздкѣ напечатаны въ Р. Архивѣ 1863, № 12.

увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ — замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой то французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій — но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы къ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ — и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, странѣ важной и запущенной [1]). Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію [2]), которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его [3]) будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть; старшая [4]) — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и ко-

[1]) Семенъ Мих. Броневскій († 1830) передъ тѣмъ занималъ должность градоначальника въ Ѳеодосіи (которую Пушкинъ называетъ Кефою). Онъ былъ литераторъ и издалъ въ 1823 г. «Новѣйшія историческія и географическія извѣстія о Кавказѣ», въ 2 ч. Какъ мартинистъ, онъ имѣлъ религіозно-мистическую переписку съ Сперанскимъ. См. бар. М. Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго. II. 149.

[2]) «Погасло дневное свѣтило», I, 222.

[3]) Александръ Николаевичъ. О немъ см. I, 292.

[4]) Екатерина Николаевна, вышедшая вскорѣ за М. Ѳ. Орлова.

торой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ — благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную...[1]) я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ? Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига. — Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьѣ. — *Пушкинъ.*

8. Н. И. Гнѣдичу. Каменка, 4 декабря. — Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ[2]). Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго[3]). Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою[4]), напечатанную подъ

[1]) Въ двухъ мѣстахъ рукопись прожжена.

[2]) Пушкинъ былъ сосланъ на югъ Россіи въ началѣ мая 1820 г., въ половинѣ мая былъ уже въ Екатеринославѣ, въ концѣ поѣхалъ съ Н. Н. Раевскимъ и его семействомъ на Кавказъ, оттуда въ августѣ въ Крымъ и наконецъ въ сентябрѣ проводилъ Раевскихъ до села Каменки, въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ., потомъ отправился въ Кишиневъ, и отсюда опять ѣздилъ въ Каменку и Кіевъ, въ концѣ 1820 и въ началѣ 1821 г.

[3]) Мать героя 1812 г., Н. Н. Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ была за Давыдовымъ. Изъ дѣтей ея (Александръ и Василій Львовичи) старшій былъ женатъ на гр. Аглаѣ Грамонъ

[4]) Русланъ и Людмила.

вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына [1]) доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи [2]), котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

«Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ» и пр.; онѣ оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. [3]), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво) говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистью Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста — критика его для меня ужасно какъ тяжка [4]). Допросчикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ [5]). Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою [6]); кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или еще готова [7]). Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче.—*Пушкинъ.*

Каменка, 4-го декабря 1820.

[1]) Сынъ Отечества.

[2]) Трагедія Расина, пер. Гнѣдичемъ; отрывки были напечатаны въ Сынѣ Отеч., отдѣльно же переводъ не изданъ.

[3]) А. Ѳ. Воейковъ. Статьи его о «Русланѣ» см. въ № 34—37 С. Отеч. 1820 г.

[4]) Послѣдній стихъ эпиграммы, приписываемой И. А. Крылову и напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38. Орловскій († 1830) — очень популярный въ свое время живописецъ. См. о немъ Рус. Стар. 1876, № 7, стр. 553—558.

[5]) Послѣ критики Воейкова въ № 38 «Сына Отечества» напечатано «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», въ которомъ N. N. предлагаетъ вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторомъ вопросовъ былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ. «Замѣчанія» на письмо Зыкова напечатаны въ № 41 «Сына Отечества», съ подписью К. Григорій Б—въ, а въ № 42 напечатаны новыя «Замѣчанія» въ защиту Воейкова, съ подписью II. К—въ (самъ же Воейковъ), и въ № 43 помѣщенъ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К—ва», съ подписью М. К—въ. См. замѣтки Пушкина въ т. V, стр. 120—121.

[6]) Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Оленинымъ, рисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

[7]) Кавказскій Плѣнникъ.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ ли онъ съ ея высочествомъ? [1]) Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа — журнала его не видалъ, писемъ также! [2])

Мой Адресъ: въ Кишиневъ — Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

[1]) В. А. Жуковскій въ то время состоялъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. За границу онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ въ началѣ 1821 г.

[2]) В. К. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 г. участвовалъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель».

1821.

9. Барону А. А. Дельвигу. Кишиневъ, 23 марта.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,

И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ...

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ. — О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія [1]). Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки?—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха.—Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу—я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны благословеннѣе.—Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ [2])—самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня

[1]) Въ 1820 г. Кюхельбекеръ ѣздилъ съ А. Л. Нарышкинымъ за границу и въ Атенеѣ, въ Парижѣ, читалъ лекціи о славянской литературѣ. Но изъ-за нѣсколькихъ неосторожныхъ выраженій лекціи эти были остановлены русскимъ посольствомъ и К—ру велѣно было вернуться въ Россію.

[2]) Вольтеръ, Histoire des voyages de Scarmentado.

любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями—и братьями не только по африканской нашей крови. — Прощай.—*А. Пушкинъ.*

1821 г. марта 23. Кишиневъ.

10. Н. И. Гнѣдичу. Кишиневъ, 24 марта.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ -
Молебновъ лести не пою.
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ [1].

[1]) Гнѣдичъ, уже переведшій въ то время VI—X и половину XI-й пѣсни Иліады александрійскими стихами (продолжая переводъ Кострова), началъ новый, полный переводъ гекзаметромъ.

Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца —
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. [1]); эти черты — сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.— Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьѣ ледяныя главы Казбека и Эльбруса.— Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли —

[1]) Оленина. См. п. 8, пр. 6.

обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи.—Что дѣлаетъ Н. М.?[1]) здоровы ли: онъ, жена и дѣти?— Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.— Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale. — *Пушкинъ.*

1821. марта 24. Кишиневъ.

11. А. Н. Раевскому. Кишиневъ, мартъ—апрѣль. — Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ, и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Сія прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и русскій консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско — и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ и кн. Суццо и русскимъ консуломъ, и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: «симъ побѣдиши»; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы!

Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены—странная новость со стороны евро-

[1]) Карамзинъ.

пейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже... [1]) но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско [2]). Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую—граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

[1]) Пропуски въ подлинникѣ зависятъ отъ того, что оба листа этого письма въ двухъ мѣстахъ прорваны или прожжены.

[2]) Это было въ началѣ марта, слѣд. письмо писано или въ мартѣ же, или не позже апрѣля.—Для сравненія подробностей см. письмо П. И. Пестеля къ гр. Киселеву, отъ 3 марта 1821 [въ книгѣ А. П. Заблоцкаго: Гр. Киселевъ; Спб. 1882, IV, 10—15], и замѣтки Пушкина въ т. V, стр. 7.

Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра [1]). Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ!—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ [2]) не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ, буду увѣдомлять [3]).

---

12. В. Л. Давыдову (черновое). Кишиневъ, начало апрѣля.

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ [4]),
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Аи
Сидятъ Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь [5]),
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова

[1]) Греки и итальянцы, у которыхъ тогда происходило карбонарское движеніе.
[2]) Али-Паша-Янинскій.
[3]) Гр. Каподистрія сообщилъ изъ Лайбаха отъ 26 марта 1821 г. повелѣніе Императора объ исключеніи Ипсиланти изъ русской службы, а Портѣ сообщено, что политика Государя всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой либо страны, и что онъ желаетъ точнаго соблюденія существующихъ трактатовъ.
[4]) Михаилъ Ѳедоровичъ, женившійся на Ек. Ник. Раевской.
[5]) Кн. Александръ Ипсиланти, глава гетеристовъ.

Про Кишиневъ и про себя.
На этихъ дняхъ, среди собора,
М—ъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ, невзначай,
Велѣлъ жить долго всей Россіи [1])
. . . .
Я сталъ уменъ, и лицемѣрю:
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь — мои стихи.
Говѣетъ Инзовъ, и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы.
. . . . [2])
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемля сатанѣ,
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Беспѣнной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,— мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: Христосъ воскресъ!

---

[1]) Ср. V, 5. Затѣмъ въ рукописи двѣ строчки отмѣчены сбоку синимъ карандашемъ и потомъ совершенно замазаны чернилами (?).

[2]) Затѣмъ опять строчекъ десять, отмѣченныя синимъ карандашемъ, совершенно замазаны. П. В. Анненковъ (Пушк., 184), еще видѣвшій эти стихи, говоритъ, что въ нихъ Пушкинъ доходитъ «до послѣднихъ предѣловъ глумленія» (?).

13. Дегильи. Кишиневъ, 6 іюня 1821.—Avis à M-r Deguilly, ex-officier français [1]).

Il ne suffit pas d'être un Jean-f., il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f... duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second. (Выноска Пушкина: Ni un général qui daigne recevoir un pied-plat dans sa maison).

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prevu, je suis fâché de n'avoir pas parlé.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous. Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.— *Pouchkine.*

Juin 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

14. Л. С. Пушкину. Кишиневъ, 27 іюня.— Брату.— Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость, не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? [2]) что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года [3])? Кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится — ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой [4]). Если ты его увидишь, обними его братски, скажи

[1]) Этого француза Пушкинъ вызывалъ на дуэль, вѣроятно, для отстраненія его соперничества въ любви. Дегильи устранился отъ дуэли и получилъ приводимое письмо.

[2]) Мих. Вас. Милоновъ (1792—1821) лирическій поэтъ. Его «Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія» напечатаны въ Спб. 1819.

[3]) О Русланѣ и Людмилѣ—вопросы Д. П. Зыкова въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64.

[4]) Напеч. въ «С. О.» 1821, № 15.

ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ [1]) и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его [2]), Овошникову его [3]), Лампу его [4]) — и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравія Калмыку [5]) — и напиши мнѣ обо всемъ. — Пришли мнѣ «Тавриду» Боброва. Vale. — *Твой братъ А.*

27 іюня.

Сестрѣ. — Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? cela vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Annette Woulf? Montes-vous à cheval? quand revenez-vous à Pétersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée? êtes vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie.

15. А. И. Тургеневу (черновое). Кишиневъ, іюль. — Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа превосходительный Раекъ и превосходительный жалобный Сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, вспоминая тебя, Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой рѣчки. Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки — и потому... [6])

1) Никита Всеволодовичъ.

2) V. C. P. — Veuve Cliquot Pontchartrain, и буквы L. D. — марки винъ: первая — шампанскаго-клико, вторая — шато-д'икема.

3) Кордебалетная танцовщица.

4) Зеленая Лампа.

5) Калмыкъ, слуга Всеволожскаго.

6) Этотъ черновой отрывокъ сохранился въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта, гдѣ набросанъ вслѣдъ за одою «Наполеонъ». Раекъ — Н. Н. Раевскій. Сверчокъ — арзамасское прозвище Пушкина. На Фонтанкѣ жили А. И. и Н. И. Тургеневы, въ домѣ почтоваго вѣдомства (нынѣ министра имп. двора). Липецкій потопъ — вѣроятно пьеса кн. Шаховского «Липецкія воды», появившаяся въ 1816 г. Гуси — «арзамасскіе».

16. С. И. Тургеневу[1]. Кишиневъ, 21 августа.—Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою.—Скоро ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? Обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана[2] брата его; Его Преосвященству[3] писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю—но до сихъ поръ не отвѣчалъ—надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ[4]—а Долгорукій меня забылъ. *Пушкинъ.*

21 авг.

17. Н. И. Гречу. Кишиневъ, 21 сентября. — Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества[5] мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится:[6] оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому,

[1]) Младшій братъ А. и Н. И. Тургеневыхъ; служилъ при гр. Воронцовѣ во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи, а потомъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Послѣ осужденія брата Николая за 14 декабря 1825 г. онъ помѣшался и умеръ 1 іюня 1827 г. въ Парижѣ, куда былъ отвезенъ для лѣченія.

[2]) Николая Ивановича Тургенева.

[3]) Т. е. Александру Ивановичу, состоявшему при оберъ-прокурорѣ св. синода.

[4]) «Арзамасское» прозвище Дм. Вас. Дашкова, который въ 1818—20 г. также состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ.

[5]) 1821, № 35.

[6]) Въ стихотвореніи былъ вычеркнутъ цензурою стихъ: «Вольнолюбивыя надежды оживимъ».

который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое насчетъ моего же письма—видно, не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Что бъ это значило? Если просто забвенье—то я имъ не пеняю; забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны такъ плохо.

Хотѣлъ бы я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—*Пушкинъ.*

21 сентября 1821. Кишиневъ.

18. В. П. Горчакову. — Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ бо̀льшую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана—хоть стихи въ ней зрѣлѣе.—Прощай, моя радость.

[При письмѣ приложены были стихи изъ «посвященія» Кавказскаго Плѣнника, не попавшіе тогда въ печать.]

19. Неизвѣстному лицу (черновое).—Vous êtes mon digne maître, brave, mordant, méchant,—cela n'est point assez, il faut être féroce, tyran, vindicatif; c'est où je vous prie de me conduire.

Les hommes ne vaillent pas qu'on les évalue par ces étincelles du génie et de sentiment par lesquelles je me suis avisé de les évaluer. Jusqu'à présent c'est par bérquovetz qu'il faut les estimer. Il faut se rendre aussi égoïste qu'ils le sont en géneral pour en venir à bout. C'est alors seulement que l'on peut assigner la place qu'il convient à chacun d'occuper.

Est ce bien cela, mon très-aimable compatriote, ou bien ai-je tort?

[Эти строки набросаны на томъ же листкѣ, на которомъ написанъ единственный уцѣлѣвшій отрывокъ изъ кишиневскаго дневника (см. V, 5—6). Письмо могло относиться къ А. Н. Раевскому или къ П. Я. Чаадаеву. П. В. Анненковъ (Пушк., 171), не совсѣмъ точно напечатавшій этотъ отрывокъ, видитъ въ немъ записку, полученную Пушкинымъ отъ кого-то другого; но строки эти написаны рукой самого Пушкина.]

1822.

20. Кн. П. А. Вяземскому. Кишиневъ, 2 января.—Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди [1]) берется доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за все вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому [2]). Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе [3]). Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ [4]) не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди [5]). Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ

[1]) Иванъ Петровичъ, котораго любопытныя воспоминанія о Пушкинѣ были помѣщены въ Р. Архивѣ 1866 г.

[2]) Напечатано въ С. От. 1821, № 2.

[3]) Ср. I, 242.

[4]) Стихотвореніе Жуковскаго: Пери и ангелъ, напечатанное въ Сынѣ Отеч. 1821, № 20 и заимствованное изъ Томаса Мура.

[5]) Романъ Лауренса Стерна (1762).

превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастія дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха? Пиши мнѣ, съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу, буду отвѣчать.— *Пушкинъ.*

2 января 1822.

Пишу тебѣ у Рейна [1]). Все тотъ же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучемъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя, а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

21. Л. С. Пушкину. Кишиневъ, 24 января.— Сперва хочу съ тобою побраниться: какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ — жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у

[1]) Арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова, который, командуя 16-й дивизіей въ Кишиневѣ, имѣлъ тамъ сургучную фабрику.

меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника» [1]). Къ тому же, ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ, — каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ — правда:

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги, — понимаю;
Другой за то, что былъ французъ;
Клеонъ — умомъ ее стращая,
Дамисъ — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневного пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. — *Твой другъ Демьянъ.*

24 янв. 1822.

22. Н. И. Гнѣдичу. Кишиневъ, 29 апрѣля.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! [2]) недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее

[1]) Ср. письмо 16.
[2]) Ovidii Tristia. I.

напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей идилліи [1]) (о которой поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.—*Пушкинъ.*

[Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ, найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки]:

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ лѣни; во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго Плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца...»

23. Ему же. — Кишиневъ, 13 мая. — Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

[1]) «Рыбаки».

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены ли вы, что цензура, поневолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынѣче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому [1]) и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка [2]), да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны — я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ.— А что тутъ остраго, смѣшного? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о Кавказскомъ Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ также — но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura. — *Пушкинъ.*

13-го мая. Кишиневъ.

[1]) Отправляясь въ ссылку, Пушкинъ проигралъ Н. В. Всеволожскому 1,000 р. и за это отдалъ ему для изданія приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право изданія и общій ихъ знакомый Я. Н. Толстой велъ съ Пушкинымъ переговоры.

[2]) «Братья-разбойники», напис. въ концѣ 1821 г.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его?

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ Сынѣ Отечества? [1])

[Штемпель: «Кишиневъ» и письмо исколото.]

24. А. А. Бестужеву. Кишиневъ, 21 іюня. — Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ, и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, се настращали мо-

[1]) Напечатано было въ «Литературныхъ Листкахъ» Ѳ. Булгарина 1823 г. № 2, съ замѣною словъ въ 4-мъ стихѣ: при свѣтломъ; въ 6-мъ: за что, и въ послѣднемъ: я могъ свободу даровать, и съ прибавкою примѣчанія, въ которомъ стихотвореніе примѣнялось «къ выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ».

имъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено [1]). Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. — *Пушкинъ.*

21-го іюня 1822. Кишиневъ.

25. **Н. И. Гнѣдичу.** Кишиневъ, 27 іюня.—Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника [2]). Ваши замѣчанія насчетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень

[1]) Стихотвореніе «Къ Овидію» появилось въ «Пол. Звѣздѣ» 1823 безъ подписи и съ передѣлкою двухъ послѣднихъ стиховъ: вмѣсто «Но не унизилъ ввѣкъ измѣнной беззаконной ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной»—было напечатано: «Но чуждые холмы, поля и рощи сонны и музы мирныя мнѣ были благосклонны».

[2]) Гнѣдичъ пріобрѣлъ право на изданіе «Плѣнника», за которое петербургскіе книгопродавцы предлагали весьма скудную сумму. Пушкинъ получилъ печатный экземпляръ поэмы и 500 руб. ассигнаціями. Онъ былъ очень недоволенъ такимъ скуднымъ вознагражденіемъ за свой поэтическій трудъ и долго вспоминалъ объ этомъ съ досадой. «Русланъ» тоже не принесъ автору почти ничего; но второе изданіе этихъ двухъ поэмъ Пушкина было куплено Смирдинымъ за 7000 р. асс. (Матеріалы, 75).

дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.

Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны.
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ.
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу; но мало ли что говорятъ?

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Нельзя ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя ли его расшевелить? Нельзя ли потревожить и Слёнина, если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана»? Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери[1]) и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками — иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ «Родригъ», Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ, Боже

[1]) Жуковскій перевелъ изъ Томаса Мура «Пери и Ангелъ». Стихи эти были напечатаны въ С. От. 1821, № 20. См. выше, п. 20.

мой, что-то съ нимъ[1]) дѣлается — судьба его меня безпокоитъ до крайности — напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать. — *А. Пушкинъ.*

27 іюня.

26. П. А. Катенину. Кишиневъ, 19 іюля.— Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не италіанскій глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю[2]).

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельскій. Можетъ быть—да, вѣроятнѣе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не могу сердиться. Если бъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ наряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Если бъ ужъ на то рѣшился, написалъ ли бы стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли бы предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя

[1]) Намекъ на собственную эпиграмму на Кюхельбекера. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили, отчего онъ не былъ, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ что-то нездоровилось уже наканунѣ; къ тому же, пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома». По этому поводу Пушкинъ, будто бы отъ имени Жуковскаго, написалъ:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Обиженный Кюхельбекеръ хотѣлъ вызвать Пушкина на дуэль; но ихъ помирили.

[2]) Катенинъ принялъ на свой счетъ этотъ стихъ изъ «Посланія Чадаеву», (I, 242), полагая, что Пушкинъ говоритъ о комедіи «Сплетни» [въ 3 д. въ стихахъ, подражаніе Le méchant Грессе], представленной въ Петербургѣ 31 декабря 1820 г., гдѣ въ тирадахъ Зельскаго находили намеки на Пушкина. Черезъ два дня Пушкинъ писалъ о Катенинѣ и брату Л. С.

и стараго моего Корнеля [1]). Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедiею. Скажи: имѣлъ ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтiя? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедiю зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесенiе; знаю, что долгъ платежемъ красёнъ, но non erat hic locus... — Прощай, Эсхилъ; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

19 iюля.

27. Л. С. Пушкину. Кишиневъ, 21 iюля. — Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу — мнѣ безъ тебя скучно [2]). — Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери — если упустишь время, послѣ будешь тужить — въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти.—Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи — ученiе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ [3]), да ты и самъ не захочешь. Чтенiе — вотъ лучшее ученiе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ — выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ прiятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланiи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ [4]); вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жа-

[1]) Сидъ, трагедiя въ 5 д., въ стихахъ, Корнеля. Спб. 1822. Предст. 14 декабря, въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

[2]) См. п. 21.

[3]) Вас. Ив. Козловъ, сынъ купца, студентъ московскаго университета, участвовалъ въ изданiи «Рус. Инвалида» (1815—1824), «Новостей Литературы» (1822—1825) и «Сѣв. Пчелы», при ея основанiи. Ум. 11 мая 1825 г., 33-хъ лѣтъ отъ роду. Его письма къ Макарову — въ «Дамскомъ Журн.», ч. 27 и пр. Некрологъ—въ Сѣв. Пч. 1825. № 58.

[4]) См. п. 26.

луется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ?» Не продается? Не запретила ли цензура? Дай знать. Если же Слёнинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? [1]) Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что «Плѣнникъ?» Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что̀ Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? [2]) есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. — Отцу пишу въ деревню.

21 іюля.

(Приписка къ сестрѣ). Ma bonne et chére amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime — amusez-vous et mariez-vous.

28. Ему же. Кишиневъ, августъ или сентябрь. — На прошедшей почтѣ (виноватъ: съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ, о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго — скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію — Раевскій или Киселевъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому — и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года [3]). Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ

[1]) Говорится о приготовлявшейся «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.
[2]) Кюхельбекеръ.
[3]) Ср. письмо 23, пр. 1.

бѣды. Около 40 билетовъ роздано — само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. — Въ Посланіи къ Овидію перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной:
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника, — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц...[1]) Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драмо-торжественный ревъ Глухо-рёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ — славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія[2]). Чтò бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ — но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...» слишкомъ уже греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный. — Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ — цѣлъ трудъ многимъ людямъ принадлежащій» и проч.[3]) Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила[4]). Вообще, мнѣніе мое, что

[1]) Орлеанская Дѣва Шиллера въ пер. Жуковскаго.

[2]) «Олимпійскія игры», стихотвореніе Кюхельбекера.

[3]) Эти строки приведены Пушкинымъ на память, но вполнѣ вѣрно, изъ рукописнаго лицейскаго журнала «Вѣстникъ» (3 дек. 1811) и принадлежатъ къ «Отрывку изъ грозы, С. Ламберта», въ переводѣ Кюхельбекера.

[4]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 8 было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе (См. Соч. Плетнева, III, 250). Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго недуга, и онъ сильно обидѣлся этимъ стихотвореніемъ и навсегда сохранилъ враждебное чувство къ Плетневу.

Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости — слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. — *П.*

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-la lui de ma part.

Еще слово — скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой — у васъ пишутъ — что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ — вотъ что меня огорчило — что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ! [1])

29. Я. Н. Толстому. Кишиневъ, 26 сентября.—Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже тридцать билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе [2]). Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но..... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ, прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова!

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,

---

[1]) Дума К. Ѳ. Рылѣева Богданъ Хмельницкій въ «Русск. Инвалидѣ» 1822 г., № 54; ср. Соч. Рылѣева, изд. 1875, стр. 53.
[2]) Ср. письмо 23, пр. 1.

Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
Попрежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньѣ скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ.
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ му[illegible].
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ;
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, калмыкъ!

Кишиневъ. 26 сентября 1822.

[Первый стихъ относится къ обществу «З[illegible]» [illegible] слугѣ Калмыку, которому приказано было [illegible] шемуся пошлымъ словомъ. Неизданный конецъ этого письма, по словамъ [illegible] Лонгинова (Совр. 1857, № 4), заключаетъ разспросы о литературныхъ и театральныхъ пріятеляхъ — Хмѣльницкомъ, Катенинѣ, кн. Шаховскомъ, Семеновыхъ, Сосницкихъ и др. Въ рукописи П. И. Б—ки находятся еще слѣдующіе черновые варіанты этого посланія:

И разгорались наши спо[illegible]
Отъ пѣсенъ, шутокъ и вина
Я вижу васъ, друзья-обжоры!
[illegible]
[illegible]
Счастливецъ, добрый, умный [illegible]
Благослови же мой возвра[illegible]
. . . .
Но гдѣ же онъ, твой милый другъ,
Недавній рекрутъ Гимен[illegible]
Гдѣ ты, прелестный Адони[illegible].

[illegible]
[illegible]
. . . .
Услышу [illegible]
Боговъ торжественный языкъ? и т. д.

Сюда же, можетъ быть, относятся и слѣдующіе стихи, находящіеся въ рукописи Рум. Музея:

Непримиримою судьбою
Пѣвцы давно разлучены
. . . .
Ихъ лиры вѣтреной порою
Не славятъ счастья чередою.
А мы [illegible].
Младыхъ пировъ утихли смѣхи
Утихъ безумнаго веселья гласъ.
Любовницы [illegible]
И разлетѣлися утѣхи

Дальнѣйшіе стихи записаны только заглавными буквами, въ такомъ видѣ: Въ... Гдѣ... Я... Вообр... Горишь ли ты... Ни... Гдѣ ты

30. Н. И. Гнѣдичу. Кишиневъ, 27 сентября. — Пріѣхали Плѣнники [1]) — и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего; признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился. Напримѣръ, если бъ она перемѣнила стихъ: простите, вольныя станицы, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькій поцѣлуй прелесть; ей дней ой-ей неблагозвучнѣе почей; уповательныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы, дождь и градъ: на долы [2]). Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли [3]). Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ эле-

[1]) Кавказскій Плѣнникъ и Шильонскій Узникъ, изд. Гнѣдичемъ.

[2]) Эти опечатки исправлены были въ изд. 1828 г.

[3]) Къ изданію былъ приложенъ портретъ молодого Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою, что издатели думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

гій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, по крайней мѣрѣ, до моего пріѣзда,—а я вынырну и явлюсь къ вамъ. Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души.—*А. Пушкинъ.*

27 сент. Киши[illegible]

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слёнина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе — то я не [illegible].

Адресъ: «Его Высокобл., м. г. Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ С.-Петербургъ. Въ Императорской Библіотекѣ.» Штемпель: «Кишиневъ 27 [illegible]

---

31. Л. С. Пушкину. Кишиневъ, 6 октября.—Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? [1]) Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ [2]) происходитъ отъ нескромности кн. Шаховского. Впрочемъ, посланіе Плетнева [3]), можетъ быть, первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки — не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ.

---

[1]) П. [illegible].

[2]) Г. Ѳ. И. Толстой-американецъ, котораго Пушкинъ задѣлъ въ Посланіи къ Чаадаеву. См. I, 242 и эпиграмму, стр. 231.

[3]) «Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ»— напеч. въ Трудахъ вольн. общ. люб. рос. слов. 1824, № 4. См. Соч. Плетнева. III, 276. Ср. письмо 33.

О други, Августу мольбы мои несите [1]), но Августъ смотритъ Сентябремъ! Кстати: получено ли мое Посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его [2]). Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый.— *А. П.*

Окт. 1822.

Другъ мой, попроси И. В. Слёнина — чтобы онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 3 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча — и Цертелева древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня [3]).

32. Ему же.— Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer á la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment, où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie.— Point de protection, car elle asservit et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié,

[1]) Изъ посланія къ Овидію, I, 259.
[2]) Т. е. альманаха «Полярная Звѣзда».
[3]) Слёнинъ купилъ первое изданіе Руслана, но деньги выплачивалъ по частямъ, и даже книгами.

mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle [1]). A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponneries de la vanité vous rendent ridicule et méprisable.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

33. П. А. Плетневу (черновое). — Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія [2]) написанъ такъ же отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаяваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспо-

---

[1]) Ср. Онѣгина, IV, 7: «Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей» и пр.

[2]) «Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ.» Ср. выше, п. 28 и 32.

римаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.

Я не вполнѣ подтверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе [1]) недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова...

Извини мое чистосердечіе, но оно — залогъ моего къ тебѣ уваженія.

(Прости). Sine ira, и пр.

---

34. Неизвѣстной дамѣ (черновое).—Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris, mais j'ai la bêtise et la faiblesse de vous avouer une passion ridicule, et je veux m'en expliquer franchement... Ne feignez rien, ce serait indigne de vous et de plus c'est parfaitement inutile; la coquetterie serait une cruauté frivole et surtout bien inutile. Votre colère —je n'y croirai pas plus... en quoi puis-je vous offenser... je vous aime avec tant d'élan de tendresse si pas de... Votre orgueil même ne peut en être blessé.

Si j'avais des espérances, cela ne serait pas la veille de votre départ que j'aurais pu me déclarer; n'attribuez mon aveu qu'a une exaltation troublée dont je n'étais plus le maître, qui allait jusqu'à la défaillance; je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux, et cependant je vous...

[1]) «Батюшковъ изъ Рима»

1823.

35. **В. П. Горчакову.** Кишиневъ, январь.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ,
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей, и проч... [1])

36. **Л. С. Пушкину.** Кишиневъ, январь.—Душа моя, какъ перевести по-русски bévues? — должно бы издавать у насъ журналъ: Révue des Bévues — мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣева [2]), его же гербъ россійскій на вратахъ византійскихъ [3]) (во время Олега

[1]) Егоръ Кирилловичъ Варѳоломей, одинъ изъ богатыхъ бояръ, жившихъ въ Кишиневѣ, членъ мѣстнаго управленія.

[2]) Дума Рылѣева «Богданъ Хмѣльницкій», напеч. въ Рус. Инв. 1822, № 54, начиналась стихами:

Средь мрачной и сырой темницы.
Куда лишь въ полдень проникалъ
Скользя по сводамъ, лучъ денницы

Рылѣевъ исправилъ эту ошибку, перепечатавъ стихотвореніе въ Сынѣ Отеч. 1822, № 23. См. Соч. Рылѣева, изд. 1875, стр. 52 и 322, и [illegible]

[3]) Въ думѣ «Олегъ Вѣщій» (Новости Литературы, 1822, № 11) сказано, что Олегъ

Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи
Къ царьградскимъ воротамъ.

(Соч. Рылѣева, стр. 4)

герба русскаго не было — а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную — у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продиктовалъ Якову [1]) строки три на мое имя. — Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя потчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ.

> Когда средь оргій жизни шумной
> Меня постигнулъ остракизмъ, и т. д. (см. I, 281).

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

(По сгибу письма надпись: Брату.)

37. Ему же. Кишиневъ, 30 января. — Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо — жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро [2]). Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику [3]). Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду» — эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился — я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и «Русланъ», и Noël — [4]) и все дрянь въъ сравненіи съ ними. — Ради Бога, люби двѣ звѣздочки [5]);

[1]) [illegible]

[2]) Стихъ Державина.

[3]) [illegible]

[4]) [illegible]

[5]) Пушкинъ подписался ** подъ своими стихотвореніями въ «Полярной [illegible]

онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву [1]), знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи [2]). — Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный а въ Звѣздѣ просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели, и еще не ссорились за мальчика [3]). Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку —

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный [4])

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ ли царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей — напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая, впрочемъ, мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть, они правы — да и я не виноватъ. ———

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voilà assez. Assez, такъ assez: а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ Августѣ мѣсяцѣ [5]) — такъ и быть — а вѣдь непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

30 ——.

[1]) Владиміру Ивановичу, автору идиллій, къ которому написана Пушкинымъ въ 1822 г. эпиграмма: «Русскому Геснеру» (I. 283).

[2]) Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ «Пол. Звѣздѣ» стихотвореніе «Война», см. I. 257.

[3]) См. предыдущее письмо.

[4]) Стихъ изъ «Тарентинской Дѣвы» Гнѣдича (Пол. Зв. 1823).

[5]) Намекъ на жалобы Пушкина на свою ссылку. Ср. п. 32, пр. 4

38. Кн. П. А. Вяземскому. Кишиневъ, 5 апрѣля.— Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомлю тебя съ героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ [1].

Правда ли, что говорятъ о Катенинѣ? [2]) Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня.

Охотниковъ пріѣхалъ? [3]) Привезъ ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чадаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что ли?). Жива ли она, гдѣ она; если умер[illegible], чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ ли, или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не з[illegible] [illegible]нуло ли 15 лѣтъ генералу Орлову? [4]) или нѣтъ еще?— [illegible]

[illegible]

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ

[Адресъ: Его сіятельству кн. Петру Андреевичу Вяземскому, въ М[illegible] въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

39. А. А. Бестужеву. Кишиневъ, 13 іюня.— Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу, и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О «Взглядѣ» [5]) можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разго-

[1]) Калипсо Полихрони. См. стихотвореніе «Гречанкѣ», [illegible].

[2]) П. А. Катенинъ 7-го ноября 1821 г., по высочайшем[illegible] [illegible] высланъ изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ Семеновой, и поселился въ своей деревнѣ, Кологривскаго уѣзда К[illegible]

[3]) Адъютантъ М. Ѳ. Ор[illegible]

[4]) Вѣроятно, 15 лѣтъ штабъ-офицерской службы

[5]) «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» Пол. Зв. на 182[illegible] Тамъ же напечатаны «Романъ и Ольга» и «Вечеръ на бивакѣ», Бестужева

рячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова [1]), и обижать Майкова? «Елисей» истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи

Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что виденъ и понынѣ въ пескѣ сей самый знакъ [2]).

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Бл.....щеніе [3]); однакожъ Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года — постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со второго приступа овладѣть моей апоологіей? «Разбойниковъ» я сжегъ — и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его [4]). Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. — Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви. — Дельвигъ мнѣ съ

[1]) Осиповъ—авторъ шуточныхъ переложеній Энеиды и Превращеній Овидія. Объ упоминаемой же ниже поэмѣ В. И. Майкова «Елисей» Пушкинъ вспоминалъ въ очеркахъ VIII гл. «Онѣгина»: «читалъ охотно Елисея.»

[2]) См. въ изданіи сочиненій В. И. Майкова (Спб. 1867), стр. 333, 336, 354.

[3]) Такъ называлъ Пушкинъ одну свою поэму, написанную около этого времени.

[4]) Отрывокъ былъ напечатанъ только впослѣдствіи, въ «Пол. Зв.» 1825.

годъ ужъ ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня.—Прощай, до свиданья.—*А. П.*

13 [illegible]

50. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 19 августа.—Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Плѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде [1]). Я обѣщалъ ему предисловія, но отъ прозы меня тошнитъ. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба: если возьмешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что̀ оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человѣкъ? Говорятъ, что онъ славный малый и московскій франтъ. Правда ли?—Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ? [2])

19 [illegible]

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.]

---

51. Л. С. Пушкину. Одесса, 25 августа.— Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу [3]). Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь — мнѣ стало

[1]) Ср. письмо 25.

[2]) Ср. письмо 38.

[3]) Объ итальянской оперѣ въ Одессѣ того времени см. Воспоминанія Вигеля. VI. 105. 106.

жаль моихъ покинутыхъ цѣпей [1]). Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически — и выѣхавъ оттуда навсегда — о Кишиневѣ я вздохнулъ [2]). Теперь я опять въ Одессѣ, и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ какъ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій [3]). Онъ добрый малый, да иногда вретъ — напр. онъ пишетъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: «Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр...» — фраза, до[illegible] В. Козлова: дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки [illegible] Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите! — Здѣсь еще Раичъ [4]). Знаешь ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель — жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила — но служу я не по волѣ своей — и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ — на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію — хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ — когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

Одесса 25 [illegible].

Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ — выпустивъ любовный бредъ — а жаль!

[1]) Стихъ изъ «Шильонскаго Узника.»

[2]) Послѣдній стихъ «Шильонскаго Узника»

Я въ тюрьмѣ своей вздохнулъ.

[3]) Василій Ивановичъ, служившій въ канцеляріи гр. Воронцова.

[4]) Семенъ Егоровичъ (1792—1855), переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима»

52. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 14 октября. По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Плѣнника, слѣдственно, дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Плѣнникъ—иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ—должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи, и путникъ оживаетъ: живи, и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ—долы. Въ чужой аулъ цѣною злата—за много злата (впрочемъ, какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха [1]). Ночей, ночей — ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ [2]) добрый малый: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? [3]) Да вотъ еще два замѣча

---

[1]) Передѣлка стиха изъ баллады Жуковскаго: «Замокъ Смальгольмъ»

Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти, былъ отвѣтъ

[2]) Цензоръ

[3]) Въ этомъ посланіи, написанномъ въ 1816 г. и въ то время еще не бывшемъ въ печати (Соч. Вяз. III. 128) есть стихи

«Сказавъ прости очарованьямъ,
На зло плѣнительныхъ грѣховъ,
И упоительнымъ мечтаньямъ
Весны, веселій и стиховъ...»

нія, въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности. 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань — граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать [illegible] Теперь [illegible] Все [illegible]... [illegible] въ родѣ [illegible] ... пронзительнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни [illegible]

Письмо твое я получилъ черезъ Фурье [1]) и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малый, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій [2]); я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? [3]) Гр. Ланжеронъ [illegible] Diеu. [illegible] Северинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь [4]). Вигель [5]) [illegible] будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—*А. П.*

14 окт. Од.

Замѣчанія твои насчетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ [6]). Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его—прелесть. Кстати объ эпиграфахъ, знаешь ли эпиграфъ Кавказскаго Плѣнника?

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[illegible]

[3]) [illegible] извѣстный клерикальный писатель и дипломатъ, [illegible] La Grèce en 1821 et 1822. См. Oeuvres postl[illegible]

[4]) Дмитрій Петровичъ. Эпиграмму на него см. I, 282.

[5]) Филиппъ Филипповичъ.

[6]) Въ черновомъ прибавлено: «Кромѣ посланія къ Овидію».

Подъ бурей рока — твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ [1]).

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

43. Неизвѣстному лицу (черновое). Одесса, 22 октября. — Je réponds à votre P. S., comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa; je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre. Comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi, c'est à dire que je ne montrerai pas votre épitre à M-de S., comme j'en avais d'abord l'intention, en ne lui cachant ce que jetait sur vous l'intérêt d'un caractère byronique, et voici ce que je me suis proposé. Votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables. En révanche j'y ai préparé tout au long une belle réforme dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre. J'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job. Je vois votre vanité et votre passion à travers l'affectation de votre cynisme etc. Le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet. Mais comme vous êtes toujours mon maître en fait de morale, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils. Mais dépêchez vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles. Votre frère m'a dit que Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux. Mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2. mais cette fois-ci il aura de g. j. f., afin qu'il soit du secret comme tout le monde et qu'il soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire.

Octobre 22. 1823. Odess.

[1]) Изъ посланія кн. Вяземскаго къ гр. Ѳ. И. Толстому-американцу, съ которымъ Пушкинъ въ это время былъ въ ссорѣ.

55. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 4 ноября.—Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма [1]). Я выбросилъ то, чтò цензура выбросила бы и безъ меня, и то, чтò не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ ......, огрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе [2]). Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское поданіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, выпиши изъ нея чтò посноснѣе, да заворожи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой пошу трауръ. Полно, не воскреснетъ ли она? Чтò тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего: пишу, спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей.

Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить поазіатски, не читая журналовъ. Одесса городъ европейскій—вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать.—*А. П.*

Василью Львовичу дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

[illegible] ти, черновой оригиналъ этого письма: «Перечитывая твои письма, оберегъ меня охота спорить... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишеш[illegible] [illegible] даже стихи со времени революціи имѣютъ новы[illegible] А. Шенье... Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, [illegible] [illegible] грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant. [illegible] такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ итальян[illegible]хъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли [illegible] лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: та[illegible] нъ вдругъ выросъ! Парни—древній. Millevoye—ни то ни се, но хоро[illegible] [illegible]хъ. Lavigne—школьникъ Вольтера и бьется въ

[1]) Бахчисарайскій Ф[illegible].

[2]) Въ черновомъ: «Если не для меня, такъ для Софьи Киселевой!»

старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и во [illegible]. Помни [illegible] во — первый поэтическій геній въ [illegible] [illegible] что твои нѣмцы! Покамѣстъ [illegible]. О Дмитріевѣ споритъ съ тобою [illegible] [illegible] хорошей басни Кры[illegible] [illegible], а все прочее — перваго стихотворен[illegible] [illegible] дурномъ родѣ, холодны и растянуты. [illegible] [illegible]. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нел[illegible] [illegible] русскій поэтъ, poete de notre [illegible] Грустно мнѣ видѣть, что все [illegible] [illegible] могъ прикрикнуть налѣво [illegible] [illegible] [illegible]струнить новыя и показать [illegible] [illegible] [illegible]вуешь старому вралю... и гнушаешься [illegible] [illegible] я переварить не въ силахъ [illegible] [illegible]ить поэзію музыкѣ? Чинъ [illegible]

[illegible] теперь не разсказъ, а романъ въ стихахъ [illegible] [illegible]. Первая пѣснь или глава конч[illegible] [illegible] тебѣ ее доставлю. [illegible] что уже давно со мной [illegible] [illegible] О печати и [illegible] [illegible] размѣрить кр[illegible] [illegible]йствіи: лучше и не думать [illegible] [illegible] не то — что и [illegible]

---

45. Ему же. Одесса, ноябрь. — Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны [1]). Язвительныя лобзанія. Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А. П.

Не зритъ лица его гаремъ,
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей «Тавридѣ»: Подъ стражею скопцовъ гарема. Мнѣ хотѣлось что нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность [2]). Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣра матери моей
Была твоя...

---

[1]) Къ «Бахчисарайскому Фонтану».

[2]) «Таврида, или мой лѣтній день въ таврическомъ Херсонесѣ, поэма [illegible] стихахъ Семена Боброва», Николаевъ 1798.

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею; если жъ нѣтъ, оставь такъ. Равна грузинка красотою, но ника кр... а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое Путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожи[illegible] [1]).

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны! [2]). Посылаю Разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ; поставь любопытный, а стихъ все-таки калмыцкій.

---

46. Ему же. Одесса, 11 ноября. — Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей — мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года [3]).

11 ноября.

47. Бар. А. А. Дельвигу. Одесса, 16 ноября. — Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ, я живу по-азіатски, не читая вашихъ журналовъ. Надняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы

---

[1]) «Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.» Ив. Матв. Муравьева-Апостола напечатано въ Спб. 1823.

[2]) Тогда ходилъ слухъ, будто Грибоѣдовъ изобразилъ его въ Чацкомъ. Чадаевъ въ это время долженъ былъ оставить службу и уѣхать за границу, вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку и ея послѣдствій.

[3]) Ср. V, 121. Приписка кн. Вяземскаго: «Это предисловіе къ напечатанію не назначается.»

нашей [1]). Раздѣляю твои надеж[illegible] на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа — и украшу цвѣтами свой шалашъ — хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова [2]). Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительства: я полу-Хвостовъ [3])—люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана — онъ надняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забал[illegible]ываюсь до-нельзя [4]). Би[illegible]ковъ ея не увидитъ, за то что онъ [illegible]и — дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда мы и прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія. — Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера? — Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти. — *А. П.*

16 ноября.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника [5]).

[1]) Относится къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига «Н. М. Языкову»:

Я Пушкина мл[illegible].
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслаждени[illegible]
И первый я е[illegible].
И за себя богот[illegible].
Пѣвца Пировъ я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

[2]) Ор. Мих. Сомовъ существовалъ исключительно литературнымъ трудомъ. Говорится, вѣроятно, о Посланіи къ Гнѣдичу Рылѣева.

[3]) Гр. Д. И. Хвостовъ [illegible] дномъ изъ своихъ стихотвореній:

Люблю писать стихи и отдавать въ печать:
Не скрою и того: люблю ихъ и читать.

[4]) [illegible].

[5]) Der Berggefangene, переводъ «К. Пл.», вышедшій [illegible] Спб. 1823. Въ концѣ книги помѣщена «Tscherkessenlied», положенная на музык[illegible] Л. Мауреромъ.

48. Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ (черновое). Одесса, ноябрь.—Oui, sans doute, je l'ai devinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Odessa, ci-devant hermite de Kichineff. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folies, de tourments, d'ésprit, de grâce, de mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maïguine, loin de vous, tout malaisé, tout maussade, mes facultés s'anéantissent. J'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la femme du pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait un bon homme de poète, le petit bout de moi qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction que vous avez fait dans le temps? Mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du ciel. Nous avons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai m-me de Woronzof dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? Encore une fois, venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'ésprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte.

Quant à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrepointée), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de me[illegible].

S. qui passait pour avoir des goûts antiphysiques à passer un fil par le bout d'une aiguille... A. dit de lui qu'il exhalait partout où il passait de patience et de la...

49. А. И. Тургеневу. Одесса, 1 декабря.—Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ «Сынѣ Отечества» поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе, и дружеское попеченіе, которому

я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, если бъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость!
Простите жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. (Наполеона). Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ.
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ

Тогда въ волненьѣ бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья.
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя

[illegible]
[illegible]
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій [illegible],
И міру вѣчную св[illegible]
Изъ мрака ссылки завѣ[illegible]

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ на- [illegible] я закаялся и написалъ надняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго [illegible]

([illegible])

Свободы сѣятель пустынный
[illegible]
[illegible]
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя
[illegible]
[illegible]
Паситесь, мирные нар[illegible]
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

[illegible] Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня насчетъ Н. М. и К. А. Карамзиныхъ. Но, что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына?[1] Возможно ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ!

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ? Правда ли, что онъ переводитъ «Гяура?» А я надосугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

1 [illegible].

[1]) Княгиня Евдокія Ивановна См. I, 185

[Въ тетрадяхъ поэта сохранился и черновой набросокъ этого письма

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ прозаической Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и дру-скія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы.

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire

Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной азіатской Россіи, чтобы цѣнить и не вольный воздухъ европейской. Теперь мнѣ ничего бы не доставало, если бы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразум—

Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете имѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша; вотъ самыя сильныя строфы.

Это послѣдній либеральный бредъ. Надняхъ я закаялся и смотря — и на Западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой

---

50. И. Н. Инзову (?). Одесса, послѣ 8 декабря. — Je vous envoye, général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtemps. Veuillez recevoir mes remerciments. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à présent vous passer cette dette. Le faute est que je me crévais de misère. Agréez, général, l'assurance de mon profond respect.

---

51. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 20 декабря.

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute; symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенья: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures [1]).

Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? [2]) Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть

---

[1]) Стихъ Буало.
[2]) Н. И. Кривцову Пушкинъ писалъ около этого же времени. См. п. 53.

Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя расиечатнаго. Что журналъ Анахарсиса-Клоца Кюх.?[1]) Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьѣ Потоцкой, это дѣло другое Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ[2]) болѣе моего не замѣтитъ. Что, если бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей-Богу, веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

52. Ф. Ф. Вигелю[3]) (черновое). Одесса, декабрь.

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить — языкъ устанетъ!
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ, пламенѣя,
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варооломея[4]).
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ:
Не только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ рав[illegible]ть не смѣю.

[1]) «[illegible]ина», изд. В. К. Кюхельбекеромъ и кн. В. Ө. Од[illegible] 1[illegible] [illegible]рсисъ-Клоцъ — демагогъ, погибшій на ги[illegible] 17[illegible] г[illegible] П[illegible] [illegible]утку прозвалъ Кюхельбекера

[2]) А[illegible] П[illegible]тровна, рожд. Юшкова (1785—1864), племянни[illegible] [illegible]скаго, составительница дѣтскихъ повѣстей и сказокъ и свящ[illegible] для дѣтей. О ней см. ст. П. И. Бартенева въ газ. «День» 1864, № 13, и Геннади, Слов. руск. пис. II [illegible].

[3]) [illegible] авторъ извѣстныхъ «Воспоминаній» (3 тома, М. 1866), былъ въ это время директоромъ отдѣленія иностранныхъ исповѣданій въ синодѣ. О немъ и его Запискахъ см. ст. М. Н. Лонгинова, въ Соврем. Лѣтописи 1863, № 46

[4]) Егоръ Кирилловичъ Варооломей, молдаванскій бояринъ (куконъ), членъ совѣта мѣстнаго управленія въ Кишиневѣ

Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ;
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотою стройныхъ дѣвъ;
Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
. . . .
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣю о твоей судьбѣ.
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь я...
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади мой....

Эти стихи, слѣдственно, шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю васъ разсѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ, думаю, годенъ къ употребленію въ пользу собственно меньшой. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ... Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ а...скій жезлъ, слѣдственно, чортъ съ нимъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи Варооломей объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду надняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Заваль-

евскому[1]). Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что-нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали...

(Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина сохранился еще набросокъ о Кишиневѣ:

Тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Болтливый грекъ и турокъ молчаливый,
И важный персъ, и хитрый армянинъ...)

---

53. Н. И. Кривцову. Одесса, декабрь.— Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О дружба, дружба!

54. А. Н. Раевскому (? черновое). — Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs des bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ — вотъ что они. Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже палочные удары, съ хладнокровіемъ, поистинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо

[1]) Чиновникъ, служившій въ канцеляріи гр. Воронцова

трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы.

[Печатается по переводу съ французскаго, сдѣланнаго П. В. Анненковымъ въ книгѣ «Пушкинъ», 204—205, такъ какъ подлинной рукописи нѣтъ въ числѣ бумагъ Пушкина, хранящихся въ Рум. Музеѣ.]

55. А. А. Шишкову [1]).— Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Милостивый государь», «лестное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорнѣйшій слуга»,— такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одинакова и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ тифлискими виноградниками? Если у тебя есть что нибудь, пришли мнѣ—право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.— *А. Пушкинъ.*

Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу [2]). Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами — любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ — наврядъ.

---

[1]) См. I. 151.

[2]) Казначеевъ, правитель канцеляріи гр. Воронцова

1824.

56. Л. С. Пушкину. Одесса, январь.—Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись — а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы! [1]) Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais tu? [2]) На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ — за деньги, за деньги, за деньги — таковъ я въ наготѣ

[1]) Изъ извѣстной пѣсни Рылѣева: «Ахъ, гдѣ тѣ острова» (Соч. Рылѣева, стр. 184).

[2]) Въ рукописяхъ поэта сохранился черновой набросокъ стиховъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
«Смотрите! вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она;
Зачѣмъ же пишете?» Я? для себя! «За что же
Печатаете вы?» Для денегъ! «Ахъ, мой Боже,
Какъ стыдно!» Почему жъ?

моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола [1]). Душа моя, меня тошнитъ съ досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? Кстати о гадости—читалъ я «Ѳедору» Лобанова [2])—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ — и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути

М... его въ риѳму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеръ «Федры»—верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hyppolyte — et même un peu farouche, Ипполитъ, суровый скиѳскій выб....—не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамепъ, аббатъ и сводникъ — vous même où seriez vous, etc...—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровскій» полонъ жизни [3]). Что Кюхля? Дель-

[1]) А. О. Корниловичъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, впослѣдствіи осужденный за 14 декабря 1824 г., издалъ въ 1825 г. альманахъ: «Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 г.». Тамъ, въ предисловіи, находится фраза, надъ которою смѣется Пушкинъ.

[2]) Федра, трагедія Расина, переведенная М. Лобановымъ. Спб. 1823.

[3]) Отрывокъ былъ напечатанъ въ «Пол. Звѣздѣ» 1824.

кпигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега Вѣщаго» и напечаталъ. Можетъ быть, я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его,—онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не разчухалъ.

---

57. А. А. Бестужеву. Одесса, 12 января.— Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Великая важность! а какой же смыслъ имѣетъ: Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч. [1]) Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute? [2])

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу [3]). Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя, sans rancune и съ благодарностію за все остальное — прозу и стихи. Ты — все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій—прелесть и чудо. Признаніе—совершенство! [4]) Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы набор-

[1]) Элегія «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» была напечатана въ Пол. Зв. на 1824 г. съ тремя послѣдними стихами, впослѣдствіи исключавшимися во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тогда же напечатанныхъ, поэтъ указываетъ опечатки: вмѣсто «надъ ясной влагою» и съ «боязнью и тоской.» См. I. 225 и 294.

[2]) Въ черновомъ прибавлено: «Я хотѣлъ было за вину твоей корректуры извиниться въ какомъ нибудь журналѣ, — публика этого не стоитъ.»

[3]) См. п. 29.

[4]) Въ Пол. Зв. на 1824 г. напечатаны стих. Баратынскаго: Истина, Аглая Римъ, Признаніе и Къ*** (Лутковскому).

щикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.—*А. Пушкинъ*.

[illegible] Одесса.

[Адресъ: [illegible] ціи, прошу доставить г. Бестужеву.]

---

58. Ѳ. В. Булгарину. Одесса, 1 февраля.— Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ «Листкахъ» здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе [1]).

Одесса. 1 февраля.

59. А. А. Бестужеву. Одесса, 8 февраля.—Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти [2]) въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN и ожидаетъ одобрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? [3]) Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ отличается

[1]) См. предыдущее письмо. Замѣчательно, что заботясь объ исправленіи опечатокъ, Пушкинъ все-таки не достигъ своей цѣли: стихотвореніе «Простишь ли мнѣ» было помѣщено въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824, № 4, съ пропускомъ противъ напечатаннаго въ альманахѣ.

[2]) «Замокъ Нейгаузенъ» въ Полярной Звѣздѣ на 1824.

[3]) [illegible]

новостію мыслей; можно бы съ бо́льшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли [1]).

Арабская сказка — прелесть [2]). Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову [3]). «Вчера люблю и мыслю» помѣстить современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы [4]). Плетнева Родина хороша; Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана — не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve [5]).

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же, я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. — Объ моей поэмѣ нечего и думать [6]). Если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.

8 февраля 1824.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Ник. Ивановичу Гречу въ Спбгѣ. Въ газетной экспедиціи. Прошу доставить г. Бестужеву.]

[1]) Николай Александровичъ Бестужевъ (1791—1855), авторъ «Записокъ о Голландіи» (Спб. 1821) и переводчикъ повѣсти Т. Мура «Обожатели огня» (Спб. 1821), былъ членомъ Вольн. общ. люб. рос. слов. Его біографія, составл. М. И. Семевскимъ, напеч. въ «Зарѣ» 1869, № 7.

[2]) «Витязь буланаго коня» О. И. Сенковскаго.

[3]) Въ черновомъ прибавлено: «а не печатать въ европейскомъ изданіи.»

[4]) Мадригалъ Родзянки: Къ милой, оканчивается стихами: «Вчера, сегодня, безпрестанно люблю и мыслю о тебѣ.»

[5]) Стихъ Шенье (La jeune captive); говорится объ Ек. Ник. Раевской.

[6]) Говорится объ Онѣгинѣ. Въ черновомъ еще прибавлено: «она писана строфами едва-ли не вольнѣе строфъ Донъ-Жуана.»

60. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 8 марта.—Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что̀ тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола [1]).

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей [2]). Жизни Дмитріева [3]) еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то на-

[1]) Ср. п. 56, о Корниловичѣ.

[2]) «Замѣчанія на краткое обозрѣніе рус. литературы 1822 г., напечатанное въ № 5 «Сѣвернаго Архива» 1823 года»—въ «Нов. Лит.» 1823, № 19 (Сочин. Вяз., I, 101).

[3]) «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева»—при книгѣ: «Стихотворенія И. И. Дмитріева», изд. 6-е, Спб. 1823. (Соч. Вяз., I, 112).

[Въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» и пр. (стр. 252 и 220) приведены отрывки изъ черноваго наброска этого письма: «Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе, т. е. за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другого — и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа — возьми, что̀ тебѣ слѣдуетъ, изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ — рости имъ не зачѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось. Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ, ничуть не для улыбки прекраснаго пола... О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго; по мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вралю...»]

звалъ le poëte de notre civilisation. Быть такъ, но хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ, твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги всѣ вѣдь истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

8 марта 1824. Одесса

61. Неизвѣстному лицу въ Москвѣ. Одесса, мартъ.—...Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?— Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная . . . .

[Это письмо, изъ котораго извѣстенъ только приведенный отрывокъ, было прочитано на почтѣ и послужило главнымъ поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Одессы. По указанію А. И. Левшина, бывшаго тогда правителемъ походной канцеляріи гр. Воронцова, докторъ-атеистъ Гутчисонъ, учившій Пушкина философіи атеизма, впослѣдствіи, въ Лондонѣ, былъ ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви. См. Анненкова, Пушк., 260.]

62. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, мартъ — апрѣль.— Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. Разговоръ [1])—пре-

[1]) «Вмѣсто предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова» при отдѣльномъ изданіи поэмы, Спб. 1824 (Соч. Вяз., I, 167).

лесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья—tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю надняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тиспу. Тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣверной [1]), да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Слёнинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи... Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники [2]). Прости, душа; да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи. — Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

---

[1]) Матери дипломата, находившейся съ И. И. Дмитріевымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

[2]) См. слѣдующее письмо.

63. Л. С. Пушкину. Одесса, 1 апрѣля.— Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземскій:

«Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него — кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.»

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей славы — чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ: слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ «Фонтанъ» расходится — или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать—это разбой [1]); рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня — мнѣ все равно — ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю наравнѣ съ книгопродавцами — пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1-го апрѣля 1824.

Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ [2]), адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малый, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. — Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ куда хорошо!

[Адресъ на оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину, у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.]

[1]) Булгаринъ напечаталъ въ своихъ «Литературныхъ Листкахъ» (1824, № 4) по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» отрывокъ изъ письма Пушкина къ Бестужеву (п. 59).

[2]) Ив. Григ. Сенявинъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

64. А. И. Казначееву[1]. Одесса, 25 мая. — Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ — не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога, не думайте, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риомача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, такъ же какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другого начальника кромѣ его сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку — я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня ане-

---

[1]) А. И. Казначеевъ былъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова. Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ его семействомъ; жена А. И., урожденная кн. Волконская, была женщина литературно-образованная и умная.

вризмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.

65. Ему же (черновое). Одесса, іюнь. — Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affection que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant aux craintes que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretterai-je? est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner. Sont ce mes appointements? Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner. Mais puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent que le service, il est tout naturel de leur sacrifier les occupations de mon service. Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection: j'éstime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui, et rien que je sache ne dégrade plus que le patronage... J'ai des préjugés démocratiques, qui vaillent bien les préjugés aristocratiques.

Je n'aspire qu'à l'indépendance (pardonnez-moi le mot en faveur de la chose); à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les régarde plus que comme une marchandise à tant la piéce. Je ne concevois pas la consternation de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis). Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel ou tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais, qui vient promener parmi nous sa platitude, sa nonchalance et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte Woronzow, qui est un homme d'ésprit, saura me donner le tort dans l'opinion du public, — triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie tout autant de l'opinion de ce public que de l'admiration de nos journaux.

66. Л. С. Пушкину. Одесса, 12 iюня.—Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ булгаринскаго вранья — чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» —выйдутъ ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры [1]). А жаль... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ» —скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу: хлопоты другого рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская [2]), добрая и милая баба — но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавказскаго Плѣнника» за 2000 р., кому бишь? Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ — вперялъ онъ любопытный взоръ. И упоительнымъ мечтамъ — и упоительнымъ. Не много... сій дней — ночей — ради Бога. Прощай.

[На оборотѣ штемпель почтамта: «Одесса, 13-го iюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ «Онѣгина»: «Я помню море предъ грозою». I. 35.

Адресъ: Мил. гос. Л. С. Пушкину. Въ С.-Петерб., у Обухов. моста, въ д. Полторацкаго.]

[1]) Ср. Второе посланіе цензору, I, 320.

[2]) Княгиня Вѣра Өедоровна, урожденная княжна Гагарина, ум. въ iюлѣ 1886 года.

67. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 13—14 іюня.— Я ждалъ отъѣзда Трубецкого, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что̀ всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ [1]) вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно [2]). Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ — пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братьи негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей — это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что̀ писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child-Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ, однакожъ, вирши на смерть его превосходительства.

Хотѣлось бы мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства [3]). Что̀ ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппо-

[1]) Кн. Вѣра Ѳедоровна, супруга кн. Вяземскаго, жила въ Одессѣ

[2]) Ср. п. 25.

[3]) Министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто князя А. Н. Голицына былъ назначенъ А. С. Шишковъ. Ср. предыдущее пи[illegible]

зиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволятъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана — вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а (какъ я говорилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты вздорный издатель; а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не бранясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитріевымъ. — *А. П.*

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

68. А. А. Бестужеву. Одесса, 29 іюня. — Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая, что я сердитъ на тебя — лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другого я не получалъ). Булгаринъ — другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно ли вывѣшивать на показъ ... свои ......? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. — Чортъ дернулъ меня написать еще не кстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! [1]) Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей?» Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журна-

[1]) См. п. 59 и 63.

ловъ на свѣтѣ и всей нашей публики... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой ми[illegible], что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду [1]).

Онѣгинъ мой ростетъ, да чортъ его напечатаетъ. — Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія «Разбойниковъ», то я никакъ его не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (ско[illegible]! скоты! скоты!), а н..а — къ чорту его!

Кончу дружеской коммисіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ.— Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится ли Аристиппъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо.—Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

[illegible]

69. Н. В. Всеволожскому (черновое). Одесса, іюнь.—Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій,—ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ,—Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего това-

[1]) См. письмо къ издателю «Сына Отеч.», въ т. V, стр. 17.

рица въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь..., да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышняго Господа... Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полу-продалъ, полу-проигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь ... родитъ задоръ .... Я раскаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ; большая часть оныхъ ниже посредственности, годится только на ...; нѣкоторые хочется мнѣ спасти. Царь не боится свободы. Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну—1000 р. (я знаю, что ты со мной торговаться не станешь, даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу... Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя..., обнимаю и прошу... когда не свидимся...

---

70. А. Н. Раевскому (? черновое). Одесса, іюнь.— Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что случилось мнѣ говорить касательно грековъ. Исключительные люди по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы; старая истина, которую все таки не худо повторить. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько же, сколько и единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы...

---

71. А. И. Тургеневу. Одесса, 14 іюля.—Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда,— но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ.[1]) Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякій случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполнѣ, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва ли можетъ оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной[2]) constitutionelle ou anti-constitutionelle, mais toujours adorable comme la liberté! *А. П.*

14 juillet

72. Кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 15 іюля. — За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать

[1]) Ср. V, 38.

[2]) Евдокія Ивановна. См. I, 185.

мнѣ не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины? Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ [1]). Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 [illegible]

73. А. Н. Вульфу. Михайловское, 20 сентября.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ — ужъ молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни — любви посвящены,
Ночью — царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданія, мой милый. *А. П.*

---

[1]) Ольдекопъ, служившій въ III Отд. собств. канц., напечаталъ нѣмецкій переводъ К. Пл. съ русскимъ оригиналомъ. Хлопоты Пушкина не удались, ибо графъ Бенкендорфъ защитилъ своего подчиненнаго.

Приписка сестры Ал[illegible] Анны Нико[illegible] это письмо [illegible] тебѣ, мой милый другъ; онъ давно сбира[illegible] мала, что это будетъ только на [illegible] [illegible]ое письмо къ Языкову и ежели можешь, употр[illegible] его, чтобъ онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пу[illegible] етъ: покамѣстъ пожалуста отвѣчай скорѣе на это [illegible] отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много [illegible]. [illegible] [illegible]есь, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ онъ [illegible]. Я [illegible] А. Н. [illegible]. [illegible] душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ. Я [illegible], то такъ и быть, полагаюсь на твою [illegible]. Пр[illegible] [illegible] радость; съ нетерпѣніемъ [illegible] [illegible]ій тебѣ душой преданную Анну Вульфъ.— С[illegible] [illegible]

[illegible] Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфу въ гор. Дерптъ.»

74. П. А. Плетневу (черновое). Михайловское, сентябрь — октябрь.

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго Сосѣда,
Достоинъ очень онъ того
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой издатель
. . . .

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ: ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; говорятъ, онъ...

[Относится, несомнѣнно, къ Плетневу, который, какъ видно изъ его переписки съ кн. П. А. Вяземскимъ (Соч. Пл., III, 382), былъ издателемъ сочиненій В. Л. Пушкина.]

75. Л. С. Пушкину. Михайловское, конецъ октября.— Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча)? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ

числѣ и «Талію» Булгарина [1]). Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею (Вульфъ) и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-тилѣтней дѣвушки, или она—талью 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ [2]). Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался—поставь: «швейцара мимо онъ стрѣлой.» Въ «Разговорѣ», послѣ: Искалъ вниманье красоты—нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ

[1]) Альманахъ «Русская Талія» на 1825 годъ, изд. Булгарины[illegible].

[2]) Михайло Ив. Калашниковъ, крѣпостной человѣкъ Пушкиныхъ, былъ въ Михайловскомъ еще при «арапѣ», т. е. при Петрѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ, котораго хорошо помнилъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ Михайловскимъ, а потомъ—Болдинымъ. На старости отпущенный на волю, уме[illegible] бѣдности, въ Петербургѣ, осенью 1858 г., слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду. [illegible]магахъ Пушкина случайно сохранился клочекъ, оторванный отъ его письма, съ подписью: «рабъ Калашниковъ.»

недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи. — Прощай, моя радость. Что жъ чухонка Баратынскаго [1]). Я жду.

76. В. А. Жуковскому. Михайловское, 31 октября. — Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпіономъ [2]). Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ...

Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!.. Потомъ, что хотѣлъ бить!...

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.. Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ — спаси меня. — *А. П.*

31 октября

[1]) Поэма «Эда», напечатанная только въ 1826 году.

[2]) Начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ опочецкому уѣздному предводителю дворянства Пещурову пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

[Г. Анненковъ приводитъ отрывки изъ этого же письма по сохранившемуся черновому наброску:

Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ... но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться; я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть Пещуровъ, осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку короче, быть моимъ шпіономъ!.. Желая наконецъ вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ — я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: «что говорю ему въ послѣдній разъ.» Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ! потомъ, что хотѣлъ бить... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.. Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія... Спаси меня!.. Я сосланъ за одну строчку глупаго письма; если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что поднялъ руку на отца посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахн[illegible].]

77. **Б. А. Адеркасу.** Михайловское, ноябрь. — Милостивый государь Борисъ Александровичъ! [1]) Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

[1]) Борисъ Антоновичъ Адеркасъ, псковскій губернаторъ.

[Письмо не дошло по адресу, потому что посланный привезъ его обратно не заставъ губернатора въ Псковѣ. Ср. письмо Жуковскаго къ Осиповой, въ Соч. Жук., изд. 1878, VI [illegible]]

78. Л. С. Пушкину. Тригорское, въ началѣ ноября.—Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ, ему извѣстныхъ — я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи [1]).

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. найдешь у St-Florent, 2. сѣрныя спички, 3. карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ), 4. жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана [2]) и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать.

Прощай; отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде января.— Всѣмъ поклонъ. пиши же живѣе.

[На оборотѣ: Милостивому государю [illegible]]

[illegible] листъ сѣрой бумаги [illegible]

Братъ, вотъ тебѣ картина для Онѣгина—найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непремѣнно.—Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

---

[1]) См. п. 7[illegible]

[2]) «Подражаніе Корану»—см. I, 32[illegible]

[На оборотѣ начерчены карандашомъ: крѣпость, ло[illegible] и опершись на нее двое мужчинъ; все помѣчено [illegible] 1. Хорош[illegible] быть опершися на [illegible] Пе-тропавлов[illegible] съ этой картинки приложенъ [illegible] Запискамъ 1858 г.—Въ свое время она была перер[illegible] [illegible]ложена въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ «Невскому А[illegible]» [illegible] съ 5-ю другими картинками изъ Онѣгина. Пушкин[illegible] граммы на нихъ, изъ коихъ одна неудобна къ печати, а другая печатается съ замѣной одного слова

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ,
[illegible]
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосье Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!]

79. Ему же. Михайловское, въ половинѣ ноября.—Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу [1]) у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! [2]) ништо проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire de b—t. Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да на долго ли это его задержитъ въ тинѣ петербургской? Что погреба?—признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! [3]) Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ, или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «Разговоромъ». Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ, Анна Николаевна (Вульфъ) на тебя сердита. Рокотовъ [4]) пересказалъ Прасковьѣ Александровнѣ (Осиповой) твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ! Все-таки она приказала тебя, пустельга, разцѣловать. Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Алексан-

[1]) П. 77.
[2]) [illegible]
[3]) [illegible]
[4]) [illegible]

дрінскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ живни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису: мочи нѣтъ, какая скучная дура! [1]) Жду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. Ѳ. [2]). Будетъ ли картинка у «Онѣгина»? Что дѣлаютъ Полярные господа [3]). Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ (Екатерина Марковна) и распечаталъ, полагая, что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ,—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

[На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки»; а близъ печати, у прорваннаго мѣста: «я расковырялъ!»]

80. В. А. Жуковскому. Михайловское, 24 ноября.—Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! Зачѣмъ же обвинять было сына? [4]) Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца

[1]) «Клариса Гарлоу», романъ Самуила Ричардсона. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ».

[2]) Кн. Влад. Ѳедор. Одоевскій вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ тогда издавалъ «Мнемозину».

[3]) Рылѣевъ и Бестужевъ—издатели «Полярной Зв[illegible]».

[4]) Въ черновомъ наброскѣ: «Экой дуракъ! Въ че[illegible] онъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!.. Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ.»

словами... каламбуръ и только [1]). Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что жъ, милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой гречанки? [2]) Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! она родня поэтамъ по поэзіи; по А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего...

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

[illegible]

81. Кн. В. Ѳ. Вяземской (черновое). Михайловское, конецъ сентября. — Belle et bonne princesse Véra, aussi charmante et généreuse, je dois vous remercier pour votre lettre; les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exposer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien des chagrins et seule a pu diminuer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existence. Vous devez la connaître, cette sotte existence. Ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être son agent de persécution. On m'y reproche mon éxil, on se croit d'être entrainé dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur, qui est une créature céleste, et à mon frère qui est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très-certainement. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard [3]). Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но — слава à Dieu — небо у насъ сивое, а луна — точно рѣпа.

---

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

A l'égard de mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord. Ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux d'une réputation d'Onéguine, et voilà je suis prophète en mon pays...

Pour toute ressource je vois souvent bonne vieille voisine [1]), j'écoute ses conversations patriarchales. Ses filles, assez mauvaises sous tous les rapports, me jouent de Rossini, que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide muse, et le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe que je vous dois; montrez-la au prince Pierre; dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa, de vos enfants! Avez-vous consulté le docteur de Miré? Que fait-il, и что М...

[Адресъ: Покорнѣйше прошу доставить ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской.]

82. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 29 ноября.—Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ [2]). Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (солжемъ на всякій страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пенять не на кого: самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечи-

[1]) П. А. Осипова.

[2]) См. п. 72.

теля; но въ нынѣшнія обстоятельства всякій другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія. — Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому же 17-лѣтней, къ тому же влюбленной! Что жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тётки не внушила ли какого нибудь перевода Вас. Львовичу? Нѣтъ ли хоть эпитафіи? Пиши мнѣ: Ея высокородію Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

Знаешь ли ты мою Телѣгу Жизни?

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы рады голову сломать
И, презирая страхъ и нѣгу,
Кричимъ: валяй...
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ попрежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И, дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.
1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ.

[Штемпель: Опочка. 1824, дек. ?.]

83. Д. М. Княжевичу (черновое). Михайловское, ноябрь — декабрь. — Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дмитрій Максимовичъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ, — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни италіанской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко, совершенный Онѣгинъ; цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она — единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно. Я въ перепискѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Объ Одессѣ — ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ, — скажите мнѣ, что у васъ дѣлается, скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли Катенька [1]). Гр. Р. я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благо...

[Далѣе нѣсколько листовъ тетради вырвано.]

84. В. А. Жуковскому. Михайловское, декабрь. — Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякій случай, повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живое. Восьмилѣтняя Родося Сафіоносъ, дочь грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупянской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи [2]). Нельзя ли сиротку пріютить? Она племянница русскаго полковника, слѣдовательно можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье. — О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, вываливая, что̀ у меня на сердцѣ. — Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ, кого можно; прочимъ — всю душу.

---

[1]) Гика, о которой упоминаетъ Липранди.

[2]) См. п. 80.

85. Л. С. Пушкину. Михайловское, декабрь.—Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А. (Плетневымъ), хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ — святочную пѣсенку [1]. Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять— а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить «Онѣгина» изъ-подъ цензуры—слава ... [2])—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги; да пришли же мнѣ всевозможные календари [3]), кромѣ придворнаго и академическаго. Кстати — начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ,
Тургеневѣ А.,
Сѣверинѣ,
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли ли на Воронцова?.. говорятъ, бѣсится—за что бы, кажется? да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева [4]). Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

От усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала!

---

[1]) «Noël» или «сказки», о которой упомянуто выше, въ п. 37.

[2]) [illegible].

[3]) Т. е. [illegible].

[4]) Эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ и корреспонденціи за границу, въ случаѣ бѣгства. Около этого же времени Пушкинъ писалъ кому-то изъ своихъ друзей: «Стыжусь, что доселѣ не имѣю духу исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ. Глуп[illegible]

Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio

Получилъ ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b-t? [1])

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

---

86. Ему же. Михайловское, 4 декабря.—Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «Демона!» моего «Демона»! [2]) послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стиховъ отъ меня. NB г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ «Разговоромъ» поставить число: 1823 годъ? Стихъ: «вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи». надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière-neveux me devront cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось прежде предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ [3]). Закрытіе театра и запрещеніе баловъ — мѣра благоразумная [4]). Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна—и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ.

[1]) II. 79.

[2]) Въ Мнемозинѣ 1824 г.

[3]) Къ подобнымъ порученіямъ Пушкинъ возвращался не разъ. Въ перепискѣ съ братомъ сохранился листокъ съ его замѣтками: «Бумаги, перьевъ, облатокъ, чернилъ, чернильницу de voyage. Чемоданъ. Библіи 2. Шекспиръ. Вина bordeaux, soterne. Champagne. Сыръ. Курильницу. Lampe de voyage. Allumettes, табакъ, гл. труб. черешн. Chemises,..., bague. Medaillon simple, montre.» (Подчеркнутое—въ подлинникѣ зачеркнуто).

[4]) Послѣ наводненія 7-го ноября.

Велико дѣло милліонъ: но соль, но хлѣбъ, но овес[illegible] [illegible]? Объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать, хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе [illegible] забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается [illegible] [illegible] нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письмен[illegible]. Ничуть не забавно стоять въ Инвалидѣ наряду съ идил[illegible] [illegible] ассессоромъ Панаевымъ. Пришли же [illegible] Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! да если она [illegible]лѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и с[illegible] [illegible] не буду.

[illegible]

(Приписка сестры). [illegible] тебя, я также. Твои Тригорскія пріятельницы несносныя..., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

(Приписка по сторонамъ письма): Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту, и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Слёнину. Присылай мнѣ Старину [2]); это пріят[illegible]. [illegible] Дель-вига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ, слѣпой? ты читалъ ему Он[illegible]?

[illegible]

87. Ему же. Михайловское, конецъ декабря. — Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздр[illegible] тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дель-

[illegible] у двумя и [illegible] написалъ [illegible]

[2]) [illegible]

вига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ [1]) да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

(На оборотѣ, вдоль страницы): Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

88. **Ему же** (черновое). Михайловское, декабрь.

Что же? Будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ.
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои,
Въ лѣта юности безумной
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское. . . . .
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Безъ разбора . . . . . .
Вина обхожу кругомъ...

89. **Бар. А. А. Дельвигу.** Михайловское, декабрь. — Путешествіе по Тавридѣ [2]) прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы

[1]) «Сѣверные Цвѣты».
[2]) И. М. Муравьева-Апостола, напеч. въ Спб. 1823.

не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній — посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу [1]) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти [2]).

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикинеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвы-

[1]) Изъ Тамани въ Керчь. — *А. П.*

[2]) Кипарисъ, любимецъ Пушкина, цѣлъ до сихъ поръ. Онъ выросъ огромнымъ, статнымъ деревомъ, путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ. Юрзуфскіе татары сложили легенду, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ вмѣстѣ съ нимъ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатаго пѣвца; но поэтъ умеръ, и соловей больше не прилетаетъ. См. Крымскія письма Евг. Туръ, въ Спб. Вѣд., 1854, письмо 5

чайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риѳмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?

и пр. См. Посланіе къ Чаадаеву, I, 226.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе — самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?.. и проч.

---

90. Н. И. Кривцову (? черновое). Изъ Михайловскаго.—Помнишь ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣнивецъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день гру-

стить, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю, сердишься ли?

Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга.

1825.

91. Л. С. Пушкину. Михайловское, январь.— Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи.— Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится — то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ. — Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перемѣрять хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покамѣстъ я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина.— Они надняхъ меня зарѣжутъ.— Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ..... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ «Моремъ и Землею» [1]) должно было поставить: идиллія Мосха.— Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай позволяю. Плетнева цѣлую и буду писать.

Да пришлите же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его, да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало Кота Измайлова очень мило [2]).

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экземпляровъ. [3])

92. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, январь.—Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодари ее за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты, конечно, правъ: болѣе чѣмъ когда нибудь обязанъ я уважать себя. Унизиться передъ правительствомъ была бы глупость. Довольно ему одного Граббе. [4]).

Я писалъ тебѣ надняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ. [5]) Завѣтныхъ покамѣстъ нѣтъ.

---

[1]) Стихотвореніе это написано въ Кіевѣ въ 1821 г.; напечатано въ январьской книжкѣ «Новостей Литературы» 1825 г. См. I, 2[illegible].

[2]) Басня Измайлова «Черный котъ», въ Невск. Альм. на 1825 г.

[3]) Гавр. Абр. Пакатскій, священникъ при церкви городскихъ богадѣленъ, подъ Смольнымъ монастыремъ, въ Петербургѣ, переложилъ въ стихи Плачъ Іереміи (1812), Псалтирь (1818), Книгу Іисуса Сираха (1825) и Канонъ Андрея Критскаго (1829). За Псалтирь Россійская Академія наградила его преміей въ 500 р. (Изв. Росс. Ак. 1820, кн. VIII, стр. 7); на заглавномъ листѣ этой книги перелагатель названъ «лишеннымъ зрѣн[illegible]».

[4]) Гр. Павелъ Христоф. Граббе, командиръ Лубенскаго гусарскаго полка былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль.

[5]) Пущинъ былъ въ Михайловскомъ 11 январ[illegible] 1[illegible] г.

93. Ему же. Михайловское. 25 января.

Прiятелямъ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда нибудь, любого;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей.
Какъ налечу нежданный, безпощадный
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 янв. Напечатай гдѣ нибудь.

Какъ ты находишь статью, что̀ написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашь![1]) Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ)? Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;
Поэтъ Глаголь, не становись фертòмъ;
Дьячекъ Глаголь, ты ижица въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякiя скверны[2]).

94. К. Ѳ. Рылѣеву. Михайловское, 25 января. — Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣнiемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго[3]). Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзiи? Куда же дѣнутся сатиры и комедiи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза,

[1]) Статья Плетнева: «Письмо къ графинѣ С. И. С. (Сологубъ) о русскихъ поэтахъ», напечатанная въ «Сѣв. Цв.» на 1825 г. См. Соч. Плетнева, I, 160.

[2]) Относится къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

[3]) Въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г. новыхъ отрывковъ «Войнаровскаго», однако, напечатано не было, а явился онъ, въ началѣ того же года, въ отдѣльномъ изданiи

и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но несовсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же, переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды. — Прощай, поэтъ.

[illegible]

95. А. А. Бестужеву. Михайловское, послѣ 25 января.

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ [1]). Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. — Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно-комическаго генія. — Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣ-

[1]) Комедію Грибоѣдова привезъ въ Михайловское И. И. Пущинъ, который и читалъ ее Пушкину, 11 января 1825 г.

комъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? — Это непростительно. — Первый признакъ умнаго человѣка, — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. — Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину — прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его воля.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся. — Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. — По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ [1]) не нравится — напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ — есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листковъ Булгарина тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга [2]). — Вели прислать.

96. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, февраль. — Что ты замолкъ? Получилъ ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc. [3])? Въ «Цвѣтахъ» встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху,

[1]) Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. I. 274.

[2]) John Bowring, переводчикъ произведеній русской, польской, чешской и венгерской поэзіи.

[3]) II. 82.

прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чистосердечный отвѣтъ растянутъ; риомы: слезы, розы — завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы — очень забавно. по вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучитъ — растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ — едва ли не плеоназмъ. Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піесы [1]). Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы сократъ выше одъ и гимновъ. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или Телѣга? Что мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельства нехороши — чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покамѣстъ я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь — я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое второе Посланіе Цензору? Тамъ, между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

[1]) См. Соч. Вяз. III. [illegible], [illegible].

97. Л. С. Пушкину. Михайловское, въ половинѣ февраля.
Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1, потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ. а вы ихъ тисните. Твои опасенья насчетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе не справедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ; а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣстъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно — отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché [1])! Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ, судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетёръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если нѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ [2]) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: «Дѣвушка влюбленному поэту» — кромѣ авторàми. А куда онъ, Коншинъ! Его элегія въ «Цвѣтахъ» [3]) какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое [4]).

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я министръ

---

[1]) Жанъ Фуше, герцогъ Отрантскій, по от[illegible]фовъ. «гнуснѣйшая личность временъ республики и имперіи»; коммисаріа[illegible]ворь и палачъ в[illegible] время революціи, онъ при Наполеонѣ I былъ министромъ полиціи и прославился какъ геніальный сыщикъ и шпіонъ.

[2]) Такъ Пушкинъ почему-то называетъ Туманскаго. Въ его стихотвореніи, напечатанномъ въ «Новостяхъ Литературы» (февр. 1825), есть стихъ: «Какъ будто сидя съ авторàми». См. Стих. В. И. Туманскаго, Спб. 1881, стр. 100.

[3]) Элегія Туманскаго: «На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья» (Тамъ же, стр. 101.)

[4]) [illegible]

[illegible] блъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?.. и мораль долга ль?.. какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ исстыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ — пишу записки — но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отпиши мнѣ, какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ — а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ [1]) помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

98. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 19 февраля. — Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время.

Онѣгинъ напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ Разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову [4]). Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué [illegible]ment.

Что же Телеграфъ обѣтованный? [5]) Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телѣгу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ получилъ и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edinburgh Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февр[illegible].

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

[Штемпель: Опочка. 1825. Февр. 25.]

[1]) «[illegible]».

[4]) [illegible] «[illegible]».

[5]) «Московскій Телеграфъ» только что начинался въ 1825 г. Объ этомъ журналѣ см. ст. М. И. Сухомлинова въ «Ист. Вѣстн.» 1886, № 3 и [illegible].

99. Н. И. Гнѣдичу. Михайловское, 23 февраля.— Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова [1]). Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.—Пѣсни греческія прелесть и tour de force [2]). Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно — но причины? — — —

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Т ѣ н ь С в я т о с л а в а с к и т а е т с я н е в о с п ѣ т а я — писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьѣ толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.— Много у меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

[illegible]

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

---

100. Л. С. Пушкину. Тригорское, 12 марта.—Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также алжирца В с е в о л о ж с к а г о. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, и въ цензуру.

---

[1]) Первая глава «Онѣгина» вышла въ Петербургѣ, въ началѣ 1825 г. Разрѣшеніе подписано цензоромъ Б и р у к о в ы м ъ 29 декабря 1824.

[2]) «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ». Изд. и перев. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ. Спб. 1825.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ — да книгъ: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, «Старину», да Sismondi (littérature), да Schlegel (dramaturgie), если есть у St.-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стих. [1]) да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ, — пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компании, и тому под. [2]).

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину А. И. В.? [3]) Ecce foemina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣстъ благодари его — думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

[illegible]

(На оборотѣ): Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что жъ ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?

(Адресъ): Льву Сергѣевичу Пушкину. (Подъ нимъ): J and my sister make you our compliments from our hearts and souls.

101. Ему же. Михайловское, 14 марта.— Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть тебя притѣсняютъ безъ вѣдома ..... Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомь о Баратынскомъ — свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ [1]).

102. Ему же. Михайловское, 15 марта. — Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безсмыслицы—прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова — исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго — не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича — не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго — Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные — и слѣдующей? Конца не люблю). Что, если бъ волшебная кисть Ѳ. Толстого? [2])

[1]) По ходатайству А. А. Закр[illegible]о, бывшаго въ то время финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, Баратын[illegible] былъ произведенъ въ офицеры и получилъ возможность выйти въ отставку изъ своей невольной военной службы. См. біографію Баратынскаго въ Рус. Стар. 1870, т. II.

[2]) Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 г. было напечатано стихотвореніе Жуковскаго Мотылекъ и Цвѣты, съ такимъ объясненіемъ: «Стихи, написанные въ альбомъ П. Н. И., на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ.» Въ 3-й стр[illegible]фѣ пьесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоты и прельщенномъ [illegible]гами:

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородны
Переселенцы съ вышины,
[illegible] свободны
И крылья, и душа даны

Въ четвертой строфѣ — ошибка мотылька

Не рождены вы для вниманія,
Вамъ непонятенъ чувства гласъ, и пр.

Нѣтъ, слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!.. [1])

Къ тому же, кромѣ Уткина, ничей рѣзецъ не д[illegible] карандаша. — Впрочемъ, это все наружность. «Иною прелестью плѣняется! —————

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ богамъ непредвидима). Бирюковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловн[illegible].

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ ~~~~~~~~ и безъ —•—•—•— и безъ ═══════ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азі[illegible]. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей? [2])

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.—Простите, дѣти! я пьянъ.

15 [illegible].

103. А. А. Бестужеву. Михайловское, 21 марта.—Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда [3]). «У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ.» Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), или столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Pet-

[illegible] приговоръ поэта — цвѣтам[illegible]

Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ла[illegible]
Какъ вы, минутный вѣтеро[illegible]
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ, мотылек[illegible]...

[illegible] немного [illegible].

[1]) [illegible] И. И. Дмитріева.

[2]) [illegible] о этого времени.

[3]) [illegible] теченіе 1824 и въ началѣ 1825 года [illegible]

rarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

«У насъ есть критика и нѣтъ литературы»; гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова.—Кумиръ Державина, $^1/_4$ золотой $^3/_4$ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. «Ода къ Фелицѣ» стоитъ наряду съ «Вельможей», «Ода Богъ» — съ «Одой на смерть Мещерскаго». «Ода къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ — также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ — Крыловъ, который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо. — Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?.. Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ—у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. — Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны—вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

«Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?» Во-первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу.» Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ, Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ — также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго — и не говорю: слава Богу!

«Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты.» Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Во-первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles, и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь, пришлю? Переписывать скучно [1]).

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ; все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана (первыя 5 пѣсней—другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же.—Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бъ коснулся я сатиры.—Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ. Ахъ, если бъ заманить тебя въ Михайловское!.. Ты увидишь, что

[1]) Въ 1821 г. Байронъ велъ полемику съ біографомъ Попа Боульсомъ по вопросу о томъ, что выше—изображенія ли природы или изображені[illegible] искусственныхъ вещей. См. Анненкова. Мат.. 120 [illegible] къ Пушкину, въ его Соч., изд. 1875, стр. 207 и 211, и письмо Б[illegible] Пушкину отъ 9 марта 1825 въ сборникѣ г. Бартенева «Пу[illegible] I. 1[illegible]. Настоящее письмо Пушкина служитъ на него отвѣтомъ.

если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) — Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Опи[illegible]баться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему [illegible]данію.— Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.— Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ.— Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. — Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... по тебѣ хочется въ ротмистры!..

[illegible]

105. Л. С. Пушкину. Михайловское, 27 марта.—Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ! [1]) я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину.— Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтепьебѣсія [2]).

Получилъ ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія россійской публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя— такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г...-съ (ска

[1]) [illegible] Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкин.

[2]) [illegible]я кн. Вяземскому 2-ю главу Онѣгина черезъ Дельвига, Пушкинъ [illegible] рукописи надписалъ брату: «Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобъ онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости».

вать это помягче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться тёмными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ (Приписка сбоку: или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ, столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли, на всякій случай, это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому — напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

[illegible]

Я «Телеграфомъ» очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его.—Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то ли дѣло не красть, не ругаться [illegible].... не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.— люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой ¹); [illegible] отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ [illegible]— да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait).

Не напечатать ли въ концѣ Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писаны мною 14-ти лѣтъ — и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ), ась? ²)

(Сбоку письма): Да тиснуть еще мою Птичку — да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружба? легкій пылъ похмѣлья.»

¹) «Давно объ ней воспоминанье», [illegible].

²) Весь этотъ пунктъ зачеркнутъ и написано: нѣтъ. Изъ [illegible] приписки сбоку письма также зачеркнуто со словъ: «да четыре стиха».

105. **Ему-же** (безъ числа).—Я было послалъ это въ Сынъ Отечества, да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

106. **А. Н. Вульфу.** Михайловское, весною.—Любезный Алексѣй Николаевичъ—благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія—прелесть. Въ посланіи, послѣ тобой хранимаго, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ [1]).—*А. П.*

[На оборотѣ рукою П. А. Осиповой написано]:

«Очень хорошо бы было, когда бъ вы исполвили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ.»

---

107. **Л. С. Пушкину.** Михайловское, въ началѣ апрѣля.

Живъ, живъ курилка!

Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
— Живехонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.— Да... плюнуть на него.

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы гдѣ напечатанъ второй разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану [2]). Не

[1]) Посланіе Языкова къ Пушкину см. въ Стих. Языкова, II, 156.

[2]) Вмѣсто предисл[illegible] къ «Бахчисарайскому Фонтану» кн. Вяземскій напечаталъ: Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова. Въ отвѣтъ на это въ 5 № «Вѣстника Европы» напечатанъ «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ

худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамск[illegible] Журна[illegible]).

Подпись слѣпого поэта [1]) тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись—а «хотѣлъ простить простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи [2]). Хочется отвѣчать ему стихами; если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ [3]).

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два очень нужныя — тебѣ и Плетневу. — Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» недоволенъ — кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу[illegible] — а виноватъ: «Войнаровскій» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у м[illegible].

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis — да Child Harold — Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что нибудь новенькаго, да и Старину. «Талію» получилъ и письм[illegible] отъ издателя [4]). Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея [5]) показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкій моя старинная любовница — я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ — а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не понутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова [6]).

Бахчисарайскаго Фонтана», вызвавшій возраженіе князя Вяземскаго въ «Да[illegible]скомъ Журналѣ». На это возражалъ Мих. Дмитріевъ (котораго Пушкинъ [illegible]ваетъ лже-Дмитріевымъ въ отличіе отъ поэта Ив. Ив.) въ 8 № «Вѣстника» [illegible]тьею: «Возраженіе на разборъ второго разго[illegible].

[1]) Ив. Ив. Козло[illegible].

[2]) Говорится о поэмѣ И. И. Козлова «Чернецъ» и о его «[illegible]» [illegible] Жуковскому.

[3]) Пушкинъ, дѣйствительно, отвѣчалъ ему (изъ Михайловскаго) стихами «Пѣвецъ! Когда передъ тобой» и пр. ([illegible] I, [illegible]).

[4]) Письмо было послано Булгаринымъ вмѣстѣ съ альманахомъ. Долго не п[illegible]лучая отвѣта, онъ вторично писалъ 25 апрѣля (Р. Ар[illegible]. [illegible]).

[5]) Комедія-водевиль кн. Шаховского «Ворожея, или танцы духовъ»; н[illegible] [illegible]ь нея и отрывки изъ комедіи Хмѣльницкаго были напечатаны въ «Русской Таліи» Булгарина на 1825 год[illegible].

[6]) Намекъ на стихотворное посланіе Кюхельбекера (котораго Пушкинъ н[illegible] [illegible]

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснуть Сарское Село, и съ нотой. Напрасно объявляли о Братьяхъ Разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Нар. (Наполеона), да цензура — д..., лучшія строфы потонутъ.

108. Ему же. Михайловское, 7 апрѣля.— Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и повѣстку — вѣроятно отъ Плетнева [1]). Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія — или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усынили. Полярную еще не получалъ. — Справься, ради Бога, объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться — этакъ съ голоду умрѣ — съ отцомъ да съ Ольдекономъ прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми), c'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Анна Ив. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine — Господи Іисусе Христе! quelles misères... цѣлуй Ольгу — quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celui, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

къ Грибоѣдову, напеч. въ Моск. Телегр. 1825, № 2, стр. 118, гдѣ, между прочимъ, говорится

Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ роднѣ любовь
[illegible] искусства
И рѣзвоскачущая кровь

Ср. I, [illegible].

[1]) Изъ слѣдующаго письма къ кн. Вяземскому видно, что присланы были Войнаровскій и Думы Рылѣева, съ письмомъ Пущина.

[illegible]

Variantes en l'honneur de m-lle NN

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny [illegible].

Я [illegible]ъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день [illegible] смерти), Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія — это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

[На оборотѣ: Львy Сергѣевичу П[illegible]]

109. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 7 апрѣля.— Нынче день смерти Байрона [1]). Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.—*А. П.*

110. Ему же. Михайловское, апрѣль (до 22-го).—Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего ни переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ

[1]) Онъ умеръ въ Мисолонгахъ 7 (19) апрѣля 1824. См. въ «Моск. Телегр.» [illegible]

сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерскій Державинъ въ Суворова [1].

Занимаетъ ли еще тебя россійская литература? Я было на Полевого очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго [2]. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я [illegible].

Стихотворенія мои посланы въ Петербургъ, подъ Вирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить воедино. Изъ всего, что должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя: но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми — полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру [3].

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и подѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ и въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

[illegible]. Л. С. Пушкину. Михайловское, 22 апрѣля. — Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія 6-я и пр. пѣсни), новый Walter Scott, Сибирскій Вѣстникъ весь — и все это черезъ St.-Florent, а не черезъ Слёнина. — Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбургскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ

[1] [illegible]

[2] [illegible] была напечатана «Книжная лавка» Полевого. [illegible] въ Моск. Тел. 1825, ч. I, стр. 338, заявляя, что эта «давно забытая, вздорная пародія» появилась въ альманахѣ безъ его вѣдома.

[3] [illegible]

я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старост[illegible] [1]. приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устрицъ).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія.—Думаю, что можно начать, благо[illegible]вясь.—О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно [2]). Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина. если его пасквиль этого стоитъ. и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ — что жъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ. что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной. показавъ (и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude mais je m'en f... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти сплетн[illegible].

des bretelles
des bottes (или не нужно).

(На оборотѣ): Брату Плетневу п[illegible]клонъ да пара словъ — надняхъ къ нему пишу.

112. **Кн. П. А. Вяземскому.** Михайловское, конецъ апрѣля.—Дельвигъ у меня. Чрезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма [3]), братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю: но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть Анны Львовны.

1) [illegible]

2) [illegible] (см. выше, [illegible] 115).

3) [illegible]

Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра,
Была ты Лизаветой Львовной [1])
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ?!

(Я да Дельвигъ).

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной Спетербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да нѣтъ ли у тебя и прозы? Что̀ мнишь ты о Полярной?.. Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что нибудь о томъ.

---

113. К. Ѳ. Рылѣеву. Михайловское, конецъ апрѣля.— Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу — не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изло-

[1]) Елиз. Львовна — другая тетка поэта, бывшая въ замужествѣ за камергеромъ Матв. Мих. Солнцевымъ.— Пушкину приписываютъ и слѣдующую «эпитафію» духовнику Анны Львовны:

Не памятникъ, а диво
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ
Въ попѣ вино и пиво.

женіемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи [1]). Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.»

Объ Исповѣди Наливайко [2]) скажу, что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?—Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

[illegible]. А. А. Бестужеву. Михайловское, конецъ апрѣля.—Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести. а какъ онъ льстилъ?

О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньѣ
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, тріумфъ — минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается

[1]) Ср. I. [illegible]
[2]) [illegible]

у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ чего н...ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!..[1])

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ — прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему — и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ [2]) напоминаетъ турниръ W. Scott'а. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все начисто.—Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330), etc: но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ — прелесть; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ? [3])

---

115. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 25 мая.— Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что̀ сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ [4]). Что̀ за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки

[1]) По поводу этихъ словъ К. Ѳ. Рылѣевъ писалъ Пушкину: «Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ: ты самъ по себѣ молодецъ!» (Соч., стр. 213).

[2]) «Ревельскій турниръ» въ Полярной Звѣздѣ на 1825.

[3]) Ср. п. 96.

[4]) 1825 г. № 4: «Литературная Смѣсь. Жуковскій. Пушкинъ. О новой піитикѣ басенъ.» См. Соч. Вяз., I. 17–

въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ, и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный [1]). Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца [2]). Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то Думы дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неѣлова — прелесть. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! [3]) Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!). Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинь), а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ — даже и къ Булгарину.

25 мая.

---

[1]) Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому. (Соч. Вяз. III. 22[illegible]).

[2]) Соч. Вяз., I. [illegible].

[3]) «Пускай ихъ Шаликовъ поетъ» — въ «Разговорѣ книгопр[illegible]».

116. В. А. Жуковскому. Михайловское, май-іюнь.—Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бъ царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства—и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риомъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынъ-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ [1]). Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же, не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И . . . . [2])

Надпись къ Гёте, Ахъ, если бъ мой милый, Генію—

---

[1]) Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года.

[2]) Пушкинъ пародируетъ начало посланія Жуковскаго къ Блудову: «Счастливаго пути любезному желаю» и пр. Кстати укажемъ, что еще въ 1818 г. по поводу стих. Жуковскаго «Тлѣнность», написаннаго бѣлыми стихами, Пушкинъ, тоже пародируя начало, сказалъ:

Послушай, дѣдушка; мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная?

Жуковскій очень смѣялся надъ этой пародіей, но предсказывалъ, что придетъ время, когда Пушкинъ перемѣнитъ свое мнѣніе о бѣломъ стихѣ.

все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатають съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія[1]). Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ — или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза[2]).—Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ.

Къ этому письму приложено черновое прошені[е].

Obligé de reconnaitre l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce, je me serois fait un devoir de (la) supporter dans un respectueux silence, si la nécessité ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traîter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'années éxigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majésté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился проектъ этого же прошенія въ иной более полной редакціи. Приводим[ъ] —

J'avais 20 ans en 1820. Des propos inconsidérés, des vers satiriques... Le bruit répandit, que j'avais été traduit et f. à la ch. s.[3]).

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général; je me vus flétri dans l'opinion, je fus découragé, je me battais, j'avais 20 ans. Je déliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner... Dans le premier cas je ne faisais qu'à confirmer un bruit, qui me déshonorait; dans le second je ne m[e] vengeais pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: je commettais un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un public, que je méprisais, un homme... dont j'avais l'admiration involontaire. Ces réflexions me déterminèrent.

[1]) Онъ былъ въ Михайловскомъ въ концѣ апрѣля 1825.
[2]) Въ переводѣ Жуковскаго эта баллада Шиллера называется «Кубокъ».
[3]) Такъ въ подлинникѣ. Слѣдуетъ читать: fouetté à la chancellerie secrète.

Tels furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami [1]) qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolus de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation [2]).

La conduite magnanime et libérale de l'autorité me toucha profondément, en déracinant une ridicule calomnie... [3]) Depuis, s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelquefois je m'abandonnais à jeunes déclamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans l'écrit, soit dans mes discours, la personne de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont il serait impossible d'être coupable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recours à cette générosité. Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur éxige une prompte opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée [4]) ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de prolonger mon existence...

---

117. Бар. А. А. Дельвигу. Михайловское, 8 іюня. — Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь. Не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту — или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича [5]) — получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахо-

[1]) Вѣроятно, П. Я. Чаадаеву.

[2]) Въ февралѣ 1820 г. убитъ Лувелемъ въ Парижѣ наслѣдникъ французскаго престола, герцогъ Беррійскій. Д. Н. Свербеевъ (Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ, Рус. Ар. 1867, № 6) разсказываетъ, что Пушкинъ въ театрѣ, ходя по рядамъ креселъ, показывалъ знакомымъ портретъ Лувеля и при этомъ рѣзко отзывался о французскомъ правительствѣ.

[3]) Посылая Пушкина къ Инзову въ Екатеринославъ, правительство выдало ему на дорогу 1000 р.

[4]) Т. е. Псковъ.

[5]) Варвара Васильевна Чичерина, дочь полковника Вас. Ив. Чичерина, скончавшаяся въ 1824 г., и оставившая наслѣдство племяннику своему, Вас. Льв Пушкину. Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

жусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Что дѣлаютъ мои Разныя Стихотворенія? [1]) Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго коммисіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? — мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по-татарски — а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ. — Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта — его Мельникъ [2]) хорошъ, какъ Демьянъ и Фока. Видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?.. Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?..

[Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ. Въ Имп. Публ. Библіотеку. — Почтовый штемпель: Опочка 1825, іюня 8. — Запечатано извѣстнымъ перстнемъ.]

[1]) Тетрадь стиховъ, по которой печаталась книга «Стихотвореній Александра Пушкина», изданная въ 1826 г.

[2]) Басня Крылова, напечатанная въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г.

118. **Кн. П. А. Вяземскому.** Михайловское, іюнь.—Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевого. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню - слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

[На адресной сторонѣ:]

Вяземскому, который надняхъ у васъ будетъ. Не-то отдать А. И. Тургеневу для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, мусью Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

[Затѣмъ приписано рукою Л. С. Пушкина

Левъ Пушкинъ проситъ прощеніе въ томъ, что письмо распечатано; не взглянувъ на конвертъ, онъ думалъ, что оно къ нему.

119. **Ему же.** Михайловское, іюнь.—Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что̀ тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sé-

rieuses... Какую пѣсню изъ Béranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная коммисія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора Камина и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Не худо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль, что умеръ А. М. [1]) и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien [2]).

Вотъ еще эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жъ, злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Полевому. Ты уже, думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились. Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

---

120. В. А. Жуковскому. Михайловское, іюнь—іюль. — Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно [3]), тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія выс-

[1]) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, дальній родственникъ поэта и самъ стихотворецъ.
[2]) Говорится объ эпиграммѣ «Пріятелямъ», I, 345.
[3]) Въ іюнѣ 1825 г. Пушкину разрѣшено было лѣчиться въ Псковѣ.

шаго начальства.— Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей [1]).

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства.— Обнимаю тебя горячо.— *А. Пушкинъ* [2]).

---

121. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 13 іюля.— Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, toi dont le monde encore ignore le vrai nom! Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона [3]). Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей) Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоей

[1]) В. Всеволодовъ — авторъ «Сокращенной патологіи скотоврачебной науки 1817.

[2]) Родные Пушкина, напуганные прежними письмами его о болѣзни, упросили Жуковскаго написать къ дерптскому профессору хирургіи Мойеру, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Псковъ для осмотра больного. Пушкинъ поспѣшилъ просить Мойера отложить поѣздку. См. п. 127.

[3]) Въ Моск. Телеграфѣ 1825, № 12: «О разборѣ трехъ статей въ запискахъ Наполеона.» См. Соч. Вяз., I. 19.

статьею слѣдуетъ моя о M-me de Stael[1]); но не разглашай этого: тутъ есть одно великодушіе, поставленное во-первыхъ ради цензуры, а во-вторыхъ для вящшаго анонима. Вѣроятно, ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго[2]), очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня разцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри — молчи же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ — по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою ли твоя княгиня-лебёдушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

[illegible]

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Ворониче. Каково?

[Адресъ: Его превосходительству Николаю Михаиловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому.]

122. А. Н. Вульфъ. Михайловское, 21 іюля. — Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! étes-vous à Riga? Avez-vous fait des conquêtes? Vous mariez-vous bientôt? Avez-vous trouvé des houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car voùs savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien. 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin): ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les amies vous feront du tort; car mettez-vous das la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes.

---

[1]) Въ той же книжкѣ Московскаго Телеграфа, съ подписью Ст. Ар. (Старый Арзамасецъ) и съ помѣтою 9 іюня 1825. (См. Т. [illegible])

[2]) Всеволодовъ. Пушкинъ ошибся въ фамиліи. (См. п. 120.

car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit — «что съ вами нездорово вальсировать», ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la dernière édition de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante: не мила ей прелесть ночи, et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup? Ennui? conformité de sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: «elle était-là, la pièrre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée [1]); j'ecris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu des ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse; que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette delicieuse créature! Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, m-elle la baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

А. [illegible].

---

[1]) Позднѣйшее примѣчаніе А. П. Кернъ: Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа Пушкинъ, точно, выпросилъ у меня.

P. S. Envoyez-moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus — maudite visite, maudit départ! [1])

---

123. Бар. А. А. Дельвигу. Михайловское, 23 іюля. — Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новый Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь: не сказалъ ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго? участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону — а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ), что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ, конечно, есть лѣкаря — чего жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ — онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную, я не знаю, когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый — будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено. — Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига [2]).

П. А. уѣхала и я одинъ [3]).

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное [4]), письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность...?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

---

[1]) Примѣчаніе А. П. Кернъ. Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

[2]) Свадьба Дельвига была 30 октября 1825.

[3]) Прасковья Александровна Осипова.

[4]) Прошеніе къ государю.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

(На четвертой страницѣ: Б. Дельвигу.)

124. П. А. Осиповой. Михайловское, 25 іюля. — Voici, madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres, vous serez arrivé à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la decision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de Lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurai pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles; donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon ame.

[illegible].

125. А. П. Кернъ. Михайловское, 25 іюля. — J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au desir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ [1]). Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tacher de ne plus penser à vous. Vous devriez me

[1]) Ср. I, 351: «Я помню чудное мгновенье».

le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme mais la frivolité est toujonrs cruelle, eu vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à-travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. (Кернъ) et mes compliments à M-me Woulf.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous—j'espère que vous lirez cette lettre en cachetie la cacherez-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? écrivez-moi tout ce qui vous passera par la tête je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental: que dira Анна Никол.? Ахъ, вы, чудотворка или чудотворица!

25 Juil.

126. Л. С. Пушкину. Михайловское, 28 іюля. — Если бъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ — онѣ еще не собраны, не цензированы — ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. — Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены ли Вяземскому 600 рублей?

[На уцѣлѣвшей половинѣ оборотнаго листа рукою, должно быть, Всеволожскаго написано: Въ февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ, по особенной моей просьбѣ, свою черную тетрадь. Думалъ ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣт...]

127. И. Ф. Мойеру. [1]) Михайловское, 29 іюля. — Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго. — *Александръ Пушкинъ.*

Село Михайловское. 29 іюля 1825 г.

[Адрессъ: «Его Прев., м. г., г-ну Мойеру, въ Дерптѣ.» Штемпель: Опочка. 1825 г. іюля 30.]

128. П. А. Осиповой. Михайловское. 29 іюля. — Vous avez reçu, madame, de Pskow une lettre inutile que j'ai anéantie [2]). Je vous envoye une autre de Batovo et une autre de ma mère: vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire l'opération par Moier, je viens de

[1]) Профессоръ Дерптскаго университета, знаменитый хирургъ Ив. Фил. Мойеръ былъ другомъ Жуковскаго и былъ женатъ на любимой его племянницѣ, Марьѣ Андреевнѣ (Протасовой), въ то время уже скончавшейся.

[2]) Вѣроятно письмо къ Адеркасу. См. п. 77

lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskow. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient se hâter d'y retourner; mais ce souhait tient trop à mon égoisme de famille; si Riga vous amuse, amusez vous, souvenez vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à. d. de Michailovsky): vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 Juillet.

Au nom du ciel, madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moier, cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

129. Ей же. Михайловское, 1 августа.—J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable[1]). Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc.: voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

130. Н. А. Полевому. Михайловское, 2 августа. — Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я

[1]) Младшая дочь Осиповой, Екатерина Ивановна.

писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ они понравились публикѣ [1]).

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе.— *Александръ Пушкинъ.*

[illegible]

[На письмѣ штемпель: «Опочка. 5 августа 1825 г.» и рукою Полевого отмѣчено: «получ. 15 августа 1825 г.»]

131. П. А. Плетневу. Михайловское, 3 августа.— Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ — шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? [2]) Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго, вдохновеннаго слѣпца [3]). Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego.—Tuto il vostro.

[Адресъ: П. А. Плетневу. Штемпель: августа 5. 1825. Опочк...

[1]) Въ М. Телеграфѣ 1825 г. были напечатаны двѣ эпиграммы, отрывокъ изъ «Цыганъ», «Телѣга жизни» и «Въ альбомъ» (Если жизнь тебя обманетъ) а въ 1826 г. Элегія (Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный), потомъ эпиграммы на Каченовскаго.

[2]) Свадьба его была 30 октября 1825 г.

[3]) Анна Петровна Кернъ. См. Р. Старину 1879, № 10, стр. 321.— Приведенная въ началѣ письма поправка, повидимому, была отмѣнена, ибо не вошла [illegible] изданіе стихотвореній, которое тогда печаталъ Плетневъ.

132. П. А. Осиповой. Михайловское, 8 августа. — C'est hier que j'ai reçu, madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible: elle allait droit à mon âme. et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous attendait vers la mi-août: je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc m-r Kern concernant la surveillance paternelle de m-r Aderkas à mon égard? Sont-ce des ordres positifs? M-r Kern y est-il pour quelque chose? ou ne sont ce que des bruits publics? Je suppose, madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg, je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne; mais nous avons encore quelques beaux jours et grace a vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenetre.

Adieu, madame; recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté: c'est vous qui m'avez fait apprécier le charme de la premi[illegible].

[illegible]

Адресъ: à M—me M—me Ossipoff, à Riga.

133. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 10 августа. — Накупался ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что̀ твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5. 6. Не напечатать ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ; если цензура не пропуститъ осьмого стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится [1]).

[1]) Эта эпиграмма не попавшая въ полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, напечатана въ Рус. Арх. 1866, ст. 475. Приводимъ [illegible]

Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
[illegible] кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аоинъ

Что Карамзины? Я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сейчасъ прочелъ антикритику Полевого.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! Разборъ новой піитики басенъ — вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ. Чѣмъ мнѣ тебя поподчивать? Вотъ тебѣ мои бон-мо (ради соли, вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26). Qu'est-ce que le sentiment? — Un supplément du tempérament.

Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?

— Запахъ селедки.

10 ав[illegible]

135. П. А. Осиповой. Михайловское, 11 августа. — Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, madame de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent, autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais, c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très-bien et est très-jolie. Je crois comme vous, madame, que les bruits qui sont venus à M-eur Kern [1]) sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger: ces jours-ci j'ai été chez Pechtchouroff — l'avocat patelin, comme vous l'appellez [2]). Il me croyait à Pskof (NB). Je compte

Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасбродным
Я не поэтъ, а дворянинъ.

П. П. Свиньинъ, издатель Отеч. Записокъ, напечаталъ въ журналѣ своемъ статью о Грузинѣ, помѣс[illegible]ѣ гр. Аракчеева, и въ стихахъ, служащихъ эпиграфомъ къ статьѣ, довольно безцеремонно отз[illegible] Римѣ, Аѳинахъ и пр. Послѣдній стихъ—пародія стиха Рылѣева: «Я [illegible]тъ, а гражданинъ». Пушкинъ очень смѣялся надъ этимъ стихомъ: онъ говорилъ, что кто пишетъ стихи, тотъ прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозою.

[1]) Ср. п. 132.

[2]) Пещуровъ — опочецкій предводитель дворянства.

voir encore mon vieux nègre de grand-oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins, et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul [1]).

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, madame, votre tout dévoué.

H A—.

[Адресъ: «Ея высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ.»]

135. А. П. Кернъ. Михайловское, 14 августа. — Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!.. et puis: ахъ, мерзкая! — Pardon, belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par exemple, que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty... Allons, gardez toujours le: Не скоро, а здорово, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère? que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds—(j'y aurais joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous voulez dire de vous aimer? je suis aussi de cet avis, et j'en suis même la preuve je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne — mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi... — Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force ni émotion, et un refus n'a ni grâce, ni volupté. A revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. Подѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine,

[1]) Генералъ-майоръ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ знаменитаго «арапа». См. V, 22.

au nom du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! c'est ma seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible «si» que je n'avais pas remarqué d'abord: si ma cousine reste je viendrai cet automne etc.—Au nom du ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas cela au moins; par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites vous [illegible] le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r Kern, un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaisant pour la fois passée, je le sais: mais que voulez vous? je vous supplie, divine—compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 [illegible]

136. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 15 августа —

Мой милый, поэзія — твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-россскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ риѳмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ. — Благодарю очень за Водопадъ [1]). Давай мутить его сейчасъ же.

. . . . съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ —

вла, вла звуки музыкальные, но можно ли напр. сказать о молніи: властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состо-

[1]) Нарвскій водопадъ, стихотвореніе кн. Вяземскаго, появившееся потомъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1826 года. (См. соч. кн. Вяземскаго, III, [illegible]

итъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ нибудь. Валяй его съ какихъ нибудь стрѐмнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа — прелесть. Дождь брыжжетъ отъ (такой-то) сшибки твоихъ междоусобныхъ волнъ: междоусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ. — 5-я и 6-я строфы прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической — также. Игралище глухой войны — не совсѣмъ точно. Ты не зерцало (впрочемъ это придирка) и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: ты не пріемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повтореніе ты тутъ нуженъ.

Подъ грозными знаменами etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ — темно. Вѣчно бьющій огонь — тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу? Ворвавшись — чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе неточно. Вихорь и пу́стыню уничтожь-ка! Посмотри, что̀ выдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь въ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ не лучше ли

Какъ ты, пустынно разразится.

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуто. Напиши же мнѣ, въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданныхъ гостей — прелесть. Не лучше ли еще незванныхъ? Нѣтъ, c'est un trait de Vergniaud.

[На оборотѣ страницы [illegible].]

При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня взаймы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что̀ составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ *Пушкин*[illegible]

15 августа 1825. Село Миха[illegible]

---

137. В. А. Жуковскому. Михайловское, 17 августа.—Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и ей Богу первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ (бы) управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа.—На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какого нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ. А мнѣ бы очень нужно [1]).

[1]) Четіи-Минеи Пушкинъ читалъ при посѣщеніяхъ Святогорскаго архимандрита, которому былъ порученъ духовный надзоръ за нимъ. Объ этомъ надзорѣ сохранилась въ альбомѣ А. Н. Вульфа шутка поэта:

[illegible]
Былъ ли намъ пріятенъ

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій[1]) у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій!

[illegible]

[illegible] «[illegible] Андреевичу [illegible]у въ Спбгѣ. въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія.» Штемпель: Опочка. [illegible]

138. **А. П. Кернъ.** Михайловское, 28 августа. — Voici une lettre pour M-me votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuie trop, quittez-le — mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? vous me direz «et l'éclat, et le scandale?» Que diable! en quittant un mari, le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. — Mais avouez que mon projet est romanesque? — conformité de caractère, haine des barrières, organe du vol très prononcé, etc. etc. — Concevez vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'en suivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide — et Kern une fois mort — vous êtes libre comme l'air... Eh bien, qu'en dites vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner. — Vous me direz: consolez vous! fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible — il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés — j'y répugne... Ha! vos

Жилъ ли онъ межъ гум[illegible]
Иль межъ голубятенъ
Дѣвушкамъ-красоткам[illegible]
Онъ ли строилъ куры
Бабушкамъ-devot'камъ
Говорилъ ли: ку[illegible]
Отчего несутеяг.. и пр

[1]) Василій Алексѣевичъ, впослѣдствіи оренбургскій генералъ-губернаторъ.

lettres, à propos, comment les recevrai-je? votre tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. Mais écrivez moi et beaucoup, en long et en large et en diagonale [1]) (terme de géometrie).—Mais surtout donnez moi l'éspér[illegible]. Si [illegible], je [illegible] vraiment d'être amoureux autre part... J'oubliais: je viens d'écrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse, je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous [illegible] naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? hé bien, si vous venez, je vous promets d'être ext[illegible]mement aimable — je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche; je serai tout c[illegible] qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Ad[illegible].

[illegible].

[illegible] la lettre ci-jointe, [illegible] votre tante s'en facherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me Ossipoff décachète une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachète une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier — vraiment c'est un charme!

A MADAME OSSIPOFF.

Oui, madame, honny soit qui mal y pense. Ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque c[illegible]! serait-ce par expérience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites-en de même et continuons.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aima[illegible], il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années — et elle se corrigera, je vous le promets; quant à [illegible]quetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi — ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit

[1]) Отсюда черезъ 9 строкъ вверхъ, изъ угла въ уголъ написано [illegible].

[illegible]ans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! [illegible] par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons [illegible] qu'il en dira. Mais, Madame, croyez vous sérieusement qu'elle fasse la coquette *indifféremment*? elle dit que non; j'aime à le croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autr[illegible] [illegible]ient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. [illegible]e vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, [illegible] [illegible]tait trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce serait ri[illegible]dle de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'imper[illegible] qui me caractérise, et décidément, je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai taché de porter le trouble [illegible]u sein d'une famille, que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir [illegible] de principes, et que sa femme puisse se moquer de moi. — Que [illegible]s êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant «harmo[illegible] [illegible]s etc.» [1]) N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini [illegible]e ne la croirai plus.

Adieu, Madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends [illegible]tre arrivée — nous médirons de la Netty du Nord que je regret[illegible]rai toujours d'avoir vue et encore plus de... Pardonnez cet aveu [illegible]

[illegible]

139. П. А. Катенину. Михайловское, 14 сентября. — Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?.. Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидаешь; нѣтъ — ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni [2]).

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти, и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг.[1]) твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?.. На чердакѣ кн. Шаховского.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по праву—я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинымъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду!—Addio, poëta, a rivederla, ma quando?

[Штемпель: Опочка. 1825. сент[illegible] 14.]

140. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 15 сентября.

Résumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ, какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевскаго): онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-me Staël наша—не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его[2]). Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его надосугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ.

---

[1]) Въ «Таліи» Булгарина 1825 г. были помѣщены отрывки изъ 3-го дѣйствія «Андромахи» Катенина и сцены изъ трагедіи «Венцеславъ», Ротру, передѣланной А. А. Жандр[illegible].

[2]) Статья Пушкина «О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановѣ». V. 23.

141. А. П. Кернъ. Михайловское, 22 сентября. — Au nom du ciel, n'envoyez pas à M-me Ossipoff la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet [1]). Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière? Gardez-la pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies... A propos vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère, c'est affreux; il fallait dire votre mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel — car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. — Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskov: celà vous sera facile. — Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée. — Ne serait-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!.. Venons au fait: d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette — qu'en dites-vous? ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersbourg? — vous me le ferez savoir — oui? — Ne me trompez pas, bel ange! que je vous suis redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration: ce sentiment n'en est pas un. Parlez-moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. — Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en mêler. — L'espérance de vous revoir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère — encore une fois, ne me trompez pas.

22 Sept. Михайл.

---

[1]) См. п. [illegible].

Demain, c'est la fête de M-me votre tante, je serai donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

---

152. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 24 сентября. — Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны [1]). Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ, или гніемъ. Первое все-таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни: **Рѣжь меня.** Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому, и съ пѣсней [2]). Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть **Анны Львовны** [3]) не мое произведеніе, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15,000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова [4]). Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей,
Писатель нѣжный, тонкій, острый,

[1]) Ср. 10-ю строфу въ стихотвореніи «19 октября 1825», I, [illegible].

[2]) Пѣсня Земфиры и ноты были напечатаны въ Моск. Телеграфѣ 1825 г. № 11, съ замѣткою: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

[3]) См. п. 112.

[4]) Милоновъ затронулъ въ стихахъ В. Л. Пушкина. Тотъ добродушно замѣчалъ по этому случаю: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!»

Мой дядюшка — не дядя твой:
Но, милый, музы наши — сестры,
Итакъ, ты все же братецъ мой.

Variante — Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

Штемпель: Опочка. 24 сент. 182[illegible]

143. Н. Н. Раевскому. Михайловское, сентябрь. — Où êtes vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter. Ma mère a écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même. mais je n'en ferai rien: je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je [illegible] d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai réfléchi sur la tragédie en général, c'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques on tous basé leurs lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille personnes, qui sont sensés n'être pas vu par ceux qui sont sur les planches? 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon francais après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends le doux son de la langue grecque etc. Voyez les anciens, leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, voulez-vous la règle des 24 heures? soit, et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait une révolution dans le système de la tragédie: quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon ni Vega, mais quel homme que ce Shakespeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère[1]) (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse, et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa melancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étranges, en porte essentielement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un conspirateur dit «donnez-moi à boire» en conspirateur, et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (ha pagato), cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gène et cette timidité de dialogue. Lisez Shakespeare: il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

Это письмо, напечатанное съ черноваго оригинала, повид[illegible] неотправленнымъ, такъ какъ часть его повторена въ письмѣ 1829 г., тоже напечатанномъ съ черноваго наброска и, можетъ быть, тоже не отправленномъ

144. А. Н. Вульфу. Михайловское, сентябрь. — Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское старанiе о проклятыхъ моихъ сочиненiяхъ; чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ наборщикомъ, и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ. — Друзья мои и родители вѣчно со мной про-

[1]) Et c'est le sien — зачеркнуто.

казять: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ надняхъ подражаніе Элегіи на «Подите прочь» [1]).

---

145. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, сентябрь. — Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу надняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ на-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте [2]). Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ — а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердитъ: не выспался и не ...ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искрен-

---

[1]) [illegible] «[illegible] теперь не ночь» и пр. Вульфъ прислалъ изъ Дерпта Пушкину. [illegible] помѣта о полученіи его въ сентябрѣ 1825. Въ этомъ письмѣ условный языкъ, подъ видомъ разговора объ изданіи: цензоръ, наборщики — извѣстные агенты; посылка и удержаніе коляски — успѣхъ или неуспѣхъ плана бѣгства за границу.

[2]) Къ баснямъ Крылова. См. статью Пушкина, V, 25.

ностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура [1]) лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ [illegible]ніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ [illegible], видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ — не такъ какъ вы — иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью — на томъ, что̀ посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

146. Ему же. Михайловское, осенью. — Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да..! Юродивый мой — малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ. — Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума». Я назвалъ его [2]) представителемъ духа русскаго народа — не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что

---

[1]) Уничтожившаго Записки Байрона.

[2]) «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова», въ Московскомъ Телегр. 1825, № 17. [illegible]

Крыловъ—преоригинальная туша, графъ Орловъ забавенъ [1]), а мы розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія [2]). Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей [3]),
И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой пiитики басенъ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ предъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану: смерть моя, и только.

147. А. П. Кернъ. Михайловское, сентябрь.— Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante mais... qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire; quelle mauvaise tête!

[1]) Григорій Владиміровичъ, издатель басенъ Крылова въ французскомъ переводѣ.

[2]) Онѣгина. Это былъ знаменитый Евгеній Болховитиновъ.

[3]) О такихъ голубяхъ говорится въ одной изъ басенъ гр. Хвостова.

Dites moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire), vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maitresse... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non—personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier; il est nécéssaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 verstes de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux. Qu'est ce donc que cela doit être à 4 pas? [1]) — Pardon, divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile! De la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du ciel, des refus, des refus et de refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez-vous? — Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoi qu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskow. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Woulf. Vous viendrez? — n'est-ce pas? — jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari.—Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous — lui... Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent — quelquefois c'est inévitable — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait, toute triste et toute voluptueuse—je crois voir votre regard, votre bouche entr'ouverte.—Adieu—je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux—je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire; il est ridicule mais vrai.

[Приписка въ письмѣ Анны Никол. Вульфъ.]

Анна Петровна, я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну — она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь вашъ — *Яблочный Пирогъ.*

---

[1]) Послѣ этого нѣсколько разъ перечеркнуто: «NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi Sans indiscrétion, peut-on le savoir?»

148. В. А. Жуковскому. Тригорское, 6 октября.—Надняхъ, увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ[1]) принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ.—П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.—Воля твоя, мой милый, ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало.—2-е. Псковской лѣкарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности—не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно — итакъ погодимъ, авось-либо царь что нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно[2]). Ты пишешь: «прими его, какъ меня». Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ — они не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу — будь онъ тебѣ пріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру — это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество[3]),— пусть трагедія искупитъ [illegible]... Но до трагедій ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что

[1]) Борисъ Антоновичъ фонъ-Адеркасъ. Въ Рус. Стар. 1880, XXVII, 131, разсказывается, что во время этой поѣздки Пушкинъ написалъ на стеклѣ [illegible] псковской гостинницѣ слѣдующее четверостиш[illegible]:

Господинъ [illegible]
Худо кормите [illegible]
Вы такой же ресторато[illegible]
Какъ великій губернато[illegible]

[2]) Ср. п. 127.

[3]) [illegible]

операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога — страшно подумать!

Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе незавидное, чтò ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское, 6 октябр—

159. А. Н. Вульфу. Михайловское, октябрь.— Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что также случается) денегъ нѣтъ — то напишите, сколько ихъ будетъ нужно. На всякій случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились [1]). Что скажу вамъ новаго! Вы, конечно, уже знаете все, чтò касается до проѣзда Анны Петровны (Кернъ). Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой; вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко!
Нѣтъ, Бога ради,
Нельзя ли... и пр.

Не написалъ ли Языковъ еще чего нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны.

[Адресъ: «Его благ. А. Н. Вульфу, въ Дерптъ» и помѣта Вульфа: «10 окт 1825».]

[1]) Условные термины, ср. п. 85 и 144.

150. Бар. А. А. Дельвигу. Михайловское, октябрь.

Брови царь нахмуря,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Памятникъ Петра.

Тотъ перепугался:
Я не зналъ! Ужель'
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца
Вѣшаютъ за моремъ
. . . .

То есть, разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ,
Вѣшаютъ за шею:
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова [1]). Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго.

Писалъ и брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ, твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: своимъ пена тамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣстъ еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу [2]), будущему своему тестю, а изъ жены своей сдѣлай арзамаску — непремѣнно.— Жду писемъ.

[1]) Кн. Дмитрій Александровичъ, лицейскій товарищъ.

[2]) Мих. Александр. Салтыковъ, собственно, не былъ членомъ Арзамаса и не носилъ шуточнаго прозвища, но числился почетнымъ членомъ.

151. А. А. Бестужеву. Михайловское, 30 ноября.—Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься.—Радуюсь и твоимъ занятіямъ.—Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.—Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо.—Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями, etc.—Однако поэмы мои скоро выйдутъ [1]). И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ — молокососъ, Плѣнникъ — зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя — Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли [2]), герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его «Духи»? [3]) До сихъ поръ я ихъ не читалъ.— Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву [4]), какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 ноября.

[Адресъ: «Его высокобл. Кондратью Өедоровичу Рылѣеву, въ Спбгѣ, у Синяго моста, въ домѣ Американской Компаніи. Прошу доставить г. Бестужеву» Штемпель: «Опочка 3 декабря.»

---

[1]) Изданіе поэмъ тогда не состоялось. Плетневъ предлагалъ это Пушкину въ августѣ 1825 г. (Соч. Плетнева, III, 325), но затѣмъ дѣло остановилось только на изданіи мелкихъ стихотвореній.

[2]) Извѣстный своими приключеніями дуэлистъ. См. Анненкова, Пушкинъ. 66

[3]) Шекспировы Духи, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1825

[4]) Намекъ на то, что Рылѣевъ имѣлъ обыкновеніе предварительно составлять планъ или конспектъ для своихъ «думъ». См. Соч. Рыл., 206.

152. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 3 декабря.—Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

При письмѣ прп[illegible]ожены: Совѣтъ, Соловей и Кукушка, Движеніе и Дружба См. I [illegible].

153. П. А. Катенину. Михайловское, 4 декабря.— Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, и 4. (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V — словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія.— Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина [1]) и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ, хочется къ вамъ.— Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

[illegible].

[illegible] 7 [illegible]

154. А. П. Кернъ. Михайловское, 8 декабря.—Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme — toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon ima-

---

[1]) [illegible]

gination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation — mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon éxil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que j'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

155. П. А. Плетневу. Михайловское, декабрь. — Милый, дѣло не до стиховъ, — слушай въ оба уха [1]). Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать — не то, что и совѣстно марать. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ — чортъ ли въ нихъ — а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благоразумнѣе бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, который, можетъ быть, на меня сердитъ; онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя ли дамъ взбудоражить?.. душа! Я пророкъ, ей Богу пророкъ! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами, во имя Отца и Сына etc. — Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька [2]) также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и

[1]) Слова, взятыя изъ драмы Кюхельбекера: «Шекспировы Духи» (Спб. 1823), о которой Пушкинъ говоритъ ниже.

[2]) В. М. Федоровъ тогда печаталъ отрывки изъ своего романа: «Князь Курбскій», который вполнѣ появился только въ 1843 г. Пушкину приписыва

онъ байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки — увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ [1]). Воейковъ не напроказилъ ли чего нибудь? Я его сентябрьской книжки не читалъ [2]). Онъ что-то мною труситъ. Кюхельбекера Духи — дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится.

[Приписка сбоку:] Неужто Илья Муромецъ—Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да — какъ жаль, что онъ умеръ!..

156. В. К. Кюхельбекеру. Михайловское, декабрь.—Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней и письмо. Я трясъ, трясъ ее, и ждалъ, не выпадетъ ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ «Духовъ» (Calembour! reconnais-tu le sang?), сперва про себя, а потомъ и вслухъ. Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно, критикую. Ты сознаешься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. За то Калибанъ — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго [3]). Это простительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому — и рада.

…ась эпиграмма, принадлежащая Дельвигу, а по другимъ указаніямъ Соболев…
…:

Федорова Борьки
Мадригалы гор…
Эпиграммы сла…
А доносы гадки.

[1]) Вѣроятно письмо къ Кюхельбекеру, не имѣвшее поэтому и адреса, и письмо къ Воейкову.

[2]) Книжки журнала «Новости Литературы», со статьей Воейкова: «Екатеринославъ», въ которой говорится объ Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Державинѣ и пр.

[3]) «Поэтъ» Кюхельбекера, сочиняя стихи, дѣйствительно пародируетъ «Жалобы Цереры» и монологи изъ «Орлеанской Дѣвы» въ переводѣ Жуковскаго

«Сиръ — слово старое, прочтутъ иные сыръ» etc.[1]) очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать. — Пасъ стада главы моей (вшей)?[2]). Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада — прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc. — Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу, — но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай... Больше не буду! Не бей меня.

[Четвертка сложенная пакетомъ, съ надписью «Кюх.

157. А. А. Бестужеву. Михайловское, декабрь. — Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ[3]). Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что — слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей сло-

[1]) При своемъ стихѣ: «Грустенъ я, ун[illegible]ъ и сиръ», Поэтъ у Кюхельбекера [illegible]

Сиръ: слово старое; прочтутъ иные сыръ;
Сиръ никого не тронетъ
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякій сыръ!
Сиръ! Слово сиръ мою элегію уронитъ.

[2]) Я всегда въ уединеніи
Пасъ стада главы моей.
Васъ, созданья [illegible]венія» и пр. (Шекспировы Духи).

[3]) Пушкинъ возражаетъ на письмо къ нему Рылѣева (Соч. Рыл., 212), въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе, и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляли его. Можетъ быть, Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса — любовь, Петрарка — также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей каммергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ», и т. д.

весности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста — нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе) [1]). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего — такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

158. Ив. Матв. Рокотову. — Monsieur, je me serais fait un devoir de vous envoyer ma calèche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si Monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le rece[illegible] et de renouveler une connaissance aussi aimable.

Quand à ce qui regarde le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 150[illegible].

Au reste je m'en rapporterai absolument à la décision de Mon-[illegible].

Agréez les assurances du respect le plus profond et la considération la plus parfaite. — Monsieur, votre très-humble et obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

[illegible]

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère [2]).

[1]) Ср. № 11[illegible]

[2]) Рокотовы — сосѣди Пушкина по Михайловскому. Время, къ которому [illegible]

1826.

159. П. А. Плетневу. Михайловское, январь. — Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; изданіе очень мило [1]; кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится. Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно, вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно; я туда не намѣренъ. Но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ ли Жуковскій узнать, могу ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26.

Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки — нерелигіозныя; другихъ художествъ за собой не знаю [2]). Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда нибудь, гдѣ бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ? — А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

160. В. А. Жуковскому. Михайловское, январь. — Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому что мнѣ было не до себя, во вторыхъ — за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями

[1]) Книжка стихотвореній, изданная въ 1826 г.
[2]) [illegible]

14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

И такъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ[1]), съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.

Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я, наконецъ, былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ.

Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же довѣрять иногда къ счастію. Прости, будь счастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли, наконецъ, позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры — гласъ народа; слѣдственно, я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба.

[1]) Василій Ѳедосѣевичъ — маіоръ камчатскаго полка, болѣе пяти лѣтъ просидѣвшій въ тираспольской крѣпости (съ 1822) и потомъ сосланный на поселеніе. О немъ подробности у Липранди (Р. Архивъ 1866).

161. **Бар. А. А. Дельвигу.** Михайловское, январь. — Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно — я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. — Узнай, гдѣ онъ и успокой меня. — Прощай, мой милый другъ. — *П.*

(На четвертой страницѣ: Барону Дел)

На это письмо Дельвигъ отвѣчалъ: «До тебя дошли ложные слухи о Раевскихъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь [го]ворилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ совѣта.» См. Рус. Арх. 1880 кн. II. 503—504.)

162. **Ему же.** Михайловское, январь. — Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Но будемъ ни суевѣрны, ни односторонни — какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. — Прощай, душа моя. — *Пушк[инъ]*.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста они находились опять у Плетнева

[Адресъ: Милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. В С.-Петербургъ, въ Б. Миллiонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ.

163. П. А. Катенину. Михайловское, февраль.—Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой [1]) были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ.

Будущiй альманахъ [2]) радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзiи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; не знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣнiе и дать нашей словесности новое, истинное направленiе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многiе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣнiяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что Андромаха и собранiе твоихъ стиховъ?

164. П. А. Осиповой. Михайловское, 20 февраля. — Madame. Voici le nouveau poême de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer [3]); c'est un chef d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment: vous en serez enchantée.

Je présume, madame, que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez

[1]) Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Катенина отъ 8 февраля (см. сборникъ Бартенева «Пушкинъ», I, 60), гдѣ Катенинъ, между прочимъ, спрашивалъ «Скажи, пожалуй, къ какому К—ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? многiе думаютъ, что ко мнѣ, но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ» (рѣчь идетъ о стихотворенiи «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ», I, 240 напечатанномъ въ «Стихотворенiяхъ А. Пушкина», изд. 1826 г.).

[2]) Въ томъ же письмѣ Катенинъ просилъ у Пушкина стиховъ для альманаха, затѣваемаго однимъ изъ его знакомыхъ, и прибавлялъ: «Я для него рѣшаюсь нарушить мой зарокъ и написать что нибудь порядочное».

[3]) «Эда», изд. въ 1826 г.

pour oublier totalement Trigorsky, où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 f[illegible]

Veuillez, madame, présenter mes hommages à M-elle votre fille, ainsi qu'à M-lle Netty [1].

---

165. П. А. Плетневу. Михайловское, 2 марта. — Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады — или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль [2], а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ) [3], по крайней мѣрѣ, пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ — и квитъ. — Получили ли мои пріятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? — А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина [4]. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

Штемпель: Опочка. 4 марта 1826.

[1]) Въ началѣ этого года П. А. Осипова отправилась, вмѣстѣ съ старшею своею дочерью, Анной Николаевной, въ тверское свое имѣніе, дер. Малинники. Нетти — племянница Осиповой, Анна Ив. Вульфъ.

[2]) 30 января 1826 г. Слѣпушкину была присуждена за его стихотворенія Россійской Академіей медаль средней величины и 50 червонцевъ, а кафтанъ пожалованъ государемъ.

[3]) Жетоны, выдававшіеся членамъ Россійской Академіи за засѣданія и выплачиваемые послѣ деньгами.

[4]) Плетневъ просилъ прислать Б. Годунова, нанявъ для переписки «писаку», и Онѣгина. См. [illegible] III. [illegible]

166. В. А. Жуковскому [1]). Михайловское, 6 марта. — Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. — *Александръ Пушкинъ.*

7 марта 1826 г. Михайловское

[Адресъ: Василію Андреевичу Жуковскому.]

Прошеніе на высочайшее имя [2]).

Всемилостивѣйшій Государь.

Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше

[1]) Письмо это было написано, по настоянію Жуковскаго, для показа императору Николаю Павловичу, къ которому вскорѣ Пушкинъ обратился съ прошеніемъ, печатаемымъ нами вслѣдъ за этимъ письмомъ.

[2]) Прошеніе это было представлено Псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу.

просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края

Всемилостивѣйшій Государь, ваше императорское величество, вѣрноподданный *Александръ Пушкинъ*.

[Приложены: медицинское свидѣтельство псковской врачебной управы отъ 19 іюля 1826 г. о болѣзни (см. Анненкова Пушк., 316) и обязательство

Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу, и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса *Александръ Пушкинъ*. 11-го мая 1826 года.

---

167. И. Е. Великопольскому. Михайловское, 10 марта. — Милостивый государь Иванъ Ермолаевичъ. Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина [1]) получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ, покамѣстъ, и за то.

Кланяюсь князю Ципіанову [2]); жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ*.

[На черномъ сургучѣ извѣстная пушкинская печать-талисманъ. Почтовый штемпель: «Опочка, 1826, марта 11.»]

---

168. П. А. Плетневу. Михайловское, мартъ или начало апрѣля. — Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ письмо и отъ Заикина [3]), съ увѣ-

---

[1]) «Досуги сельскаго жителя, стихотворенія русскаго крестьянина Ѳедора Слѣпушкина.» Спб. 1826.

[2]) Князь Ѳедоръ Ивановичъ, армейскій офицеръ.

[3]) Книгопродавецъ. Изданіе стихотвореній 1826 г. было скоро раскуплено и поэту предлагали сдѣлать второе

домленіемъ о продажѣ Стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелется — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изданіе. (Однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?). Знаешь ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ [1]). Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ [2]). Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другого. Впрочемъ, держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи [3])? Въ моемъ Борисѣ бранятся по м... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола. Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига [4]).

169. А. Н. Вульфу. Михайловское, май.—Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — добро. Однако, я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.— Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго [5])? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣсть, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете ли вы письма отъ Анны Ник. (съ которой NB мы с

[1]) Вѣроятно «Графъ Нулинъ», написан. въ концѣ 1825 г. Изданіе поэмъ и 2-е изданіе стихотвореній тогда не состоя...

[2]) Подразумѣвается оффиціальное письмо къ Жуковскому, помѣщенное выше

[3]) Жуковскій желалъ прочесть Годунова на урокѣ великому князю. См. письмо Плетнева въ его Соч., III. 339.

[4]) Деньги были выручены за продажу «Стихотвореній». Изъ этой суммы Дельвигъ взялъ взаймы 2000 р. См. п. 162

[5]) Т. е. Н. М. Языкова

вершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ вавилонская блудница А. П.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ противъ почтеннаго Е. Ѳ. [1]) Мое дѣло—сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très-bien. Mais avez-vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ; привезите же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

[Рукою А. Н. Вульфа приписано: «7 мая 1826 года». Адресъ: «Его благ. А. Н. В. въ Дерптъ.»]

170. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 24 мая.

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ [2]). Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ — лучшій твой водевиль [3]). Напиши жъ мнѣ что нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ лунѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена — родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

Михайловское. Май.

[Штемпель: Опочка, мая 24, 1826.]

[1]) Говорится объ Ермолаѣ Ѳедоровичѣ Кернѣ.

[2]) Стихи кн. Вяземскаго къ Ольгѣ Серг. Пушкиной напечатаны въ Сѣв. Цвѣтахъ 1826 г. (Соч. кн. Вяземскаго, III, 405. Тамъ же стр. 413: «Къ мнимой счастливицѣ»).

[3]) «Семь пятницъ на недѣлѣ» — тамъ же (Соч. Вяз. III, 410).

171. И. Е. Великопольскому. Преображенское, 3 іюня.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
Пятьсотъ рублей, проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою,
Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему.

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душою *Александра Пушкина.*

3 іюня 1826. Преображенское

[Писано на отдѣльномъ лоскуткѣ. [illegible]]

172. Кн. П. А. Вяземскому. Псковъ, начало іюня. — Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя, и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло [1]). Долженъ ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot въ Петербургѣ [2]). Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику.

[1]) Относится къ «Одѣ», упомянутой въ п. 170.

[2]) Путешественникъ, издавшій потомъ книгу: Six mois en Russie. О ней кн. Вяземскій напечаталъ въ Моск. Тел. 1827, ч. XV, критическую статью въ видѣ письма изъ Парижа къ С. Д. Полторацкому. (Соч. Вяз., I, 232).

Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными [1]). Богъ знаетъ, свидимся ли когда нибудь.

Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ!

173. Ему же. Михайловское, 10 іюня. — Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить [2]). Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій — такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество вправѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ

[1]) Они собирались за границу.

[2]) «Въ его исторіи изящность, простота» и пр. См. I, 195.

принадлежитъ исторіи. Но скажи все... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова [1]). Если бъ я былъ потребованъ коммисіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

10 іюня.

---

174. **Бар. А. А. Дельвигу.** Михайловское, 20 іюля. — Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери. Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ славяниномъ [2]), а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться [3]) — сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго под-

---

[1]) Ср. V, 38: «Всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы — князю Циціанову.

[2]) Т. е. не принадлежалъ къ обществу «соединенныхъ славянъ», въ дѣлѣ по 14-му декабря 1825 г. «Говорятъ», писалъ Дельвигъ Пушкину (Рус. Арх. 1880, II, 501), «что Кюхля совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета» (К. былъ высокаго роста и худощавъ).

[3]) Казнь и наказанія были уже совершены 13-го іюля, но Пушкинъ узналъ объ этомъ только 21-го.

твержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому — и жду отвѣта. Покамѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна [Осипова] уѣхала въ Тверь, сейчасъ пишу къ ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякій говоритъ по-своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масляницу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.— съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. Жду Цвѣтовъ.

[На четвертой страницѣ: Дельвигу.]

175. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское. 14 августа.

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ — земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ —
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна [1]). Изъ моихъ

[1]) И впослѣдствіи, обласканный государемъ, восторженно встрѣченный москвичами, Пушкинъ нерѣдко задумывался о печальной судьбѣ своихъ друзей, и не только живыхъ, но и мертвыхъ. Въ одной изъ его черновыхъ тетрадей, среди первоначальныхъ набросковъ V главы «Онѣгина», нарисованы валъ и ворота крѣпости, на валу—висѣлица и на ней—пятеро повѣшенныхъ. Сбоку начата фраза: «И я бы могъ, какъ тутъ на...» Внизу страницы опять повторенъ тотъ же рисунокъ и снова написано: «И я бы могъ...»

Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

14 августа

Ты находишь письмо мое [1]) холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

Адресъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С.-Петербургъ, въ Большой Милліонной, въ домѣ д-ра Эвтингъ, для [illegible] тавл. князю П. А. Вяземскому [illegible]

176. П. А. Осиповой. Псковъ, 4 сентября. — Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très-aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'a moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre, je reviens en toute hâte à Trigorsky où désormais mon coeur est fixé pour toujours.

[illegible]

[Прошеніе Пушкина, приведенное выше, въ приложеніи къ п. 166, было отправлено псковскимъ губернаторомъ барономъ Адеркасомъ къ эстляндскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи, который, въ оффиціальномъ письмѣ къ графу К. В. Нессельроде отъ 30 іюля 1826 г. писалъ: «Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ главному управленію моему губерніяхъ, что помянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь, въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить своимъ мнѣніемъ общепринятому порядку, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложеніями къ вашему сіятельству, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прося повергнуть оное на всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, полагая мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за границу, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, 28 августа, состоялась резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, [illegible] «Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ, свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ.» Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября фельдъегерь Вальшъ увезъ поэта изъ Михайловскаго, а 8-го Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. См. Анненкова, Пушкинъ, 319—326.]

---

[1]) Къ государю. См. выше, въ приложеніи къ п. 166

177. Ей же. Москва, 15 сентября. — Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire: cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyante et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué, et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est-à-dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines — ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la c-esse Orlof: un immense manège a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements très-sévères concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que m-lles Annetes[1]) sont déjà à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie. *Pouchkine.*

[illegible]

178. Кн. П. А. Вяземскому. Михайловское, 9 ноября. — Вотъ, я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно, безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ то по-сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни — ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься

[1]) Анна Николаевна и Анна Ивановна Вульфъ.

дѣломъ. Получила ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! [1]). Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. Итакъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ-одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяиномъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого ты пошлешь къ ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло [2]).

9 ноября.

Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго NB. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать [3]). Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ: скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

[1]) Дальняя родственница поэта, дѣвица Пушкина, вышедшая впослѣдствіи за г. Панина.

[2]) См. [illegible]

[3]) Намекъ на замѣчаніе князя, будто Пушкинъ завидовалъ стихамъ Дми[illegible]

179. Н. М. Языкову. Михайловское, 9 ноября. — Милый Николай Михайловичъ, — сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское, — спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О цензурномъ уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа.

Получили ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ, пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

180. Ему-же. Москва, 21 ноября. — Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода вамъ, достойному пѣвцу того и другого. Пишу, однакожъ, изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ «Московскомъ Вѣстникѣ», слѣдственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой; оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется.

Я усталъ и боленъ, потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфу кланяюсь, обѣщая свое высокое покровительство.

Тригорское ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № «Моск. Вѣстника». Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ «Телеграфу», — жаль, но что жъ дѣлать?

181. А. Х. Бенкендорфу. Псковъ, 29 ноября. — Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя, — то поставляю за долгъ

препроводить ее вашему превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена [1]). Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ [2]). — Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

[Помѣта: получено 9-го декабря 1826 г.]

182. М. П. Погодину. Псковъ, 29 ноября. — Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемелется и будетъ мукà, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

183. С. А. Соболевскому. Псковъ, конецъ ноября. — Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однакожъ, прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли го-

[1]) Пушкинъ читалъ свою трагедію въ первый разъ у С. А. Соболевскаго, гдѣ присутствовали: Д. В. Веневитиновъ, гр. М. Ю. Вьельгорскій, И. В. Кирѣевскій и П. Я. Чаадаевъ, а во второй разъ — у Д. В. Веневитинова, въ присутствіи братьевъ Веневитиновыхъ, Хомяковыхъ, Кирѣевскихъ, Мицкевича, Баратынскаго, Шевырева, Рача, Соболевскаго, Погодина и др. См. воспоминанія объ этомъ чтеніи Погодина въ Рус. Арх. 1865, ст. 95—99. Бенкендорфъ увидѣлъ въ этомъ ослушаніе волѣ государя и требовалъ объясненій. См. Рус. Стар. 1874, № 8, стр. 695.

[2]) На это Бенкендорфъ поспѣшилъ написать поэту: «Прошу васъ сообщить мнѣ, для разсмотрѣнія государя, всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера.»

иову [1]). Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали [2]). Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. — Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову [3]) безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ; покамѣсть сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

---

185. Н. С. Алексѣеву. Псковъ, конецъ ноября

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшаго мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно сидящаго моего друга, или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторапіи за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ Бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя потчевать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабскій,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

(Отвѣтъ Алексѣева на это письмо напечатанъ въ сборникѣ г. Бартенева «Пушкинъ». I. 82.)

---

[1]) [illegible] № 11.

[2]) См. предыдущее письмо.

[3]) Вас. Петровичъ, женатый на родственницѣ Пушкина, который въ 1826 г. останавливался въ его домѣ въ Москвѣ и тамъ между прочимъ написалъ свои «Цыганы». II. 7

185. Кн. П. А. Вяземскому. Псковъ, 1 декабря. — Ангелъ мой Вяземскій, или пряникъ мой Вяземскій, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!.. Изъясню послѣ. Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю. — Adieu, couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостаетъ уже и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псковъ

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву—вой—вымъ, какъ хошь.

[Штемпель: 1826. Псковъ. На адресной сторонѣ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце.]

186. А. Х. Бенкендорфу. (Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря 1826). — Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ва, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

[См. въ т. III, примѣчанія къ «Борису Годунову».]

1827.

187. М. П. Погодину.—Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ къ Языкову—тисните [1]), но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ № не помѣщусь.

188. С. А. Соболевскому.—Если бы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу [2]), то я безъ хлопотъ ее бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ—и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный,

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч.

Хорошъ!

189. П. А. Осиповой. Петербургъ, весной.—Je suis bien coupable envers vous, mais pas tant que vous pourrez le penser. Arrivé à Moscou, je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на ваше имя въ почтамтъ. Il se trouve que vous ne les

[1]) Напечатано въ Моск. Вѣстникѣ 1827. № 9.

[2]) Онѣгина, которую Соболевскій по порученію автора печаталъ тогда въ Москвѣ; между тѣмъ 3-ю главу Пушкинъ успѣлъ уже напечатать въ Петербургѣ.

avez pas reçu. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous dirai-je, madame, de mon séjour à Moscou et de mon arrivée à Pétersbourg? L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsky, à peu près comme arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous.

[Адресъ: «Ея высокор. П. А. Осиповой въ Опочку».]

190. Н. М. Языкову. Петербургъ, 14 іюня

Къ тебѣ сбирался я давно,
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю невскихъ береговъ,
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ — хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ остался я.
Ахъ, юность, юность удалая!
Могу-ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю.
Прости, пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,

Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ —
По праву русскаго дворянства.

Стиховъ, ради Бога, стиховъ! Душа проситъ. Простите,—желалъ бы сказать: до свиданія.

[Стихи, которыми начинается это письмо, напечатаны въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. съ незначительными варіантами.

191. А. Х. Бенкендорфу. Спб., 20 іюля. — Въ 1824 году г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавказскій Плѣнникъ», и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ второго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «Кавказскаго Плѣнника» для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь отвѣтствовать за бечестіе. Не имѣя другого способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ пр—мъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр—ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

[Ср. п. 72. На это письмо Бекендорфъ отвѣчалъ, что перепечатаніе стиховъ Пушкина вмѣстѣ съ переводомъ, вѣроятно, послѣдовало съ позволенія цензуры которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся [illegible] переводы вмѣстѣ съ подлинниками. (Соч. Плетнева, III, 34…)]

192. Бар. А. А. Дельвигу. Михайловское, 31 іюля. — Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя[1]. Теперь у тебя отрывки изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь

[1]) На смерть г-жи Ризничъ (II, 1), напеч. въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г.

прислать еще что нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ[1]) и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ[2]). Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу[3]). Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ»[4]). Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять — но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его — это было бъ еще неприличнѣе. — Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь. — Пиши же.

31 іюля. Михай

193. М. П. Погодину. Михайловское, августъ. — Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ цензуры[5]); коль скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы!

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ, и пр. (См. II, 21)

194. Ему же. Михайловское, 31 августа. — Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ, кромѣ двухъ стиховъ[6]). Скажите это отъ

[1]) Въ этомъ изданіи Погодина Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе и много печаталъ своихъ стихотвореній.

[2]) «Черепъ», II, 16.

[3]) Онъ писалъ въ это время «Арапа Петра Великаго.»

[4]) «Встрѣча съ Карамзинымъ» Ѳ. Булгарина напеч. въ Альбомѣ (Музъ на 1828 г.

[5]) Ангелъ. Стансы. 3-я глава Онѣгина. Фаустъ и пѣсни о Стенькѣ Разинѣ были представлены самимъ Пушкинымъ Бенкендорфу въ іюнѣ 1 вращены ему въ августѣ. См. Рус. Стар. 1874, № 8, стр. 700.

[6]) «Да модная болѣзнь; она недавно вамъ подарена.»

Получивъ замѣчаніе, чтобъ стихи представлялъ не чрезъ посредниковъ что государь съ удовольствіемъ читалъ «Нулина», въ которомъ и въ «Фау указалъ однако неприличные стихи, и что «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» тоже неприличны къ напечатанію, Пушкинъ извинялся, и писалъ 10 сентября 1827 г

меня господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію [1]) Et tu, Brute!.. Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка Переправа [2]) въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы

прибавляя: «Съ благоговѣніемъ и благодарностью получилъ я чрезъ ваше пр—во отзывъ государя императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ.»

[1]) Погодинъ издалъ альманахъ подъ этимъ заглавіемъ на 1826 годъ, но на 1827 годъ изданіе не состоялось.

[2]) Индійская сказка, переведенная съ нѣмецкаго Вл. П. Титовымъ.

съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ; но что все собираюсь загладить свою вину — не знаю, увижу ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать въ бѣлокаменной... Весь вашъ, безъ церемоній.

31 августа. Михайлов...

PS. Еще слово: изданіе Ураніи, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя «Благонамѣреннаго» [1]); онъ совершенно правъ — публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

195. А. Х. Бенкендорфу. Опочка, 10 сентября. — Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр—ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

(См. выше, п. 191.)

196. М. П. Погодину. Спб., въ концѣ года. — Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиняться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это

[1]) Календарь Музъ на 1827 годъ, изд. А. Измайловымъ. См. Соч. Вяземскаго. II. ...

еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго (кромѣ Голубые глаза, взятые для Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы [1]) пропущенные — на дняхъ пришлю въ Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней альманашной жатвы, а писать еще некогда. — Весь вашъ *А. П.*

Я не лишенъ правъ гражданства, и могу быть цензированъ нашею цензурою, если хочу, — а съ каждымъ правоучительнымъ четверостишіемъ я къ высшему начальству не полѣзу — скажите [illegible].

[1]) [illegible]

1828.

197. П. А. Осиповой. Спб., 24 января. — Je suis si honteux, madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera éternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre éxistence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette éxistence est assez sotte: et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon désir. Je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger — je le supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, madame, que mes gouts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon éxistence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve M-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes? *A. P.*

24 Janvier.

[Адресъ: «à Madame Ossipof.» Рукою Осиповой: «année 1828.» Написано въ Тверскую губернію, гдѣ въ это время была П. А. съ дочерьми, изъ которыхъ здѣсь упоминается о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ. Дельвигъ отправлялся въ это время съ женою въ Харьковъ, и по пути предполагалъ посѣтить Осипову.

198. М. П. Погодину. Спб., 19 февраля. — Вы, конечно, правы, и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ [1]). — Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ — печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ — а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило — не трогать, чего знаете.— Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ! витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, «плюньте на суку» ...

19 ф[illegible].

На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. [2]). Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

199. А. Х. Бенкендорфу. Спб., 5 марта. — Позвольте мнѣ принести вашему пр — ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе — обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію [3]).

200. И. Е. Великопольскому. (Получено 5 апрѣля).— Любезный Иванъ Ермолаевичъ, Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ ска

[1]) «Сѣв. Пчела» 1828, № 11 (26 янв.): О статьѣ «Обозрѣніе русской словесности за 1827 годъ», помѣщенной въ первомъ № Московскаго Вѣстника на 1828 г. Здѣсь говорится, что Погодинъ, уѣзжая изъ Москвы, поручилъ свой журналъ «пріятелямъ», [illegible]торые пустились въ самохвальную перебранку съ другими журналами и и[illegible]ртили все дѣло.

[2]) Прозы Пушкина въ «Моск. Вѣстникѣ» мы не знаемъ, а что касается до стиховъ, то съ 1827 по 1830 г. включительно Пуш[illegible]нъ помѣстилъ въ журналѣ 13 стихотворенія, включая сюда отрывокъ изъ «Бориса Годунова», отрывокъ изъ «Нулина» и два изъ «Онѣгина».

[3]) Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину, что государь одобрилъ представленную ему VI главу Онѣгина, а равно и стихотвореніе «Друзьямъ» (II, 29), но не желаетъ, чтобы послѣднее было напечатано.

залъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ

и ваше примѣчаніе — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. Простите. Весь вашъ *А. П.*

Сложено и надписано: «Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Черньшевскомъ переулкѣ, въ домѣ Энгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост. И. Е. Великопольскому.» Рукою Баратынскаго: «На Большой Екимапкѣ, у Калужскихъ воротъ, въ д. Еремеевой.»

[Великопольскій, авторъ «Сатиры на игроковъ», обидѣлся посланіемъ къ нему Пушкина (II. 30) и хотѣлъ напечатать въ «Сѣв. Пчелѣ» отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что авторъ сатиры давно знакомъ съ авторомъ посланія и «очень помнитъ, какъ, смѣняя былые рублики въ кисѣ, глава Онѣгина вторая съѣзжала скромно на тузѣ.» Нежеланіе Пушкина, чтобы эти стихи были напечатаны, послужило поводомъ къ разрыву съ Великопольскимъ. См. сборникъ г. Бартенева «Пушкинъ», II, 131—1..]

201. А. Х. Бенкендорфу. Спб., 21 апрѣля.—Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены [1]), съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ

[1]) Пушкинъ просилъ ходатайства Бенкендорфа объ опредѣленіи въ дѣйствующую армію. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что государь не изъявилъ на это соизволенія. См. Рус. Стар. 1874, IX, 392—399.

Парижѣ, что̀, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев—ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, имѣю честь быть, м. г., вашего пр—ва всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пу[illegible]*

Спб. 1828 г. 21-[illegible]

202. М. П. Погодину. Петербургъ, 1 іюля.—Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право, всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна.—Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси: должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте.— Честь и слава милому нашему Шевыреву [1]). Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина, и Ѳедорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ «Мысли», одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и N. N..... каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?.. въ бытность свою въ С.-Петербургѣ онъ со

[1]) [illegible]

мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ между нами. Т. добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану [1]) — на дняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ — засимъ обнимаю васъ отъ сердца. — 1 іюля.

Кстати, похвалите Славянина: онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а N. N. Русской Академіи. — На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ Бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ.
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну, въ Аонией — что Аоней:
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
[illegible] Московскій.

---

203. С. А. Соболевскому. Петербургъ, 15 іюля. — Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ [2]) и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе, деньги же эти — трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго [3]). Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не сумѣю. Прощай, мой другъ.

15 іюля

---

[1]) Такъ Пушкинъ называлъ, въ шутку, Сергѣя Александровича Соболевскаго (1804—1870).

[2]) Смерть матери Соболевскаго.

[3]) Сергѣй Дмитріевичъ, извѣстный библіофилъ.

204. А. Н. Вульфу. Малинники, 27 октября.—Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемыя отъ меня поясненія насчетъ вашего петербургскаго поведенія далъ я съ откровенностію и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

[illegible]

(Адресъ: Его благ. А. Н. В[illegible].)

205. С. А. Соболевскому. Малинники, 9 ноября.—Во-первыхъ—запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари.

На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налегкѣ.

Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ,—
То-то другъ мой растаращитъ
Сладострастный свой глазокъ:

Поднесутъ тебѣ форели,—
Тотчасъ ихъ варить вели;

Какъ увидишь — посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.

Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы — первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ —

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

9 ноября

206. Бар. А. А. Дельвигу. Малинники, ноябрь. — Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину [1]) вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито [2]). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ [3]) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла

[1]) «Напрасно, пламенный поэтъ», II, 44

[2]) Ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ

[3]) Полторацкій, родственникъ Олениныхъ и Осиповой, отецъ А. П. Кернъ. Имя его упоминается въ четверостишіи, которое Пушкинъ написалъ, проѣзжая около этого же времени, черезъ Курскъ

Я въ Курскѣ, милые друзья
Я въ Полторацкаго тавернѣ,
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ, дамѣ Кернѣ.

(Ист. Вѣстн., 1883, № 2, стр. 469).

имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею — тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку.» Дѣти разревѣлись: «не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина.» Нечего дѣлать, ихъ повезли — и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ [1]). Я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего **голубчика** моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣг. [2]). Баронессѣ не говорю ничего, однакожъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

207. Ему же. Малинники, 26 ноября. — Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцовой, чортъ ее побери! [3]) Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій. а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее спасетъ! — Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ **Онѣгина**, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

Что Иліада и что Гомеръ?

[1]) Б. М. Федоровъ въ статьѣ о IV и V гл. Онѣгина, въ СПб. Зрителѣ 1828, укорялъ Пушкина за то, что онъ благородныхъ барышень называетъ дѣвчонками, а деревенскую дѣвку — дѣвою. См. V, [illegible].

[2]) «Въ концѣ письма поставить vale», Онѣг. I, [illegible]

[3]) «И недовѣрчиво и жадно», II. [illegible]

208. А. Х. Бенкендорфу (черновое). — Г. оберъ-полицмейстеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я не буду печатать безъ разрѣшенія обычной цензуры. Повинуюсь священной для меня волѣ [государя]; тѣмъ не менѣе, прискорбна мнѣ сія мѣра. Государь императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры; я далъ честное слово государю, которому измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ его величеству, какъ царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и далъ бы и въ томъ честное слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры, — если государю императору угодно уничтожить милость, мнѣ оказанную, то я съ благоговѣніемъ и горестью пріемля знакъ его неблаговоленія, прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь поступать съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣливаюсь объясняться. Она — знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ боязь... [1]).

[1]) Къ этому же письму, вѣроятно, относятся и слѣдующія строки, наскоро набросанныя карандашемъ: «Осмѣливаюсь замѣтить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже и въ тѣхъ, въ коихъ... не видно ни направленія къ безвѣрію, ни кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ, въ настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, произведеніе [illegible]кое и постыдное...» [Бенкендорфъ требовалъ, чтобы Пушкинъ представлялъ всѣ свои сочиненія не въ общую цензуру, а въ III Отдѣленіе

1829.

209. Н. Н. Раевскому (черновое). Петербургъ, 30 января. Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'éxige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là, comme nos sansoeuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre, s i n e q u a n o n. A l'exemple de Shakespeare, je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique, romanesque etc... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers; quand aux grosses indécences, n'y faites pas attention; cela a été écrit au courant de la plume, et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Димитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez-la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier — partager tantôt le lit dégoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'éxistait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, et en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne — et finir misérablement l'éxistence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène

pour elle—mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise comme le...

слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка.]

Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côte de Козьма Minine, puis Voevode à Нижній, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire, comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище — ville qu'il fit brûler pour la punir de je ne sais quoi à la mode des proconsuls de la convention nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'éxile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache et le billot? il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en a eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup de Henri IV dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксенія — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi, je me fais une religion de ne pas y croire.

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job; le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Godounof j'ai reflêchi sur la tragédie — et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-

être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc., que diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches. 2) La langue. Par ex. le Philoctète de La Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pirrhus: Hélas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha. vous voulez la règle des 24 heures! soit. Et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité [1])!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface. — *А. П.*

30 1. 1829

210. **П. А. Осиповой.** Петербургъ, въ концѣ февраля. — Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour M-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question. Je ne sais, madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année: on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est-ce vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуёво. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'a la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, madame, vous et toute votre famille, l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait dévouement.

[Помѣта Осиповой: reçu le 13 de Mars 1829.]

[1]) Послѣдняя часть этого письма буквально взята изъ п. 14[illegible]. Ср. [illegible] замѣтки о Борисѣ Годуновѣ въ примѣчаніяхъ къ этой трагедіи, т. III.

211. С. А. Соболевскому. Изъ Петербурга. — Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ?[1]) Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ — кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу?[2]) Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли; во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ не остаюсь.

212. Л. С. Пушкину. Москва, 8 мая.—Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ, увидѣться съ дражайшими родителями comme on dit и устроить свои денежныя дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію — не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь. Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлетъ мнѣ.—*А. П.*

8 мая.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину, въ Азію.

213. Н. И. Гончаровой[3]). Въ началѣ мая, передъ отъѣздомъ на Кавказъ. — C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à présent que le comte

[1]) Ср. п. 202

[2]) IV и V главы вышли въ началѣ 1829 г. «Атеней» издавался московскимъ профессоромъ М. Г. Павловымъ; разборъ IV и V главъ Онѣгина помѣщенъ въ № 4, стр. 76 — 89. Иванъ Савельичъ — извѣстный въ то время московскій шутъ, о которомъ подробности см. въ Запискахъ Селиванова (Р. Старина 1882. № 3).

[3]) Наталья Ивановна Гончарова — будущая теща Пушкина.

Tolstoy [1]) m'a rapporté votre réponse. Cette réponse n'est pas un refus, vous me permettez l'espérance; cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude. Je conçois la prudence et la tendresse d'une mère. Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et [ivre] de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être céleste qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de Tolstoy, qui me les fera parvenir.

Daignez, madame, accepter l'hommage de ma profonde considération.—*Pouchkine.*

[Въ началѣ мая Пушкинъ поѣхалъ на Кавказъ, былъ въ лагерѣ Паскевича и въ Арзрумѣ. На запросъ Бенкендорфа о причинѣ поѣздки, онъ отвѣчалъ, «что отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что сверхъ того ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій; что наконецъ поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія».]

214. А. Н. Вульфу. Малинники, 16 октября.— Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! Но крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I. Въ Малинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее: a) Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ; b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а; c) Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу дѣлается невиннѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

---

[1]) Гр. Ѳед. Ив. Толстой («американецъ»), по просьбѣ Пушкина, ѣздилъ къ Гончаровымъ сватать за него Наталью Николаевну, на этотъ разъ безуспѣшно.

II. Въ Павловскомъ Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило? [1])

III. Въ Берновѣ [2]) я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. Н—ва кто-то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Ив. Ив. на строгой діэтѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

[1]) П. И. Эгельстромъ; см. посланіе къ нему въ т. II, 41, и тамъ же — стихотвореніе къ Е. В. Вельяшевой.

[2]) Имѣніе въ Старицкомъ уѣздѣ, въ 8 верстахъ отъ Малинниковъ, принадлежавшее Ив. Петр. Вульфу, женатому на Аннѣ Ѳедор. Муравьевой, двоюродной сестрѣ Мих. Никит. Муравьева. Ихъ дочь Анна Ив. (Netty) была впослѣдствіи замужемъ за Трувеллеръ.

1830.

215. Н. И. Гнѣдичу. Петербургъ, 6 января. — Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, небрежно набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнанiе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Илiады вашей. Оно не нуженъ для вашей славы, но было бы нуженъ для Россiи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Actrices, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде. — Весь вашъ *Пушкинъ*.

— ——

[Пушкинъ отвѣчалъ на письмо Гнѣдича по поводу [illegible] Илiады (см. Т. VI): «Любезный Пушкинъ! [illegible] изданiе. [illegible] № [illegible] строкъ объ Илiадѣ; [illegible] похвальныхъ [illegible] Троянцевъ [illegible] меня, какъ эти нѣсколько строкъ. [illegible] жизни [illegible] что [illegible] о моемъ трудѣ, [illegible] благородно и [illegible] утѣшительно [illegible] Это лучшая [illegible] Обнимаю тебя. [illegible] ли ты [illegible] у Андрiе [illegible] бень?»

Въ бумагахъ Пушкина сохранился еще [illegible] Гнѣдичу, [illegible] Илiады: «Всѣ [illegible] [illegible] и ожидали [illegible] ... [illegible] время, [illegible] вооруженный [illegible] Гомера, [illegible] громѣ [illegible] говорить [illegible]... Какъ извѣстно, [illegible] Гнѣдичемъ переводъ [illegible]

[illegible] я не [illegible].
[illegible] въ стихахъ [illegible]
И руки [illegible]
[illegible]]

216. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 7 января. — Mon général, m'étant présenté chez votre excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permis de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence, m-r Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une quinzaine de mille roubles que puit me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à votre bienveillance, je suis, mon général, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur. — *Alexandre Pouchkine.*

7 Janvier 1830.

217. М. Н. Загоскину. Петербургъ, 11 января.—М. Г. Михаилъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго [1]). Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ вамъ многіе романы и пр.

Января 11, 1830. Спб.

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, авторъ романовъ: «Монастырка», «Черная Курица» и др. Статья была написана, впрочемъ, не имъ, а самимъ Пушкинымъ (см. V. 84)

218. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 18 января.— Mon général. Je viens de recevoir la lettre que votre excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru son mécontentement [1]).

Je prends bien mal mon temps, mon général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve de général Raievsky vint de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est denuée d'amis, d'espérance et de ressources. La moitié de la famille est éxilée, l'autre à veille d'une ruine complète [2]). Les revenus suffisent à peine pour payer les interêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traîtement entier de feu son mari, reversible à ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la préserver de la mendicité. En m'adressant à vous, général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible plutôt que l'homme d'état que j'éspère interesser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agréer, mon général, l'hommage de ma haute considération. Je suis avec respect votre très-humble et très-obéissant serviteur.—*Alexandre Pouchkine.*

18 Janvier. St. P.

219. Кн. П. А. Вяземскому. Москва, 14 марта.— Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ навстрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за

[1]) На балѣ у французскаго посланника всѣ были въ мундирахъ, только Пушкинъ — во фракѣ. По этому поводу Бенкендорфъ сообщилъ ему замѣчаніе государя, что всѣмъ дворянамъ присвоенъ мундиръ той губерніи, гдѣ они имѣютъ помѣстья, и что русскому дворянину приличнѣе являться въ собранія въ этомъ нарядѣ.

[2]) За 14 декабря 1825 г. изъ родства Раевскихъ В. Л. Давыдовъ и кн. С. Г. Волконскій были сосланы въ каторгу; М. Ѳ. Орловъ былъ въ полной немилости и устраненъ отъ службы. При вдовѣ были двѣ дочери дѣвицы, отецъ которыхъ Н. Н. Раевскій, герой 1812 года, умеръ 16 сентября 1829

ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны [1]).

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quand à m-me Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied da la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны (Карамзиной) и пиши мнѣ къ Кону [2]).

14 марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

[Адресъ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Межуева.]

---

[1]) Пушкинъ говоритъ о развязкѣ театральнаго скандала, разсказаннаго кн. Вяземскимъ (Соч., VIII, 224—225): въ частномъ французскомъ театрѣ г-жи Карцевой публика шикала и шумѣла, вступаясь за одну обиженную актрису; за это было арестовано нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Сибилевъ и графъ Потемкинъ. Шульгинъ — московскій оберъ-полицеймейстеръ; Волковъ жандармскій генералъ.

[2]) Гостинница, бывшая близъ Тверской улицы.

220. Ему же. Москва, 16 марта.— У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ — вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой? Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ [1]). Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

16 [illegible]

221. Ему же. Москва, въ мартѣ.—Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный — вѣроятно въ присутствіи — и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ [2]). Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи [3]). Булгаринъ

---

[1]) Матвѣй Михайловичъ, мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны, каммергеръ. См. о немъ Соч. Вяземскаго, VIII, 159.

[2]) Доносъ напечатанъ въ Литературной Газетѣ 1830, № 28.

[3]) Пушкинъ шутитъ насчетъ общей ихъ пріятельницы, Елизаветы Михайловны Хитрово (дочь кн. М. И. Кутузова-Смоленскаго, по первому мужу гр

изумилъ меня своею выходкою [1]); сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ [2]). Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству.—Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

222. Н. Н. Гончаровой (черновое). Москва, въ мартѣ. — C'est aujourd'hui..., c'est l'anniversaire du jour où je vous ai vu pour la première fois, ce jour... de ma vie, c'est...

Plus j'y pense, plus je vois que mon éxistence est inséparable de la vôtre: je suis né pour vous aimer et vous suivre, tout autre soin de ma part est erreur ou folie. Loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que je jette tout et que je vienne tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en... est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là je pourrais venir en pélerinage, errer autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir...

Рум. Муз.

223. Н. А. Полевому. Москва, 28 марта. — Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ

Тизенгаузенъ, р. 1783, ум. въ маѣ 1839), которая питала къ Пушкину самую нѣжную, страстную дружбу. О ней см. Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 493—495. Письма ея къ Пушкину и кн. Вяземскому—въ брошюрѣ кн. П. П. Вяземскаго «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—1837», стр. 29—34, ...

[1]) Напечатаніемъ эпиграммы: «Не то бѣда, что ты полякъ», II, 89

[2]) Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго, см. замѣтку Пушкина V. 348.

знать, что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ[1]). Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь вашъ *А. Пушкинъ.*

27 марта 1830 г. М[illegible].

[Адресъ: «Николаю Алексѣевичу Полевому.»]

[Въ статьѣ, составленной чиновникомъ III Отдѣленія Мих. Макс. Поповымъ: «Новые матеріалы для біографіи Пушкина» (Рус. Стар. 1874, № 8, стр. 683—714) приводятся выдержки изъ писемъ Пушкина къ Бенкендорфу и передается содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что 30 марта 1830 г. Бенкендорфъ требовалъ объясненія объ отъѣздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса. Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 г., когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невол[illegible] [illegible]ступка его, поѣздки въ Арзрумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудо[illegible]ствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему эти выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говорилъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что Бенкендорфъ остается единственнымъ его защитникомъ. «Если завтра вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму.» Особенно онъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью своей къ Бенкендорфу. Булгаринъ, по словамъ поэта, «злобясь на него за критики, впрочемъ вовсе не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на [illegible].»]

224. С. П. Шевыреву, приписка въ письмѣ Погодина отъ 29 апрѣля 1830 г.— Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичъ. Мы, жители прозаической Москвы, осмѣливаемся писать вамъ въ поэтическій Римъ, надѣясь на дружбу вашу. Возвратитесь, обогащенный воспоминаніями, новымъ знаніемъ, вдохновеніями. Возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу.

[Рус. Арх. 1882, III, 147.]

225. Н. И. Гончаровой. Москва, въ апрѣлѣ.— Maintenant, madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému en prenant la plume, que si j'etais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées

[1]) Пушкинъ былъ избранъ въ члены общества любителей россійской словесности. Полевой отвѣчалъ на запросъ Пушкина, что его избраніе сопровождалось рукоплесканіями, что члены общества «ничего, совершенно ничего» не дѣлаютъ и что за дипломъ платится 25 рублей. См. сборникъ Бартенева «Пушкин[illegible]» I, [illegible]

me viennent, tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandai. Votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire: je partis la même nuit pour l'armée. Demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous jure que je n'en sais rien; mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou: je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit[1]); j'espérais, j'attendais une réponse; elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination: ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu malheureusement populaire. Vous pouviez y ajouter foi; je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour[2])! Votre silence, votre air froid, l'accueil de mademoiselle N.. si léger, si inattentif: je n'eus pas le courage de m'expliquer. J'allais à Pétersbourg, la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule; j'avais été timide pour la première fois de ma vie, et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de m-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, maintenant, que quelques paroles gracieuses que vous avez

---

[1]) Этого письма или писемъ не отыскано.

[2]) П. И. Бартеневъ, въ примѣчаніи къ этому письму, приводитъ слѣдующую выдержку изъ записаннаго имъ разсказа Сергѣя Николаевича Гончарова: «Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ американца графа Толстого, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣздилъ и испросилъ позволенія привезти Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе, что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога), по его просьбѣ, уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Пав[illegible], а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину напрямикъ не отказали; но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо пріѣздъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя, онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели.»

daigné m'adresser, auraient dû me combler de joie, — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de m-lle votre fille. Je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire. Si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la tranquille preuve de la indifférence de son coeur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, des séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle. Peut-être, ces propos seront-ils sincères; mais à coup sûr, elle les croira tels. N'aura-t-elle pas de regrets? Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? Ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari, cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune. J'en fais peu de cas; la mienne m'a suffi jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? Je ne souffrirai pour rien au monde, que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'éxiger. Pour la satisfaire, je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une éxistence toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas, si sa position dans le monde ne sera pas si brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désiré?

Tels sont en partie mes anxiétés; je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier... Daignez agréer, madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération. *A. Pouchkine*

---

226. А. Х. Бенкендорфу. Москва, 16 апрѣля. — . . . . Encore une grâce: en 1826 j'apportais à Moscou ma tragédie de Годуновъ, écrite pendant mon éxil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'ávez vue, que pour me disculper. L'empereur, ayant daigné la lire, m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres, et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes; en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trou-

ver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'ésprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de La contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier Sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

[Приведенный отрывокъ взятъ нами изъ статьи М. И. Сухомлинова «Императоръ Николай — критикъ и цензоръ Пушкина», Ист. Вѣстн. 1884, № 1, стр. 74—75. Бенкендорфъ отвѣчалъ 28 апрѣля: «Pour ce qui regarde v[illegible]gédie de Godounoff, Sa Majesté vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité.» Ср. примѣчанія къ Годунову. — Въ томъ же письмѣ Пушкинъ извѣщалъ Бенкендорфа о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ и просилъ доложить объ этомъ государю. При этомъ, снова жалуясь на свое тягостное положеніе, онъ писалъ: «Мать невѣсты страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ государя.» Бенкендорфъ 28 апрѣля увѣдомилъ, что государь съ удовольствіемъ услышалъ объ этомъ намѣреніи и поручилъ увѣрить, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества и что довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя.]

227. Кн. П. А. Вяземскому. Москва, 2 мая. — Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Не-

ужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ — съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету — и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и зачѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представлю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство [1]). Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 мая.

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. На Моховой, въ домѣ Межуевой. На почтов. штемпелѣ: Москва, 3 мая, 1830].

---

228. А. Н. Гончарову [2]). Москва, 3 мая. — Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благосло-

[1]) Кн. Вяземскій (Соч., VIII, 159) разсказываетъ, что Солнцевъ былъ представленъ кн. Юсуповымъ въ камергеры. Въ Петербургѣ нашли, что по чину его достаточно ему и званія камеръ-юнкера. Но Солнцевъ, кромѣ того, что былъ уже въ степенныхъ лѣтахъ, пользовался еще вдоль и поперекъ такимъ объемистымъ туловищемъ, что юношеское званіе никакъ не подходило ни къ лицу его, ни къ росту. Кн. Юсуповъ сдѣлалъ новое представленіе на основаніи физическихъ уваженій, которое и было утверждено.

[2]) Дѣдушка Натальи Николаевны, жившій въ своемъ имѣніи «Полотняный Заводъ», Калужской губерніи. См. о немъ воспоминанія А. П. Бутенева въ Рус. Арх. 1881, II.

вили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

6 Мая 1830. Москва.

229. П. А. Плетневу. Москва, въ началѣ мая. — Милый! Побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof. S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité» [1]).

Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками, а ты, благодѣтель, явись къ ф.-Фоку [2]) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина [3]). Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Өаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши.

Скажи: имѣлъ ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ «Сѣверной Пчелы?» [4]) Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Өаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а современемъ можно будетъ написать это [5]). Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? [6]) Пожалуйста, отпиши.

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ!

Сейчасъ получилъ письмо твое, — благодарю, душа моя. Заключай условія, какія хочешь, только нельзя ли вмѣсто 4-хъ лѣтъ 3 года? выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ. Не продать ли намъ Смирдину и трагедію? [7]) Порученіе твое къ моей невѣстѣ испол-

[1]) См. примѣчаніе къ п. 226.

[2]) Начальникъ III Отдѣленія. См. замѣтку о немъ Пушкина V, 185.

[3]) Т. е. написать разборъ его романа «Дмитрій Самозванецъ».

[4]) О VII-й пѣсни. См. V. 128.

[5]) См. V. 181.

[6]) См. V. 91.

[7]) Плетневъ продалъ Смирдину на четыре года право на всѣ уже вышедшія въ свѣтъ сочиненія Пушкина, и Смирдинъ обязался выплачивать Пушкину, въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, съ 1 мая 1830 г., ежемѣсячно по 600 руб. асс. См. Соч. Плетнева, III, 350.

непо [1]). Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ не знаю; кажется, отъ Петербурга не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

230. Кн. В. Ѳ. Вяземской. Москва. въ маѣ. — Vous avez raison de trouver l'âne délicieux [2]). C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo. J'y vois plus de talent que dans le dernier jour [3]) où il y en a beaucoup. — Quant à la phrase qui vous a embarassé, je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenir délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez-vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin; mais je n'en ai guère le temps. Mon mariage avec Natalie (qui, par parenthèse, est mon cent-troisième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au Lombard, et vous. chère princesse, je vous engage à être ma посаженая мать. — A vos pieds A. P.

Erratum. Variante. après 200 paysans: je les engage au Lombard. et vous. divine princesse. à être ma посаженая мать.

231. М. П. Погодину. Одиннадцать записокъ. Москва, въ маѣ.

1.

Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда [1]). — *А. П*

2.

Могу ли къ вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не дастъ, а даритъ кому захочетъ; такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (прости, Господи, мое прегрѣшеніе).

[1]) Плетневъ писалъ: «Прошу тебя, и сдѣлай это непремѣнно: поцѣлуй за меня ручку у твоей невѣсты-прелести». Тамъ же, 351

[2]) Романъ Жюля Жанена: «L'âne mort et la femme guillotinée

[3]) Le dernier jour d'un condamné. В. Гюг

[1]) Пушкинъ просилъ взаймы на уплату карточнаго долга; у Погодина денегъ не было и онъ обѣщалъ ихъ взять у Надеждина или кого другого.

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ уничтожилъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ карреи кагульскія[1].

3.

Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками. — Завтра увижу ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? (Въ трагедіи, понимается[2]). — *А. П.*

4.

Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 pr. c., или на шесть мѣсяцевъ по 5 pr. c. — Что четвертое дѣйствіе (Петра)? — *А. П.*

5.

Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

6.

Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ[3]). — *А. П.*

7.

Если уже часть, такъ бо̀льшую, ради Бога. — *А. П.*

8.

Надеждинъ хоть изрядно насъ тешитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было бы, если бъ онъ теперь потѣшилъ — двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc. — Весь вашъ А. П.

9.

Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 р. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ, я не обязался именно къ которому числу. — Весь вашъ *А. П.*

[1]) Пушкинъ поправляетъ ошибку, сдѣланную въ «Моск. Вѣстникѣ»

[2]) Трагедія «Петръ I».

[3]) Игра словъ: «Надоумко» — псевдонимъ Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ онъ иногда до неприличія бранилъ Пушкина. Отсюда опять каламбуръ въ слѣдующей запискѣ: тешитъ (отъ тесать) и тѣшитъ

10.

Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. — *А. П.* — Четвергъ.

11.

Сердечно благодарю васъ, любезный Михайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ. — Какъ вамъ кажется письмо Чаадаева?[1] И когда увижу васъ?

232. **Н. Н. Гончаровой** (черновое). Москва, въ іюнѣ. — Je voudrais pouvoir éspérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod, — mais c'est avec délice que j'obéis á vos ordres; me voilà donc à Moscou si triste, si ennuyeux, lorsque vous n'y êtes pas; je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikitskaïa, encore moins de venir demander des nouvelles... Vous ne saurez imaginer l'angoisse que me donne votre absence, je [regrette] d'avoir quitté Zavod. Toutes mes craintes reviennent plus vives et plus noires. Je voudrais éspérer etc. Je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous...

233. **А. Н. Гончарову.** Москва, 7 іюня. — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга, и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника[2], то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

[1] Рядъ философическихъ писемъ Чаадаева къ г-жѣ Пановой, урожденной Улыбышевой, былъ написанъ въ теченіе 1828—1829 годовъ, и письма эти тогда же распространились въ рукописяхъ. Впослѣдствіи только первое изъ нихъ, въ переводѣ Н. Х. Кетчера съ французскаго оригинала, было напечатано въ «Телескопѣ» 1836 г., что и повлекло запрещеніе журнала, ссылку редактора, отставку цензора и объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ.

[2] Принадлежавшая А. Н. Гончарову бронзовая статуя Екатерины II, которую онъ хотѣлъ продать.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что современемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ, жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

7 іюня 1830. Москва.

---

234. Ему же. Москва, 28 іюня.— М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло: — не вооружить противу себя Канкрина [1]), а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тысячъ) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

[illegible]

---

[1]) Егоръ Францовичъ, министръ финансовъ.

235. Н. Н. Гончаровой. Петербургъ, 20 іюля. — Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, н[illegible]зависимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. [illegible] Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи — я починилъ ее булавками — на второй та же исторія — и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили пу[illegible]шествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г.— Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю [illegible]кратить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. Наталья Кирилловна[1]) [illegible] [illegible]еревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголовѣ (чухонск[illegible]. гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ жен[illegible] [illegible] видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я н[illegible] [illegible]жиданно обѣдалъ [illegible].

[illegible] тороплюсь — цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman. и вамъ также. мой ангелъ. такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ [illegible]грамъ.

[illegible]

[illegible]

236. Ей же. Петербургъ, между 20 и 30 іюля.—Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не расписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки [illegible]ъ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ Кирилловнѣ. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія. — Вы жéнитесь на моей племянницѣ? — Точно такъ. — Какъ же это, я очень удивлена. меня объ этомъ не извѣщали: Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: — Наташа знаетъ, какъ я люблю

[1]) [illegible]

ее. Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. — Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ — и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ [1]). Что̀ подѣлываетъ la Grand'maman de Zavode — бронзовая, разумѣется? [2]) Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что̀ вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? Ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это — такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: прошу любить и жаловать. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ. — До свиданія.

Оригиналъ—по-французски. На конвертѣ: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской въ домѣ Гончарова.—По почтѣ, но безъ штемпеля: помѣченъ рукою пріемщика одинъ нумеръ.]

237. Ей же. Петербургъ, 30 іюля.—Вотъ письмо Аѳанасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Натальи Ивановны — и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны; она въ Парголовѣ, у графини

[1]) Письмо С. Л. Пушкина къ А. Н. Гончарову напечатано г. Бартеневымъ въ сборникѣ «Пушкинъ», I, 184.

[2]) Статуя Екатерины II, о которой упомянуто въ п[...].

Полье, которая почти сумасшедшая: она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей — но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стóила 40,000 рублей. Аѳанасію Николаевичу слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную Grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳанасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.

30 іюл.

Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма?

[illegible]

238. А. Н. Гончарову. Москва, 14 августа.—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! По приказанію вашему, являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умо-

лять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ.*

[illegible] [illegible]0. Москва.

239. **Ему же.** Москва, 24 августа.— М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего Василья Львовича Пушкина [1]) и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выйти изъ долговъ, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ и проч. *Александръ Пушкинъ.*

24 августа. Москва.

240. **Н. Н. Гончаровой.** Москва, въ концѣ августа.— Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ [2]). Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права — и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. *А. П.*

Оригиналъ — по-французски. На конвертѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.— Частнымъ путем[illegible]

[1]) [illegible] Вяземскаго. IX. 137.

[2]) Получивъ отъ отца, по случаю своей женитьбы, имѣніе въ селѣ Болдинѣ, Пушкинъ отправился, въ августѣ, для его осмотра, чрезъ Москву и Нижній. Эту записку онъ написалъ въ самую минуту своего отъѣзда изъ Москвы, послѣ какой-то размолвки съ будущей тещей, и уже простившись какъ съ нею, такъ и съ невѣстой

241. П. А. Плетневу. Москва, 31 августа.— Хорошъ! не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Ниж[illegible] т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что̀ у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже «30-ти лѣтъ жизни игрока» [1]). Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе [2]). Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться независимостію, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ.— Грустно, душа моя.— Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

[illegible]

242. Н. Н. Гончаровой. Болдино, 9 сентября.— Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленъ

[1]) [illegible] Р. [illegible] В. А. [illegible]

[2]) [illegible] 1831.

кая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ Натальѣ Ивановнѣ; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine [1]) за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я счастливъ только тамъ, гдѣ вы.

9 с[illegible]бря. Болдин[illegible]

[Оригиналъ — по-французски.

---

243. А. Н. Гончарову. Болдино, 9 сентября. — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорѣе чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣянія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. *Александръ Пушкинъ.*

9 сентября 1830. Село Болдино.

244. П. А. Плетневу. Болдино, 9 сентября. — Я писалъ тебѣ премеланхоличное письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня колера-морбусъ. Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ

---

[1]) Сестры Нат. Николаевны.

и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій, — знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ помолчавъ: какъ скучны статьи Катенина! [1]) И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь, — а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ... [2]) Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго, приданое не уйдетъ; зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не прежде мѣсяца, и оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ прислалъ денегъ: деньгами нечего шутить, деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается — никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы, и стиховъ. — Прости жъ, моя милая.

Приписано на загнутомъ внутрь краѣ листа, на сторонѣ [illegible]

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе — не прислать ли тебѣ его? Вспомни однакожъ, что ты обѣщалъ мнѣ свое: дѣльное, длинное. — А цѣна трагедіи? 10 или 12?

---

[1]) «[illegible] и разборы», въ «Лит. Газ.» 1830.

[2]) [illegible] Пушкина сохранилась слѣдующая черновая просьба, вы[illegible] дѣйствіями этого цензора:

«Издателямъ Литературной Газеты, вмѣсто К. С. Сербиновича, дали [illegible] въ цензоры профессора Щеглова, который своими замѣчаніями [illegible] напоминаетъ лучшія времена Бирукова и Красовскаго. Въ доказатель[illegible]льте привести вамъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. (Оставленъ [illegible]шой пробѣлъ.)

Цензоръ усомнился, можно ли допустить называть такимъ образомъ двухъ.. и выключилъ привѣтствіе не по [illegible].

Издатели рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству и просить [illegible]ли только возможно, возвратить имъ Сербиновича, или, по крайней мѣрѣ, дать другого, менѣе своенравнаго цензора, если ужъ невозможно возвратить [illegible]рбиновича».

245. Ему же. Болдино, 29 сентября. — Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ же отвѣчаю. Какъ же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій! Вѣроятно, я выразился дурно; но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто я хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тётушки да бабушки да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ; но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна[1]) &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ щастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ — я, а тутъ онъ будетъ мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ; чортъ ее побери! Теперь понимаешь ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь; а я — окончà дѣла, ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ. Мѣсяцъ буду въ дорогѣ, — по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ Филипъ[2]) и здоровъ ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

246. П. А. Осиповой. Болдино, въ сентябрѣ. — C'est dans la solitude de Boldino, madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de Вас. Льв. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affai

[1]) Стихъ изъ поэмы: Цыганы.

[2]) Французскій король Louis Philippe. Въ подлинномъ послѣ имени Филипъ зачеркнуто: «Августъ.»

blis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il parait que la crainte de la choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! Ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après-demain, et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 18 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot *toujours* qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, madame. Mais en tout cas ce mot ne peut être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical; et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'egoïsme: nous voyons que dans le fond nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur...... c'est un grand peut-être, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serais à Pétersbourg, vous recevrez, madame, tout ce que j'ai imprimé; mais ici je n'ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, madame, de mon coeur, vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement. *A. Pouchkine*

[Адресъ: «Ея высокор. м. г. Пр. Ал. Осиповой въ Опочку.»]

---

257. Н. Н. Гончаровой. Болдино, въ концѣ сентября. Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородицкѣ не болѣе 6-ти дней. Мнѣ обьявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней: сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что̀ можетъ меня утѣшать, то это мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; та-

кимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль оконовъ и смѣются надъ увязшими экипажами [1]. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только и видимъ это. Что̀ вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что̀ говоритъ le Grand papa? Знаете ли, что̀ онъ мнѣ писалъ? La Grand'maman, — говоритъ онъ, сто̀итъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго зáмка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять? — это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m-r Serge [2]. Имѣете ли извѣстіе о другихъ?

30 сентября.

(Подлинникъ по-французски.)

258. **Ей же.** Болдино, 11 октября. — Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, не смотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю,

[1]) Ср. V, 215.
[2]) Братъ Натальи Николаевны.

что всегда преувеличивають картину ея опустошени и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только la canaille умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все-же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится — до святости. Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ — не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!). Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. Je ris jaune, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.

11 октября

Оригиналъ — по-французски.

249. Ей же. Болдино, конецъ октября. — Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по-чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренесчастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что̀ вы? Я писалъ въ Москву,

мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ — и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я пріѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то пріѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-Богу не шучу — но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

250. П. А. Плетневу. Болдино, 28 октября. — Я сунулся было въ Москву, да узналъ, что туда никого не пускаютъ, и воротился въ Болдино да жду погоды. Ну, ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки [1]) — да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она и что она, до сихъ поръ не вѣдаю. — Каково? то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать [2]) — но до того доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣстъ онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что моя трагедія? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: «Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому.» Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ лю-

[1]) Онъ напоминаетъ этимъ о своемъ пребываніи въ арміи Паскевича за Кавказомъ. — *П. П.*

[2]) Стихъ изъ одной шуточной его пѣсни, каррикатуры на Беранже. — *П. П.* [См. II, 54.]

бимый трудъ памяти отца. Итакъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

Драгоцѣнной для Россіянъ

памяти

Николая Михайловича Карамзина

сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,

съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ

А. Пушкинъ

---

251. **Бар. А. А. Дельвигу.** Болдино, 4 ноября. — Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣтами, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло — и кого падлежитъ душить, Полевого или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все-таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ разцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. — Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю.

Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга — но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

---

252. **Н. Н. Гончаровой.** Болдино, 4 ноября. — 9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ! — мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за

хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ — онъ хочетъ посмотрѣть его — дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ — овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый, за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ «Кавказскаго плѣнника»:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука
Пройдетъ любовь, настанетъ скука

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: revenons à nos moutons. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, Адріана, который отъ этого большие барыши получаетъ. Но Наталья Ивановна, но вы! — ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ Болдино; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.

1 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

[Оригиналъ — по-французски.]

253. Кн. П. А. Вяземскому. Болдино, 5 ноября. — Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что у ней за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна [1]), какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ из-

[1]) Стихъ Ив. Ив. Дмитріева.

вѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты налѣво, а мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся голы какъ бубны. — Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же маперъ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть. — Радуюсь, что ты принялся за Фонъ-Визина. Чтò ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри, что за перестрѣлка подымется. — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выйти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой [1]) не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль, если я [2]). Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ — и читалъ бы въ нижегородской глуши le Temps et le Globe. Каковъ государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровье, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ «ваше здоровье»: титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ.

5 ноября.

[1]) Такъ прозвалъ Пушкинъ Елиз. Мих. Хитрово, потому что, по словамъ Н. М. Смирнова (Рус. Арх. 1882, I, 238), «эта умная, но странная женщина на 50-мъ году не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою.»

Пушкину же приписывается и слѣдующая эпиграмма

Лиза въ городѣ жила
Съ дочкой Доленькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голен — *.
У австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand gala
Не по старому мила,
Но по старому гола.

За австрійскимъ посломъ, гр. Фикельмономъ, была дочь Е. М., которую обыкновенно называли Dolly.

[2]) Пушкинъ спорилъ съ кн. Вяземскимъ, что министровъ Карла X отдадутъ подъ судъ за государственную измѣну, и проигралъ пари. (Соч. Вяз., IX, 136 — 137).

254. Н. Н. Гончаровой. Болдино, 18 ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы,— 14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—Вы не по казенной надобности изволите ѣхать? Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.— Давно ли?— Да ужъ около 3-хъ недѣль. — И эти ...... губернаторы не даютъ этого знать? — Мы не виноваты-съ.— Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать — ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да киспу. Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову: онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

[Оригиналъ — по-французски.]

255. М. П. Погодину. Болдино, въ ноябрѣ.— Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ велiимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукояновскiй уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію [1]), то вы будете моимъ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Паѳмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную.

[Приложено стихотвореніе «Герой», II, 121.]

256. Ему же. Болдино, въ концѣ ноября.— Я было опять къ вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ смотритель увидѣлъ, что я ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино [2]). Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Мароу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи: Мароа имѣетъ европейское, высокое достоинство.— Я разберу ее какъ можно пространнѣе.— Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе.— Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? и эта бѣда — не бѣда. Языку нашему надобно воли

[1]) Мароа Посадни[illegible]
[2]) [illegible]

дать болѣе.—Разумѣется, сообразно съ духомъ се[illegible] свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша пр[illegible]. — Скоро ли выдетъ ваша Мароа? Не посылаю вамъ [illegible] (мѣстныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другого изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто—разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику — вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное—остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь *А. П.*

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на царя (и подѣломъ), а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите, до свиданія. Поклонъ Языкову.— Что за прелесть сцена пословъ. Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго.

[См. разборъ трагедіи Мароа Посадница въ т. V, стр. [illegible].]

257. А. Н. Верстовскому. Болдино, въ концѣ ноября.—Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во-первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ, во-вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живого, т. е. умнаго и дружескаго. Итакъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго [1]) не предается унынію (для чего не худо

[1]) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

поссориться ему съ Павловымъ [1]), яко съ лицомъ, уныніе наводящимъ).

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно..

---

258. Н. Н. **Гончаровой,** Болдино, 26 ноября.—Судя по вашему письму отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ comme de l'an 40) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не зналъ: такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Бол-

[1]) Николай Филиппович. Объ отношеніяхъ его къ Нащокину см. въ ст. [illegible]

дино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.

26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ вы полагаете, — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на-слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе [1]). Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я недаромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

[Оригиналъ — по-французски.]

259. Ей же. Платово, въ концѣ ноября. — Вотъ и еще одинъ [2]) документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ.

[1]) Упоминаемыхъ документовъ нѣтъ при письмѣ.

[2]) Вѣроятно, въ дополненіе къ двумъ вышеупомянутымъ. Собственно, этотъ документъ есть отвѣтное письмо Пушкину Д. Языкова, изъ Нижняго. Вотъ его текстъ, съ сохраненіемъ орѳографіи:

Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part a votre position ayent moi même des parents a M... et je conssois le desir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir put vou etre utile, en cette ocasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, M... sieur, avec l'estime la plus parfaite votre tres humble serviteur—*Dmitri Ja...* Le 22 novembre, 1830. — Nigni

На оборотѣ этого письма Пушкинъ и сдѣлалъ свою приписку.

Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моемъ несчастномъ похожденіи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На дняхъ я писалъ вамъ письмо нѣсколько жёсткое,— но это потому, что у меня голова шла кругомъ — простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ, я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что̀: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

[Оригиналъ — по-французски. Отправлено въ дополненіе предыдущаго письма частнымъ путемъ и потому не проткнуто; подъ адресомъ подпись: «самонужнѣйшее»

260. Ей же. Платово, 2 декабря.— Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней — послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ — мои несчастныя попытки убраться; потомъ — извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ — ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жёсткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не оцѣпленъ — карантины были уничтожены

во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-r Serge.

2 декабря. Платово.

[Оригиналъ — по-французски. Отправлено частнымъ путемъ.]

261. П. А. Плетневу. Москва, 9 декабря.— Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но — слава Богу — сладилъ. Насилу прорвался я и сквозь карантины: два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но, слава Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе: здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мели. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется, и которыя напечатаемъ также anonyme. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль,— но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья [1]). Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но

[1]) Въ № 61 «Лит. Газ.» (30 окт. 1830) напечатано въ подлинникѣ четверостишіе Казиміра Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это въ III Отдѣленіи строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертельной болѣзни.

и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ [illegible] [illegible], а [illegible] шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ барана, а [illegible] какъ барона. [illegible]

262. П. В. Нащокину. [illegible]

[illegible]

1831.

263. Н. А. Полевому. Москва, 1 января.—М. Г. Николай Алексѣевичъ, искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа, пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

1 янв. 1831.

---

264. Кн. П. А. Вяземскому. Москва, 2 января.—Стихи твои—прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ Блинъ. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль: въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Сѣв.

Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглый годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною [1]). Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически-трогательно, а все-таки палата права. Рѣчьми адвокатовъ я недоволенъ—всѣ онѣ робки. Одинъ Ламенэ въ состояніи былъ бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. [2]) противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣевскій напъ здѣсь. Вечѳръ видѣлъ его. Лиза [3]) пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Если бъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: пріѣхали сани.

	Давыдовъ съ ноздрями,
	Вяземскій съ очками,
Д — Митюша	Гагаринъ съ усами,
В — Петруша	Дѣвокъ испугали
Г — Ѳедюша	И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

265. **П. А. Плетневу.** Москва, 7-го января.—Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко [4]) прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты

[1]) См. т. [illegible]

[2]) Veuve Cliquot Pontchartrain: клеймо шампанска[illegible]

[3]) Ел. Мих. Хитров[illegible].

[4]) Такъ въ кругу Жуковскаго называли Гнѣдича. Это посланіе напечатано въ Соч. Плетнева. III. 253.

живъ — а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ ли тебѣ ген.-губернаторъ имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвѣчай же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! [1]) Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами какъ помѣщикъ съ своими крестьянами: мы трудимся — а онъ сидитъ на с.... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья [2])! Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника, и дьячка, и бабку, да и самого кума — котораго заставятъ же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойный царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? — Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то-ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риомъ не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно — и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія [3]). Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не

---

[1]) Стихи Ѳед. Глинки въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г.

[2]) Вся эта шутка относится къ слѣдующему стихотворенію Ѳед. Глинки помѣщенному также въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1831 года:

Не плачь, жена! Мы здѣсь земные постояльцы:
Я вѣрю: гдѣ-то есть и намъ пріютный домъ!
Подчасъ вздохну я, сидя за перомъ;
Слезу роняешь ты на пяльцы;
Ты все о будущемъ полна заботныхъ думъ;
Богъ дастъ дѣтей?.. Ну, чтожъ?—Пусть Онъ нашъ будетъ кумъ

[3]) Въ это время въ Москвѣ ходила по рукамъ эпиграмма:

И Пушкинъ сталъ ужъ скученъ,
И Пушкинъ надоѣлъ.

забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ какъ наши: «Помилуйте-съ!..» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе — попугаи или сороки низовскія, которыя картавятъ одну имъ затверженную — — Прости, мой ангелъ! — Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Баратынскаго — чудо. Addio.

---

266. Ему же. Москва, 13 января. — Пришли мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для московскихъ прощалыгъ; не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семь мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ вамъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя — та же тетка. То ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, что скажетъ Марья Алексѣвна[1]). Что Газета наша? Надобно намъ о ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное, — да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ, посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

---

267. **А. Х. Бенкендорфу.** Москва, 18 января. — Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической

И [illegible]
И [illegible]
«Бориса Годунова»
Онъ выпустилъ въ народъ
Убогая обнова.
Увы! на новый годъ.

[1]) Стихъ изъ комедіи Грибоѣдова: Горе отъ ума.

драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше пр—во, какъ голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.

---

268. **Кн. П. А. Вяземскому.** Москва, въ половинѣ января.— Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на именины къ тебѣ [1]). Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова [2]) и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонъ-Визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонъ-Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонъ-Визина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты мою Агріопу?—Видѣлъ.—Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи? — Скажу: Агріопа—.... Остро и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ [3]) пошлю къ Дельвигу. Что ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однакожъ отдалъ Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

---

269. **Ему же.** Москва, 20 января. — Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга: Дельвигъ умеръ гнилою го-

---

[1]) Въ подмосковное село Остафьево, гдѣ князь проводилъ зиму 1831

[2]) Николая Борисовича. Посланіе къ нему Пушкина см. II, 91.

[3]) Василье Львовичѣ

рячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову [1]); онъ, вѣроятно, уже все знаетъ. Оставь Адольфа [2]) у меня — на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго рода не имѣетъ), житель или уроженецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арапъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными арапами.

Арапникъ, отъ польскаго herapnik (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff). NB. Harap vient de Heral.

А право, не худо бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

270. П. А. Плетневу. Москва, 21 января. — Что скажу тебѣ, мой милый! ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.

[1]) Тесть Дельвига.

[2]) Романъ Бенжамена Констана, переведенный кн. Вяземскимъ и посвященный имъ Пушкину. См. Соч. Вяз., X

271. Кн. П. А. Вяземскому (карандашемъ, на клочкѣ бумаги). Москва, конецъ января. — Къ тебѣ собираюсь. Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. Сѣв. Цвѣты еще не получилъ. Борисъ Годуновъ здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

---

272. П. А. Плетневу. Москва, 31 января. — Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ [1]) остальныя 4000 р. — и тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами — но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову [2]). Онъ былъ искренно къ нему привязанъ — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго — съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ [3]). Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. — Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій [4]) въ Петербургѣ, — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи [5]) въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречъ отказался. — Какъ можно чер-

---

[1]) Женѣ барона Дельвига. У нея Пушкинъ купилъ свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу бар. Дельвига.—*П. II*

[2]) Литераторъ существовавшій только участіемъ въ изданіи Сѣв. Цвѣтовъ и Лит. Газеты.—*П. II*

[3]) Стихъ Шиллера изъ Графа Габсбургскаго, перев. Жуковскаго

[4]) Василій Туманскій, литераторъ.—*П. II*

[5]) На смерть бар. Дельвига.—*П. II*

тить миѳологическое надгробіе въ н. . . . .ѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г—чистомъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St.-Florent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ нимъ за меня — я, помнится, долженъ ему около 1000 р. Извини меня передъ нимъ — я было совсѣмъ о немъ забылъ.

Что вдова?

---

273. М. П. Погодину. Москва, февраль. — Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Нікодіму Надоумкѣ, приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?) Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка. — Выдавайте жъ Марѳу.

---

274. Н. И. Кривцову. Москва, 10 февраля. — Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе [1]). Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? [2]) Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги [3]), а я женатъ, или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ въ

---

[1]) Бориса Годунова

[2]) Кривцовъ въ это время вышелъ въ отставку и поселился у себя въ деревнѣ.

[3]) Ногу онъ потерялъ въ Кульмскомъ сраженіи.

дить въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью.

У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

10 февраля 1831

275. П. А. Плетневу. Москва, 16 февраля. — Черезъ нѣсколько дней я женюсь, и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р. и вотъ имъ распредѣленіе: 11,000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя — а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ — я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нея каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Александровичу [1]), что она здорова. Кто правъ? Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна [2]). Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ &c. —

276. А. Н. Гончарову. Москва, 24 февраля. — Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ! Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благо-

[1]) Салтыкову, ея отцу

[2]) Въ Лит. Газетѣ См. Соч. Плетнева, I, 213

расположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ [1]) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь насчетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположен...

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ *Александръ Пушкинъ.*

[illegible]

Приписка Натальи Николаевны: Любезный дѣдушка! Имѣю счасті... извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы по прежнему станетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть навсегда покорная внучка Наталья Пу...

277. П. А. Плетневу. Москва, 24 февраля. — Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ Петербургѣ гриппъ: боюсь за твою дочку. На всякій случай, жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и счастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось; лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вамъ визитную карточку — жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Степанидѣ Александровнѣ [2]).

Прости, мой другъ. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича [3]). Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по-царски. Addio.

[Приписка сбоку:] Будьте жъ всѣ здоровы

[1]) Старшій братъ Натальи Николаевн...

[2]) Первая жена Плетнева, урожд. Раевска...

[3]) Въ члены Главнаго Правленія Училищъ.

278. Н. И. Хмѣльницкому. Москва, 6 марта. — М. Г. Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ [1]).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

6 марта 1831. М[illegible]

Давъ оффиціальный отвѣтъ на оффиціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ.

[Помѣта Хмѣльницкаго: 13 марта.]

279. П. А. Плетневу. Москва, 26 марта. — Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало ли вновь тебѣ отъ ген.-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго! Не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься, да понапрасну друзей своихъ пугаешь? Покамѣстъ вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, [illegible] домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны. — и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой

[1]) Въ 1830 г., по мысли знаменитаго гр. Н. С. Мордвинова, министерство [illegible]натор амъ приступить къ [illegible]ныхъ библіотекъ. Хмѣльницкій, бывшій въ то время губернаторомъ въ С[illegible]ленскѣ, немедленно на собственныя средства и вызванныя пожертвованія устр[illegible]илъ тамъ библіотеку, и отнесся съ просьбою къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ того времени, въ томъ числѣ и къ Пушкину, о п[illegible]чиненій.

отправляюсь въ Петербургъ. Знаешь ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень, такимъ образомъ, провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домà, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также — Петербургъ подъ бокомъ — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара [1]) я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей нанялъ я въ память своей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей [2]). Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно самъ за нимъ пріѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ Маровой Посадницей [3]). Если такъ, то пусть же вы[illegible]почетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ о[illegible]стоятельствахъ скажу тебѣ, что, благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р., я женился и обзавелся

[1]) Французскій книгопродав[illegible].

[2]) Рѣчь идетъ о фрейлинѣ Александрѣ Осиповнѣ Россетти, которую кн. П. А. Вяземскій изобразилъ въ четверостишіи, напечатанномъ въ Сѣв. Цв. на 1831 [illegible]

[illegible]расою смуглаго румян[illegible]
[illegible]мотрите, какъ она южна
Она желтѣе померанца
[illegible]вѣе ласточки она

[illegible]

[3]) [illegible]

кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію оттого, что ихъ дѣла разстроены, частію и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь,—ибо женка моя прелесть не по одной наружности,—и не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. Итакъ до свиданія, мой милый.

280. Л. С. Пушкину. Москва, 6 апрѣля. — Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бенкендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ, Харьковской губ Оставить до востребованія.—Чужою рукою: «Въ Изюмъ». Печать почтамта Москва. 1831 апрѣля 8.]

281. П. А. Плетневу. Москва, 11 апрѣля. — Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и Петербургъ малымъ чѣмъ лучше: но я, какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго — и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ Жизнь Ф.-Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ [1]) приплылъ

[1]) Романъ Булгарина: «И. И. Выжигинъ»

и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ [1]) — прелесть!

Христосъ воскресъ!

282. Ему же. Москва, въ апрѣлѣ. — Ты правъ, любимецъ музъ — должно быть аккуратнымъ, хотя это и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. Итакъ, вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю [2]) слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ [3]). Отлагаю чтеніе до Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ разумѣется лучше — но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище. А нужна кухня, да сарай Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе же! И тотчасъ давай намъ и знать: что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать; а мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что непривыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И

[1]) Въ письмѣ къ Пушкину отъ 22 февраля (Соч. III, 365) Плетневъ сообщаетъ, что изъ портфеля Дельвига кто-то укралъ ломбардныхъ билетовъ на 54 тысячи.

[2]) Молодой стихотворецъ, вышедшій изъ Царскосельскаго лицея въ 1829 году. — *П. П.*

[3]) Плетневъ рекомендовалъ Гоголя Пушкину въ письмѣ отъ 22 февраля (Соч. III [illegible]

такъ былое съ нимъ сбывается опять [1]). Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненія? Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо, и вижу, что я неокуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира?

Отвѣты

1) На какой бы то ни было улицѣ Царскосельской.

2) До января, и потому квартира должна быть теплая.

3) Былъ бы особый кабинетъ,—а прочее мнѣ все равно.

Засимъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

283. П. В. Нащокину. Петербургъ, въ маѣ.—Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ [2]) сейчасъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправлю тебѣ 2000 р. для Горчакова [3]); не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ переписусь. Что ты дѣлаешь, душка? Что твоя хозяйка? Что Марья Ивановна [4]), спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не сумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

[1]) [illegible] стиховъ Жуковскаго.—*П. П.*

[2]) Александръ Юрьевичъ—былъ женихомъ одной изъ свояченицъ Пушкина.

[3]) Владиміръ Петровичъ—Киш[illegible]скій знакомецъ.

[4]) Экономка, жившая у Пушкина въ Москвѣ послѣ его свадьбы; далѣе подъ «домомъ» Пушкинъ подразумѣваетъ оставленную имъ квартиру въ Москвѣ, на Арбатѣ.

284. Ему же. Петербургъ, въ маѣ.— Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ: онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

285. Ему же. Царское Село, 1 іюня.— Вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской [1]), и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка [2]) его не надулъ — смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны [3]), и увезъ бы тебя въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерпъ, и пр.—Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другого. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

---

[1]) Она была родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина, родившейся во Франціи. Третья сестра, Софья, была за гр. де-Местромъ.

[2]) Аѳанасій Николаевичъ Гончаровъ.

[3]) Цыганка, жившая у Нащокина. Объ отношеніяхъ къ ней и вообще о Нащокинѣ см. интересныя воспоминанія Н. И. Куликова: «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ». (Р. Старина 1880—1881).

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ нибудь вмѣшался [1]). Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

[На конвертѣ: получено іюня 6.]

---

286. Ему же. Царское Село, 11 іюня. — Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй [2]), съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы—и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили [3]). Ужасно, но надѣюсь, неправда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантины? Экій годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

11 іюня 1831 г. Царское Село.

---

287. Ему же. Царское Село, въ іюнѣ.—Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на оное; на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ [4]) я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, ка-

[1]) Разборъ «Странника» и «Бѣглеца», въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 30.

[2]) Извѣстный писатель Николай Филипповичъ. Объ игрѣ его съ Нащокинымъ см. у Н. Н. Куликова, Р. Стар. 1880, № 12, с. 992.

[3]) Матвѣй Евграфовичъ — виленскій генералъ-губернаторъ; слухъ былъ ложный.

[4]) Доставлявшимъ вещи изъ Москвы въ Царское Село.

кое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ же когда нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Царское Село оцѣплено — такъ, какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и тёща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ (Поливановъ)? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ досыта. Воображаю его въ «Заводахъ» en tête à tete съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко-накрѣпко заключенныхъ. Что, Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

(На конвертѣ: получено іюня 2(

288. Ему же. Царское Село, 26 іюня. — Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ, равнодушныхъ москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть; отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута [1]). Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій? [2]) Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря

[1]) Ср. письмо Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской, отъ 5 (17) іюля 1831 (Соч. его, изд. 1878, V, 484).

[2]) Московскій карточный игрокъ, которому Пушкинъ остался долженъ по игрѣ. Кстати укажемъ на цѣлое дѣло о карточномъ долгѣ Пушкина, напечатанное въ Р. Старинѣ 1878, № 7, стр. 498—502.

на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ, на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ горя? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа [1]). Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру [2]). Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи [3]). Кланяюсь и Андрею Петровичу [4]). Пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Матренѣ Сергѣевнѣ [5]) и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шелка. Все холера виновата.

289. Н. И. Гончаровой. Царское Село, 26 іюня. — Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ,

[1]) Т. е. портрета, писаннаго Кипренскимъ.

[2]) Ѳедоръ Даниловичъ, московскій врачъ.

[3]) Къ чину.

[4]) Есауловъ, музыкантъ, незаконнорожденный сынъ Есаулова; собственн[ая] его фамилія была Петровъ. Онъ написалъ музыку на слова Пушкина: «Разставаніе» (II. 105).

[5]) Московскія цыганки.

какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что̀ предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталіи; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что̀ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — *Александръ Пушкинъ*.

Царское Село, 26 іюня 1831

[Оригиналъ — по-французски.]

290. М. П. Погодину. Царское Село, въ іюнѣ. — Сердечно благодарю васъ и за письмо, и за старую Статистику [1]. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено, оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ, Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ самый неаккуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не

[1]) Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства, и пр. Собрано трудами Ивана Кирилова, издалъ М. Погодинъ. М. 1831. 4°.

поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Холера и смерть цесаревича насъ совершенно смутила. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно..., ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полевого.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

291. П. А. Осиповой. Царское Село, 29 іюня. — Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux [1]).

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади.» Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute s'est apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui jusqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse

[1]) Евпр. Ник. Вульфъ выходила замужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго.

et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites vous, madame, des mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille: agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

[illegible] Sélo 29 Juin 1831.

292. П. А. Плетневу. Царское Село, 3 іюля. — Скажи мнѣ, [illegible], живъ ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что [illegible]? [illegible] Господи Іисусе Христе!

[illegible] Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ [illegible], не смотря на карантины.

[illegible]? Я живъ и здоровъ.

[illegible]

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

293. П. Я. Чаадаеву. Царское Село, 6 іюля. — Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations, commencées jadis a Sarsko-Selo et si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive à Pétersbourg: le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnait. Les gazettes s'épuisent en semonces [illegible]ureusement le peuple ne sait pas lire, [illegible] prêtes à se renouveler. Nous sommes [illegible] Pavlovsky et nous n'avons aucune com[illegible]. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudoff,

ni Bélizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez vous à Nécropolis? [1]) Laissez-le moi encore quelque temps. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, et à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont donc obscures, et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note ou bien d'en faire un extrait. J'étais prêt a vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait réflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence et ce laisser aller. Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du vrai Dieu, de l'art antique, du protestantisme, est admirable de force, de verité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout-à-fait nouvelle, je ne puis toujours être de votre avis; par exemple, je ne conçois par votre aversion pour Marc-Aurèle, ni votre prédilection pour David (dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui). Je ne vois pas pourquoi la peinture forte et naïve du polythéisme vous indignerait dans Homère. Outre son mérite poétique, c'est encore d'après votre propre aveu un grand monument historique. Ce que l'Iliade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité chrétienne dans le catholicisme, c'est-à-dire dans le pape. N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protestantisme? L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Écrivez moi, mon ami, dussiez vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juillet. S. S

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Петру Яковлевичу Чадаеву. Въ Москвѣ. На Дмитровкѣ, въ домѣ Рѣшетник...]

294. **П. А. Плетневу.** Царское Село, 16 іюля. — Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера т... сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца [2]). Зная

[1]) Такъ Чаадаевъ назвалъ Москву въ своемъ извѣстномъ «философическомъ» письмѣ, о которомъ и говоритъ Пушкинъ далѣе.

[2]) Онъ говоритъ здѣсь о смерти статсъ-секретаря Молчанова, самаго ... горасположеннаго ко мнѣ человѣка, который и Пушкина любилъ чрезвычайно. *П. П.*—Молчановъ былъ нѣкогда, въ эпоху силы графа Н. И. Салтыкова, упра

твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ. По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Но кажется, зараза теряетъ свою силу и въ Петербургѣ. Мы, уже обстрѣлянные въ Москвѣ и Нижнемъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однакожъ, кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьѣ своемъ и своихъ.

295. **П. А. Плетневу.** Царское Село, въ іюлѣ. — Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Жуковскаго, что тебя сюда не будетъ. Но — такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Жуковскій отсовѣтовалъ, говоря: онъ живъ, — чего жъ вамъ больше? Однако, она поручила было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга[1]) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля; получилъ ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000, и вотъ какимъ образомъ:

2000 экз. по 6 р. = 12.000.
1000 за печать.
1000 процентовъ,
итого 10.000.

Что же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуков-

вляющимъ дѣлами Комитета министровъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ отставкѣ, потерявъ зрѣніе.

[1]) Геслингъ, Николай Николаевичъ, одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, кончившихъ курсъ въ 1826 г.

скій дастъ свою гекзаметрическую сказку [1]). Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бъ ты собрался, да написалъ что нибудь о Дельвигѣ, — то-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно: чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина, — кстати ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись, — а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христосъ съ вами.

296. А. Х. Бенкендорфу (черновое). Царское Село, въ іюлѣ. Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ Лицея), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассессора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало........

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ) — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся бы я за редак-

[1]) Сказку о царѣ Берендеѣ.

цію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

Еще раньше, при жизни Дельвига, Пушкинъ обращался къ Бенкендорфу [illegible]ъ просьбою о разрѣшеніи ему и Дельвигу издавать политическую газету. Приводимъ эту просьбу въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ черн[illegible]ыхъ тетрадяхъ поэта.

Десять лѣтъ [illegible] литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. [illegible] въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отра[illegible]ги: читателей еще было мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ [illegible]никовъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ [illegible]рговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы [illegible].

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно [illegible]бственности литературной. За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. [illegible] ставляетъ она видъ частной промышленности, покрови[illegible]конами.

Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для [illegible].

[illegible] Зачеркнуто: «Литераторы во время царствованія покойнаго импера[illegible] были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной [illegible] рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный [illegible] насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отча[illegible]ти изъ великодушія (къ несчастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать), отчасти — изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ по[illegible]слѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя я имѣлъ на все сосл[illegible] литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неи[illegible]римое неравенство средствъ.»

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литератора[illegible] 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на ч[illegible] [illegible]енно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о новопышедш[illegible] книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или [illegible] пристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературные, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500 — слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

Такимъ образомъ и слѣдуетъ, что политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000, между тѣмъ какъ чисто литературныя едва ли окупаютъ издержки изданія.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, к[illegible] дятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣвер[illegible] П[illegible] ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха в[illegible].

[illegible]становленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходим[illegible] [illegible]редства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы. Въ семъ-то [illegible]ніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія загра[illegible]ныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или мною.

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, а въ этомъ издатели священною обязанностью полагаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей [illegible]скаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть оста[illegible] цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство были бы съ ихъ стороны столь же [illegible] неблагодарны.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился набросокъ программы предположен[illegible]й имъ газеты и замѣтки объ ея изданіи:

Что есть журналъ европейскій. Что [illegible]ъ русскій. Нынѣшніе рус[illegible] журналы. Каковъ можетъ быть русскій [illegible]рналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія. Политич. полемика.

П[illegible] мнѣній правительства. Внутреннія происше[illegible] правительства. Матеріалы отъ правительства. Кор[illegible]...

[illegible]. Внѣшняя литература. Лучшія статьи изъ жу[illegible]аловъ. Критика ин[illegible]ранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор. матер[illegible] [illegible]кущая литература. Fe[illegible]illeton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

П[illegible]

Журналъ мой предлагаю правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Официал[illegible].

Контора подъ вѣдом. редактора. Подписка въ экспедиціяхъ и въ почтамтѣ. Разсылка по домамъ.

Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающихъ денегъ; 3) Книга прихода и расхода (Grossbuch); 4) Отдѣльный счетъ съ бумагой; 5) Книги съ разпощ. жалобъ; 6) Сотрудники; 7) Покупки

Исполнитель.

16 сентября 1832 года Пушкинъ далъ довѣренность титулярному совѣтнику Наркизу Ив. Тарасенко-Отрѣшкову на принятіе званія редактора политической и литературной газеты, ему дозволенной, съ правомъ заготовлять бумагу, завести собственную типографію на два станка, нанять квартиру для редакціи и для этого занять 2000 р.; а съ 1-го октября Бенкендорфъ извѣстилъ жену поэта, что готовъ принять въ редакторы Отрѣшкова; но на другой же день д. с. с. Мордвиновъ сообщилъ самому Пушкину, чтобы онъ не приступалъ къ изданію до возвращенія Бенкендорфа изъ Ревеля и до представленія государю образцовъ газеты. Къ числу этихъ образцовъ, вѣроятно, принадлежалъ и листокъ съ схематическимъ изображеніемъ плана газеты, набросанный рукою Пушкина:

1 января 1833 г. ДНЕВНИКЪ Понедѣльникъ.

Подписка при- Контора

Внутреннія из

Новости заграничныя.

Около того же времени Пушкинъ писалъ кому-то изъ своихъ московскихъ друзей (какъ предполагаетъ г. Анненковъ), — въ отвѣтъ на ихъ запросы о программѣ будущаго изданія:

«Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St.-Pétersbourg, безъ правительственныхъ примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли; внутреннія извѣстія о дождяхъ и объ урожаѣ etc. Разныя извѣстія — курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и проч. — Литературная часть

критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобо-помѣщаемыя на двухъ столбцахъ,— и выдетъ газета немного хуже Сѣверной Пчелы. Вотъ вамъ и программа. Шутки въ сторону; отъ моей газеты я многаго не ожидаю: часть политическая будетъ оффиціально ничтожна, литературная — существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещи, которая никого не интересуетъ, начиная съ литератора? Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ угождать публикѣ восхищеніями, пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого — было бы слишкомъ низко. Стиховъ печатать въ ней не буду: и Богъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой, — на то проза-мякина...» [Рук. Рум. Музея. Ср. Анненкова, Воспоминанія и крит. очерки, Спб. 1881, III, 257 и слѣд.; ст. Ѳ. А. Бычкова: «Неосуществившаяся газета Пушкина», въ Истор. Вѣстн. 1886, № 2, стр. 387 — 391.]

297. М. Л. Яковлеву. Царское Село, 19 іюля.— Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, сдѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Михайловнѣ [1]), и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что̀ Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. На дняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть, современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву [2]). Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свиданія. *А. П.*

[На конвертѣ: «Его высокобл., м. г. Михайлѣ Лукьяновичу Яковлеву, въ Спбгъ, во 2-е отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи». Штемпель: Царское Село. 20 іюля 1831.

[1]) Вдова Дельвига

[2]) Вѣроятно, говорится о стихотвореніи: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный» [V, 328). Изъ пьесъ же Кюхельбекера въ печати явилась только одна мистерія «Ижорскій».

298. П. В. Нащокину. Царское Село, 21 іюля. — Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ [1]); но это дѣло несбыточное: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ, противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лѣкарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! [2]) Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около — такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ то критическомъ разговорѣ [3]), котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны, я отступился; возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны. . . . . ; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. — Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ, у Плетнева или у Смирдина.

---

[1]) Кн. Ник. Бор. Юсуповъ умеръ отъ холеры 15 іюля 1831 года.

[2]) Рѣчь къ народу на Сѣнной площади.

[3]) «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненія Александра Пушкина, разговоръ». М. 1831, 16 стр. — Очень рѣдкая брошюра. Разговоръ происходитъ между «помѣщикомъ, проѣзжающимъ изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ» и «вольнопрактикующимъ въ ономъ учителемъ русской словесности». Помѣченъ: «15 апрѣля 1831 г. Изъ Астрахани».

Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу ли, что мнѣ слѣдуетъ къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ[1]) не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

299. П. А. Плетневу. Царское Село, 22 іюля. — Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, — одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь, мой внукъ по Лицею и кажется добрый малый; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячъ моего жалованья; напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ. Кстати, скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ. Когда жъ мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта мнѣ хо-

[1]) Извѣстный карточный игрокъ въ Москвѣ. См. п. 289.

лера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ [1]). — авось, смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

---

300. **П. В. Нащокину.** Царское Село, 29 іюля. — Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что и дешевле, и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича [2]). О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

[illegible]

---

301. **П. А. Осиповой.** Царское Село, 29 іюля. — Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur — prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu: mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'Olga, la q u a r a n t a i n e etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorod dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les médicins ont été massacrés avec un raffinement d'atrocité. L'Empereur y est allé, et a

---

[1]) Извѣстіе о смерти гр. Д. И. Хвостова оказалось ложнымъ: онъ умеръ 22 октября 1835 г.

[2]) Ср. замѣтки изъ записной книжки, V, 183—184.

apaisé l'émeute avec un courage et un sangfroid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutés à sa présence[1]). Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ.» Si cette vérité était connue avant, nous eussions évité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes interêts et mes projets. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu, je tiens à être votre voisin et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qu'il paraît, vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma considération. Je salue toute votre famille.

29 Juillet. Zarskoé Sélo.

[Адресъ: Ея Высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Опочкѣ, въ селѣ Тригорскомъ.

302. Н. М. Коншину[2]). Царское Село, лѣтомъ. — Собака нашлась, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ, говоря: мало; по мнѣ, и онъ, и собака того не стоятъ, но жена моя другого мнѣнія. Здоровы ли вы и скоро ль увидимся? *А. П.*

[Адресъ: Николаю Михайловичу Коншину.]

303. П. В. Нащокину. Царское Село, 3 августа. — Отецъ и благодѣтель! На дняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно: да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько дол-

[1]) Ср. V, 184.
[2]) Одинъ изъ посредственныхъ писателей и стихотворцевъ 20—30 годовъ.

женъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корнилiонъ Пинскій? [1]) Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что̀ твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловска[illegible] романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за [illegible]имѣніемъ живописца. Засимъ прощенія просимъ

[illegible]

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ [illegible]латятъ въ ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренности ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

304. П. А. Плетневу. Царское Село, 3 августа.—Получилъ [illegible] любезный Плетневъ, и письмо, и 1500. Ты умно дѣлаешь, что [illegible] мирно въ своей норѣ и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною Петербургѣ. Не холера опасна, опасно [illegible]асеніе, моральное состояніе, уныніе, долженствующее овладѣть [illegible] [illegible]твомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю, вѣроятно, прекратится; но Царское Село будетъ еще долго окружено карантинами; итакъ, свиданіе наше еще далеко. Что жъ Цвѣты? Ей-богу, не знаю, что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія?

Кстати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Кстати: не умеръ ли Бестужевъ-Рюминъ? Говорятъ холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ [illegible] что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова «Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?» — Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хв[illegible]

---

[1]) [illegible]

стовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россетти вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

305. **А. Ѳ. Воейкову.** Царское Село, между 21 — 25 августа.— Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу [1]). Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

Ср. критическія замѣтки въ т. V, 110 и сл. — По поводу того же ... приличія въ литературѣ, Пушкинъ писалъ кому-то около этого врем...

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпр... вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, кото... руживаетъ она касательно критики ...

Во-первыхъ, что значатъ вѣчные толки о вѣжливости? ... тики нашихъ журналовъ погрѣшали единою своею грубостію, то бѣда была ... не небольшая ..

Вы поминутно говорите о приличіи журнала: по поз...

[illegible]

гить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія, погрѣшала бы противу правилъ приличія. Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,— очень хорошо; но, гуляя въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника, — вы не скажете ему: mille pardons. Вы зовете извощика и говорите ему: «пошелъ въ Коломну», а не «сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну.» Разница — критиковать Исторію Государства Россійскаго и, напримѣръ, ***.

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ подаетъ голосъ, и то не за себя. Обыкновеніе, вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика etc...

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ,—изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло.

Вы совѣтуете...]

306. П. А. Плетневу. Царское Село, до 25 августа.—Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ. — Правила, коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив — ъ. Тоже и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ Смотритель назвать гусара Минскимъ, и симъ именемъ замѣнить вездѣ ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ, чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю, что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здоровы.— — Прощай, мой ангелъ.

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ — на особенномъ листѣ (ради ширины) [1]).

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ пріискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Полярной Звѣздѣ [2]): У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

307. Н. В. Гоголю. Царское Село, 25 августа.— Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ [3]). Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась [4]). Не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича? — Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другого — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца [5]). У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна [6]) благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено. *А. П.*

Въ письмѣ отъ 21 авг. 1831 Гоголь предлагалъ написать эстетич [illegible] ученый разборъ романовъ: «И. И. Выжигинъ» (Булгарина) и «Сокол [illegible] соколъ, да курица съѣла» (Орлова), при чемъ Булгарина сравнить съ Байрономъ (Р. Арх. 1880, II, 510).

[1]) Между этою строкою и заключеніемъ письма вырѣзанъ большой клочекъ бумаги.

[2]) На 1824 годъ.

[4]) «Торжество дружбы» и пр. напечат. въ 13-й книжкѣ Телескопа [illegible] (V. 171).

[5]) Н. А. Полевой, издававшій тогда М. Телеграфъ.

[6]) Въ письмѣ Гоголя отъ 21 августа, жена Пушкина названа Надеждою.

308. П. В. Нащокину. Царское Село, 3 сентября.—Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена [illegible]. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Г[illegible]горьевичъ; вслѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за коимъ блохи другого рода). Въ тотъ же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать [illegible] томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но, можетъ быть, все къ лучшем[illegible] я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата—плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ; ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, ni temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только; а все [illegible] нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый [illegible]пляръ перешлю тебѣ [1]). Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

[illegible]

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

[1]) Повѣсти И. П. Бѣлкина

309. А. О. Смирновой. Царское Село, въ августѣ. — La comtesse Lambert m'ayant annoncé la première la prise de Varsovie, il est juste qu'elle reçoive le premier exemplaire; le second est pour vous[1].

От вас узналъ я плѣнъ Варшавы.
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai.

---

310. П. В. Нащокину. Царское Село, 7 октября.—Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ: это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стòитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальныя 5 заплачу я въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Козачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. — Весь твой *Пушкинъ*.

Царское Село, 7 окт. 1831.

311. С. С. Уварову. Петербургъ, 21 октября. — М. Г. Сергѣй Семеновичъ. Князь Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца

[1] Пушкинъ прислалъ при этой запискѣ два экземпляра только что вышедшей брошюры: «Три стихотворенія на взятіе Варшавы», см. II, 130.

васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр. [1])

[Адресъ: Его Превосходительству, милостивому государю Сергѣю Семеновичу Уварову, въ Москвѣ.]

---

312. П. В. Нащокину. Петербургъ, 24 октября. — Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. брилліанты [2]) жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Семена Ѳедоровича [3]). Дѣдушка... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 [4]) и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата — въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ м[illegible] образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго — журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ, обнимаю тебя отъ сердца.

[illegible]

[На конвертѣ: 1831. 24 октя[illegible].]

---

[1]) Уваровъ перевелъ на французскій яз. стихотвореніе: «Клеветникамъ Россіи.»

[2]) [illegible]кенные брилліанты и изумруды, которые теща Пушкина предоставила ему съ женой съ тѣмъ, чтобы они ихъ выкуп[illegible].

[3]) Крѣпостной человѣкъ Гончаровой, откупившійся послѣ и имѣвшій большое вліяніе н[illegible].

[4]) Занятыхъ у Пушкина на расходы по свадьб[illegible].

313. Н. М. Языкову. Петербургъ, 18 ноября. — Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительны; тысяча, пробитая вами (?) очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны. Торопите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ, стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ; а вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? — друзья его! ей-богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною. Онъ говоритъ:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль—

и проч., въ томъ же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ, все у насъ благополучно.

---

314. Н. Н. Пушкиной. Москва, 6 декабря. . . . . . .
. . . . [1].

Сегодня мочи нѣтъ, усталъ. — Цѣлую тебя, женка, мой ангелъ. 6 дек.

[На конвертѣ: М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.—Почтовый штемпель: Москва, 7 декабря.]

---

[1]) Выѣхавъ изъ Петербурга по личнымъ дѣламъ, Пушкинъ, очевидно, далъ слово женѣ извѣстить ее хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о своемъ прибытіи въ Москву — что̀ и исполнилъ. Записка написана карандашомъ, и первыя ея двѣ строки отрѣзаны въ оригиналѣ. Эта записка имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ одно значеніе точнаго указанія дня, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву.

315. Ей же. Москва, 8 декабря.—Здравствуй, женка, мой ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четвероместную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу пріятнымъ разговоромъ, напримѣръ, по-нѣмецки разсказывалъ ему Ivan Wijiguin (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все ... останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою коммиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разспрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе, вѣроятно, не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ бриллiантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстати: я кошелекъ обратилъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ именинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго.

Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ ли твой портретъ? была ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. Засимъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.

316. Ей же. Москва, 10 декабря. — Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать. — Христосъ съ тобой.

10 декабря

317. Ей же. Москва, 15 декабря. — Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ истратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по

моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ — эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ. Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной — afin de faire maison nette; все это очень досадно. — Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю такъ, что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю, какъ бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя. — Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сдѣлала, что отослала, — дѣло не о чинѣ, а все-таки нужное. — Жду его. — На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго — и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ — о своемъ здоровьѣ. На хоры не ѣзди — это мѣсто не для тебя.

318. Ей же. Москва, 16 декабря. — Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди, выкинешь... Зачѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ, кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду. — Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ.

Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его — такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ, денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ, — время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко — званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова — не женатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ. — Тоска, мой ангелъ — до свиданія.

16 дек.

1832.

319. П. В. Нащокину. Петербургъ, 5 января.— Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ: все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой опекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю [1]). Что Рахмановъ и что мои алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего, впрочемъ, бояться нечего). Жену мою нашелъ я здоровую, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г—ремъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабёнку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. Sur ce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

5 января 1832 г.

[1]) О вѣрѣ Пушкина въ примѣты см. ст. С. А. Соболевскаго: «Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина», Рус. Арх. 1870, стр. 1377—1388.

320. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 7 января.—Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры [1]). Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

---

321. А. А. Орлову. Петербургъ, 24 ноября 1831—9 января 1832.—М. Г. Александръ Анеимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность [2]). Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаоу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего «**Выжигина**» есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анеимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня внереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. **Косичкинъ** заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ «Молвѣ» [3]) объявленіе о намѣреніи вашемъ писать «Исторію русскаго народа»: можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ *А. Пушкинъ.*

24-го ноября 1831. [illegible]

[1]) Бенкендорфъ спрашивалъ, почему Пушкинъ «нарушилъ данное имъ слово» и напечаталъ стихотвореніе «Анчаръ» безъ предварительнаго просмотра его государемъ.

[2]) Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Орлова, благодарившаго его за статьи въ «Телескопѣ» 1831 г. «Торжество дружбы» и «О мизинцѣ Булгарина» (V, 171).

[3]) «Молва» издавалась въ видѣ еженедѣльнаго приложенія къ «Телескопу» Надеждина. «Исто[illegible] русскаго народа» тогда издавалъ Полевой, и объявленіе о таковой же Орлова было помѣщено Надеждинымъ на смѣхъ.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Анеимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Лугового — мое дѣло сторона. *А. П.*

1832. 9-го Янв.

322. П. В. Нащокину. Петербургъ, 10 января.— 10 янв. Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣстъ 5,500 руб., на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.). Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ.—Весь твой.

---

323. П. А. Осиповой. Петербургъ, въ январѣ.—Recevez, madame, mes bien sincères remercîments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à-fait gâté.

Je vous envoye, madame, les «Сѣверные Цвѣты» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanac et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir débout; je souhaite que cela vous amuse un moment. Nous avons appris ici la grossese de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et

que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. *A. P.*

[Помѣта Осиповой: reçue le 14 de Janvier 1832.]

---

324. П. В. Нащокину. Петербургъ, 29 января.—Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ [1]) получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бъ ты былъ... [2]), то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа [3]); фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

[На конвертѣ: 29 января 1832.

---

325. И. И. Дмитріеву. Петербургъ, 14 февраля.— М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить,— драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риому, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите жъ долго, милостивый государь! Переживите наше

---

[1]) Крейцеръ, завѣдывавшій у Нащокина фабрикою.

[2]) Прорвано.

[3]) Чернильница, подаренная Нащокинымъ, который по этому случаю писалъ: «Посылаю тебѣ твоего предка съ чернильницами, которыя открываются и открываютъ, что онъ былъ человѣкъ (à double vue).» Девятн. Вѣкъ, I

поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! [1]) Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

14 февраля С.П.Б.

---

326. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 24 февраля.—Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ [2]). Драгоцѣнный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

[При этомъ Пушкинъ просилъ еще дозволить разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловымъ, для составленія его исторіи Петра Великаго.]

327. П. В. Нащокину. Петербургъ, въ февралѣ.— Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О бриллiантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

---

[1]) Журналъ И. В. Кирѣевскаго «Европеецъ» подвергся запрещенію съ первой же книжки.

[2]) Какая это была книга — неизвѣстно.

328. М. П. Погодину. Петербургъ, 11 іюля. — Исполнивъ коммиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Мароа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ пелѣпой башкѣ моей.... Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое, вѣроятно, никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были уважать N., N., N.? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журна-

ловъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каково бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! [1]) Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля 1832.

---

329. Н. Н. Пушкиной. Москва, 22 сентября. Четвергъ. — Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ середу. Велосиферъ, по-русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дотащился въ Москву, обо...нную дождемъ и встревоженную пріѣздомъ двора. Теперь послушай, съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей-богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились, въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькій Іосифъ, вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ спошеніяхъ со своею Сарою. Онъ к..., и видитъ, что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь съ 20-го числа, и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ

---

[1]) Алекс. Александровичъ Шишковъ тогда издалъ «Избранный нѣмецкій театръ» (4 части. М. 1831). Фортунатъ, драматическая сказка Людвига Тика, въ 3-й части этого изданія

меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты, поскачу въ Петербургъ. Не можешь вообразить, какая тоска безъ тебя. Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится, ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на НенилуАнуфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій [1])? Ахъ, женка-душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

[На конвертѣ: — М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.— Штемпель: Москва, 22 сентября.]

---

330. Ей же. Москва, 25 сентября.—Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клобѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя — хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но зато не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской, въ приходѣ Вознесенія [2]). Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другого, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ? Твое

[1]) Докторъ.
[2]) Это — день свадьбы Пушкина.

намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякій день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не .... Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ, — мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣстъ прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ.

Воскресеніе.

Важное открытіе: Ипполитъ [1]) говоритъ по-французски.

331. Ей же. Москва, 27 сентября. — Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три. — Спасибо; жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. — Нехорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П.....а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Dide-

[1]) Камердинеръ Пушкина.

rot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasoff, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Ипполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта; а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога — Мухановъ прислалъ мнѣ разносщика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цѣлую ручку у К. Ив. Не забудь —.

---

332. Ей же. Москва, 30 сентября. — Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать П.....а. Просидѣла бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разсчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не к... ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc., etc.—Знаешь русскую пѣсню

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ [1]).

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ. — Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы,

[1]) Ср. I, 372.

какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія [1]). Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкина (Владимиръ), Aurore, ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ теткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякій день. У него въ домикѣ былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣстъ, голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ [2]). Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

333. Ей же. Москва, 3 октября. — По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русскій человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньею, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ — а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другого дня. Видишь ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата 1) потому, что всякій вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка! — — Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счеты, доишь кор-

[1]) Профессоръ Каченовскій, прекратившій незадолго предъ тѣмъ изданіе «Вѣстника Европы», гдѣ онъ нападалъ на Пушкина. О посѣщеніи Пушкинымъ университета см. V, 259.

[2]) Наркизъ Ивановичъ Тарасенко-Отрѣшковъ, которому Пушкинъ далъ довѣренность на изданіе газеты. См. выше, стр. 280.

милицу — ай-да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. Насилу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ [1]) здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда [2]). Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскіе ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда головы приклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки, причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловейкѣ. Москва ожидаетъ царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя и Машу. Прощай, душа моя, — Христосъ съ тобою.

334. П. А. Осиповой. Петербургъ, въ октябрѣ. — M-r Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême: j'en aurai bientôt un на Фурштатской, въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux — vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et

[1]) Гончаровъ.

[2]) Николай Аѳанасьевичъ Гончаровъ, отецъ Натальи Николаевны, еще въ 1814 году, вслѣдствіе паденія съ лошади, подвергся умоповрежденію. См. восп. Бутенева въ Рус. Арх. 1881, II, 6, 17

toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été. c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu. madame. je vous salue bien tendrement vous et toute votre famill…

---

335. Графу Д. И. Хвостову. Петербургъ, въ октябрѣ.— М. Г. графъ Дмитрій Ивановичъ. Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху. *Александръ Пушки…*

Гр. Д. И. Хвостовъ, услышавъ, что стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ поэта подъ свою за…пту и написалъ ему длинное посланіе (Стихотворенія гр. Хвостова, Спб. 1834. …II, 92—102); когда же узналъ что Пушкинъ живетъ на Ф… …врическаго сада, то привѣтствовалъ его новымъ посланіемъ «Соловей въ Таврическомъ саду», которое оканчивалось сти…

Поитель музъ съ зарею …
Спѣши къ источникамъ ключей
…пай подслушать на Фурштатской
Поетъ гдѣ Пушкинъ-солов… .

Эти стихи были кѣмъ-то даже положены на музыку, и гр. Хвостовъ прислалъ ихъ женѣ поэта. Пушкинъ отвѣчалъ письмомъ, которое напечатано самимъ Хвостовымъ (Стих., VII, прим. 151) и перепечатано Е. Я. Колбасинымъ въ …татьѣ «Пѣвецъ Кубры, гр. Д. И. Хвостовъ» (Время 1862, № 6, стр. 140). П…линное письмо принадлежитъ теперь М. И. Семевскому.

336. П. В. Нащокину. Петербургъ, 20 октября.—Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳедоромъ Даниловичемъ (Шнейдеръ), отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ; осталь-

ной же долгъ получишь въ январѣ, какъ я ужъ распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ [1]), и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго [2]). Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго прострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой [3]). Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продалъ, но продамъ, во что бы ни стало [4]). Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера? [5]) Прощай, кланяюсь твоимъ,— цѣлую Павла [6]).

Въ Морской, въ домѣ Жадиміровскаго.

[На пакетѣ клеймо почтамта: 1832.]

---

[1]) Такъ назвалъ Пушкинъ своего Дубровскаго, написаннаго по разсказу Нащокина, который самъ видѣлъ въ острогѣ этого Островскаго, бѣлорусскаго дворянина, доведеннаго до нищеты богатымъ сосѣдомъ.

[2]) Дм. Вас. Короткой отлично зналъ производство тяжебныхъ дѣлъ.

[3]) По настоянію Пушкина, Нащокинъ набросалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства. (См. IV, 340).

[4]) Мѣдная статуя Екатерины, подаренная Пушкину дѣдомъ его жены. Пушкинъ продалъ ее за 3000 р. заводчику Берду и деньги были зачтены въ приданое Натальи Николаевны.

[5]) Передѣлка «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира для оперы А. П. Есаулова, въ которомъ Пушкинъ принималъ живое участіе. П. В. Анненковъ (Мат., 363) полагаетъ, что не смотря на либретто Вельтмана, Пушкинъ именно для Есаулова началъ свою «Русалку».

[6]) Сынъ Нащокина отъ цыганки.

337. Д. Н. Бантышъ-Каменскому. Петербургъ, 14 декабря.— М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе — познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣстъ прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

[illegible]

1833.

338. Графу А. И. Чернышеву. Петербургъ, 9 февраля.— Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

---

339. П. В. Нащокину. Петербургъ, 23 февраля.—Что̀, любезный Павелъ Воиновичъ? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ѳедору Даниловичу, справилъ ли остальную тысячу въ ломбардѣ, пришлешь ли мнѣ что нибудь? Коли ни что еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Моросейкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ него росписку. Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что̀ твои дѣла? Заглаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ [1]) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, за-

---

[1]) Ювелиръ, ростовщикъ.

ведемъ мельницу въ Тюфляхъ [1]), и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

(На конвертѣ: 23 февраля 18

350. М. П. Погодину. Петербургъ, 5 марта. По секрету.— Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники.— Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ, дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ — и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью — вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать, и я поспѣшу все здѣсь окончить. — Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

1833. 5 марта.

[1]) Въ Тюфелевой рощѣ подъ Симоновымъ, гдѣ у Нащокина была разорившая его фабрика.

341. Графу А. И. Чернышеву. Петербургъ, 8 марта.—Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть.... и пр.

342. П. А. Осиповой. Петербургъ, въ маѣ.—Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre aimable lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espêces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accommoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés, ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiétude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de juillet. Je voudrais bien être du voyage.

[Адресъ: Ея высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ. Помѣта: reçue le 20 de Mai 18[illegible]

343. А. А. Ананьину. Петербургъ, 26 іюля. — М. Г. Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія [illegible]стать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню, вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ, на Миллеровой [illegible].

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

[illegible]

[illegible]

344. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 30 іюля. — Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

[illegible] [о]трывокъ приведенъ г. Анненковымъ по чернов[illegible] (Рус. Стар. 1874, № 10) излагаетъ такъ: «Въ августѣ 1833 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ Дерптъ для свиданія съ г. Карамзин[illegible] на три въ свое имѣніе, въ Нижегородской губерніи, а также въ Оренбургъ и Казань [illegible] города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ большая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго, и что онъ надѣется окончить его въ уединеніи, въ [де]ревнѣ. При этомъ объяснилъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, [за]нимаясь одними историческими разысканіями, онъ не писалъ ни одной строчки чисто литературной; что романъ доставитъ ему деньги, въ которыхъ онъ нуждается; что хотя ему совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ ему способъ жить въ Петербургѣ; что кромѣ жалованья, опредѣленнаго ему щедростію государя императора, у него нѣтъ настоящаго дохода, тогда какъ жизнь въ столицѣ дорога, а съ умноженіемъ его семейства, умно-

жаются и его расходы.» Въ черновыхъ бумагахъ сохранилось нѣсколько строкъ, относящихся, повидимому, къ этому же письму: «Les circonstances m'obligent e aller bientôt passer deux on trois mois dans mes terres de Nijni-Novgorod. Je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg et Perm que je ne . . . . pas [illegible] Sa Majesté de me permettre de voir les archives d [illegible]

---

345. Н. Н. Пушкиной. Торжокъ, 21 августа.—Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту — Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веревка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную Рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались сдуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ [1]) — а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярапольца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о своей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь: не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Кланяюсь и цѣлую ручку съ Ермоловской нѣжностью Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко, и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

---

[1]) Имѣнье Гончаровыхъ.

346. Ей же. 24 августа. Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловска, между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разсказывалъ. Вчера, своротя на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу [1]), который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны, Рейхманъ, который поподчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такъ же ли ты хороша, какъ сказываютъ — и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополецъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Яропольцѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я встрѣтя ее (?) ахнула. А надобно тебѣ знать что m-lle Pojarsky — ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и нѣтъ ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась ли ты въ зеркало, и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ — а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя крѣпко.

---

[1]) Эгельстромъ

347. Ей же. Москва, 26 августа. — Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій — изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Яропольца. Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ и о Кат. Ив. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что дѣлается съ Дм. Ник. [1]). Онъ какъ владѣтельный принцъ влюбился въ гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ, онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ почи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse; Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой и выполнила комиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала на-отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому); для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ

[1]) Гончаровымъ.

отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью, и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ[1]) меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не обсчитывая товарища. 2) Не п...... ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казани буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

358. Ей же. Москва, 27 августа.—Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Кирѣевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣзавтра — прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ, за неимѣніемъ бальнаго платья и за небритіе усовъ, которые отращаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали — а умеръ

[1]) Старикъ Гончаровъ.

какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его, князь Петръ Долгорукой — получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ Англійскомъ клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ—чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Но мнѣ надоѣли мои старые знакомые. Никого не увижу. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Растопчинымъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги, взятыя мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цѣлую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

359. Ей же. Нижній, 2 сентября. — Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ счастія съ каретниками. Дорога хороша но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties. Ѣду на ярмарку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься — сердишься на меня — и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи?—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы — роскошь! такъ ли у васъ?

Гуляешь ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще взаперти? Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную [illegible]е къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. [illegible]цайте, дѣти, до Казани. Ц[illegible] вас равно крѣп[illegible]

350. Ей же. Нижній, 2 сентября.—Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиниться и [illegible]годарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которые очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него засталъ я его дочерей, и В.......скаго le c..., который ска[illegible] вамъ въ Петербургъ. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не поѣхалъ, жалѣя своихъ [illegible] [illegible]дalъ у Суденки, моего пріятеля, това[illegible]а холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть — но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой ангелъ, это впереди. [illegible] тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина, [illegible] вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пуншъ съ ананасами — пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго. — Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, pourquoi n'êtes vous pas venu me voir? — Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, qu'avez vous fait de mon manuscript petit-russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ — держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ, для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, [illegible] стерлядями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать ли тебѣ словечко, утерпитъ ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письм[illegible]казами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно п[illegible] дойти до сего рокового мѣста; ну, [illegible]

ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и нараспѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете.—Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну, это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали на 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у губернатора, ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярмарка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что не смотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни попало. Addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedrò?

351. Ей же. Казань, 8 сентября.—Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ. Здорова ли ты? здоровы ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже

два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій — вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно — теперь некогда. — Цѣлую тебя.

352. А. А. Фуксъ. Казань, 8 сентября. — Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностію посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

А. А. Фуксъ († 4 февр. 1853) написала въ это время стихи «На проѣздъ А. С. Пушкина черезъ Казань», напечатанные въ мѣстномъ журналѣ «Заволжскій Муравей» 1834, № 1. Ея воспоминанія о Пушкинѣ — въ Казанскихъ Губ. [illegible]

353. Н. Н. Пушкиной. Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября. — Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ — но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну, такъ и быть — дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой. — Я радъ, что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ Н.. Н... говорить нѣчего. Надѣюсь, что свадьба не разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцомъ и съ дядей-башмачникомъ дуэли, кажется, не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его — но ужъ, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и

ничего не написалъ. И сплю и вижу прiѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ — некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскiй написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и генiй. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и прiѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю [1]). Мужъ ея — умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленiи отъ ея генiя; однако онъ одолжилъ меня очень и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествiя.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ, и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ — благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату Сергѣю.

Пиши мнѣ въ Болдино.

354. Ей же. Симбирскъ, 14 сентября. — Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станцiи стали закладывать мнѣ лошадей — гляжу: нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станцiяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно — я заснулъ — просыпаюсь утромъ — что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора — лошади не взвезутъ — около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ — нако-

[1]) См. предыдущее письмо.

нецъ взъѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

353. Ей же. Оренбургъ, 19 сентября. — Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три — и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ — то есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой. — А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ — я и въ коляскѣ сочиняю; что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ м — ковскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня, да и только. Свѣтъ-то мой Ипполитъ! Кстати о хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мущинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ — я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья — и тебѣ, женка. Прощай, женка — не жди отъ меня ужъ писемъ, до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю — и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

356. Ей же. Болдино, 2 октября.— Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня — думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду — и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Недаромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ з—хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма — сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка — будь умна и здорова.

357. Ей же. Болдино, 8 октября.—Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять: въ Арзамасскомъ уѣздѣ; а то, чего добраго, въ Нижег. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай [illegible]. женка, не говори, что ты изкокетничалась; я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать — а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и У[illegible] мой сердечный поклонъ. Софьѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.........ъ умно дѣлаетъ, что женится на к. Х.....ой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты ли за 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго! Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни того, ни другого. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостію, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны

пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? . . . .
. . Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.

358. Ей же. Болдино, 11 октября. — Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое б....? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ ц—мъ, ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу — и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ — передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій — и ужъ начнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Говоритъ ли Маша? ходитъ ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю. — Прощай.

11 октября.

359. Ей же. Болдино, 21 октября. — Получилъ сегодня письмо твое отъ 4 окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что я не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю

уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С... — Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскіе. Княгинѣ Вяземской скажи, что напрасно она безпокоится о портретѣ Вигеля и что съ этой стороны честное мое поведеніе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; попеняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вьельгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что Жуковскій? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на Кат. Ник.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ альманахъ [1]). Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю — просьбы: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Пріѣду оживиться твоею молодостію, мой ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.— Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами. — Прощай, спать хочу.

21 октября. Б[illegible]

[1]) См. письмо Соболевскаго въ сборникѣ Бартенева «Пушкинъ», II, 112.

360. Ей же. Болдино, 30 октября.—Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: недаромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, ... бѣгаютъ . . . .

. . . . есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; . . . . .
Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а св[redacted] будутъ. Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой к.... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись.—Да, ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Деритъ. Кланяюсь ей, Мещерской,

Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами.— Благословляю и цѣлую васъ.

30 окт[illegible]

361. Кн. В. Ѳ. Одоевскому. Болдино, 30 октября. — Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ—распишусь; не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь — барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться![1]) Теперь донесу вашему сіятельству, что будучи въ С., видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Недурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобъ нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужъ какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка[2]). — Весь вашъ *А. Пушкинъ.*

[illegible]

[1]) Говорится объ альманахѣ: «Тройчатка, или альманахъ въ три этажа», который предполагали издавать подъ своими псевдонимами Одоевскій (Гомозѣйка), Гоголь (Рудый Панько) и Пушкинъ (Бѣлкинъ), при чемъ каждый бралъ себѣ особый «этажъ». Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо кн. Одоевскаго отъ 28-го сентября, посланное ему черезъ Соболевскаго. См. сборникъ Бартенева «Пушкинъ», II, [illegible]

[2]) [illegible] гда въ прiятел[illegible]комъ кружкѣ для означенія чего либо заслуживающаго особеннаго вниманi[illegible] Относится къ Ревизору. (Примѣчаніе кн. Одоевскаго).

362. Н. Н. Пушкиной. Болдино, 6 ноября.— Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ, и кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; к...., у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.— не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ [illegible]

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ же неспособенъ, какъ и къ военной, но у него, по крайней мѣрѣ, ... здоровая и на сѣдлѣ онъ все-таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, [illegible] -вропейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда нибудь да до него доберемся — тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши: занятіе пріятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ [illegible]била его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ Петербургъ.— При семъ письмо къ отцу — вѣроятно, уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стиховъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цѣлую Машку — и такъ далѣе до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

363. П. В. Нащокину. Петербургъ, 24 ноября.— Что, Павелъ Воиновичъ. [illegible] Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можн[illegible] надѣяться. Vous êtes eminemment un homme de passion — и в[illegible] страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ [1]) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, [illegible] какъ нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благопо[illegible]но. Леленька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ, т. е. молчаливъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью [illegible]нъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, [illegible] мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я ве-[illegible] въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать! Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ— и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались[illegible] но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ в[illegible] фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время [illegible]писку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевн[illegible] [illegible]тени[illegible].

364. И. И. Лажечникову (?). Петербургъ въ ноябрѣ (чер[illegible]новое).— Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная

---

[1]) Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (1786—1863), шуринъ кн. П. А. В[illegible]земскаго. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ Нащокинъ освободился отъ своей цыганки. Онъ оставилъ весь свой домъ въ Москвѣ и хорошую сумму [illegible]мъ уѣхалъ въ подмосковную кн. Трубецкихъ, обвѣнчался съ Вѣров[illegible]вной Нарской и поселился на нѣкоторое время въ Ту[illegible]

рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ, и пр.

---

365. И. И. Дмитріеву. Петербургъ, въ ноябрѣ (черновое).— М. Г. Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, м. г., вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

---

366. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 6 декабр[illegible]

[Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ [illegible] журнала «Библіотека для Чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ доз[illegible] ...ніе государя императора, можетъ согласиться и[illegible] ...учаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы [illegible] цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивалъ на то дозволенія; при этомъ прибав[illegible]

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволеніе представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, [illegible]бенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ [illegible]

---

367. Бар. М. А. Корфу. Петербургъ, въ декабрѣ.—Сейчасъ былъ у Смирдина и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. Бакунинъ можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту же цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души [1]).

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнилъ твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія [2]).—Весь твой *Александръ Пушкинъ*.

Пятница

[illegible]

368. П. В. Нащокину. Петербургъ, въ декабрѣ. — Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ) пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алешѣ (зачеркнуто и сверху написано: «Леленькѣ») не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова [3]), а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія — я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго

[1]) Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо б. Корфа, который просилъ доставит[illegible] работу Бакунину въ предположенной къ изданію съ 1834 г. «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина. См. сборникъ Бартенева «П[illegible]

[2]) Поздравленіе относилось къ рожденію сына Александ[illegible]

[3]) Кн. Дмитрій Ивановичъ, лицейскій товарищъ Пушкина

Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пугачевскаго бунта, то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный [1]). Съ Плетневымъ о Павлѣ [2]) еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину, и желаю вамъ обоимъ счастія. — *А. П.*

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, у священника въ домѣ.]

[Это письмо не дошло до Нащокина: оно было послано съ И. Ѳ. Антипинымъ, отправлявшимся изъ Петербурга въ Калугу, который, не заставъ Нащокина въ Москвѣ, увезъ письмо съ собою и хранилъ у себя болѣе 35 лѣтъ. Этотъ Антипинъ съ другимъ калужаниномъ Ѳ. И. Абакумовымъ приходили видѣть Пушкина на Полотняный Заводъ (имѣніе Гончаровыхъ) и Пушкинъ написалъ имъ на память: «Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27 мая 1830. П. Заводъ». См. сборникъ Бартенева «Пушкинъ». II. 150—152.]

---

[1]) Сынъ поэта Александръ (род. 1833).
[2]) Сынъ Нащокина.

1834.

369. **П. В. Нащокину.** Петербургъ, въ мартѣ или апр[illegible].

Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадов[illegible] твоему письму. Во-первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: [illegible]тельство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и сп[illegible]йствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ ст[illegible], что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сп[illegible], половинѣ коихъ я не вѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали [illegible]. [illegible] Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться [illegible]ъ твоею Вѣрою Александровною[1]), и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ. — Но [illegible]говоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отпра[illegible] [illegible]ъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Оттого-то я моихъ распор[illegible] и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, [illegible]ло круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, сообразясь [illegible]. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что̀ тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензель-ва и пліе, для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ,

[1]) [illegible] Нащокина, на которой онъ тогда только что женился, разстав[illegible] [illegible]ганкой, отъ которой уѣхалъ тайкомъ изъ Москвы для женитьбы.

что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталія Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить) слава Богу, здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ [Е[illegible]ловъ] въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами скупо, увѣщаніями — щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ [1]). Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій [illegible]висимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться сл[illegible] и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за т[illegible] заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому [illegible]аю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? — Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ. — Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя. — О чемъ же горе? — Жить нечѣмъ до октября. — Поѣзжайте въ деревню. — Не съ чѣмъ. Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я [illegible]лалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса, да и только!

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ января мѣ-

[1]) [illegible]бъ Есауловѣ см. Анненкова. Мат., 363.

сяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ — убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, [illegible]нечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай. жди денегъ.

370. М. П. Погодину. Петербургъ, 6 апрѣля. — ...Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы [illegible]рической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали [illegible] потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не по.... [illegible]ыло время, литература была благородное, аристократическое по[illegible]. [illegible]. Быть такъ.

[illegible]

371. Графу Гр. А. Строгонову. Петербургъ, около 1 апрѣля [illegible]

Monsieur le comte! J'expie bien tristement les chimères de ma [illegible]eunesse. L'accolade de Lelewel me parait plus dure qu'un éxil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte au sermon. Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de Madame votre femme et agréez l'hommage de ma haute considération. — *Alexandre Pou*[illegible]

[Графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ, по матери своей, Ели[illegible] Александр. Загряжской, былъ двоюроднымъ братомъ тещи Пушкина, Нат. Ив[illegible] Гончаровой. Письмо написано по поводу статьи франкфуртской газеты, кот[illegible]

372. Н. Н. Пушкиной. Петербургъ, 17 апрѣля. — Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! [illegible]удьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣстъ вотъ тебѣ отчетъ

о моемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля, и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ [illegible] тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуков[illegible] [illegible] былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ каме[illegible] [illegible] камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles [illegible]. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно[1]). Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Б[illegible]бразовымъ или Реймарсомъ — ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-[illegible] Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма [illegible] ожидая, чтобъ ты, мой ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣстъ стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить [illegible] тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились, и рѣшились тебѣ подтверд[illegible] наши просьбы и требованія — беречь себя и помнить [illegible] [illegible]ставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали подчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе. — Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня, — буду ей писать, а покамѣстъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

---

[1]) [illegible]р. V. 206.

323. Ей же. Петербургъ, 19 апрѣля.—Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость, не забудь перечесть инструкцію Спасскаго и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мнѣ!.. Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй понемножку, а пуще — скорѣе добирайся до деревни. Цѣлую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевска[illegible]. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да [illegible]eaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлебаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ нѣтъ?—Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на діэтѣ—и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича—который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ—и подчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался[1]). Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣстъ—прощай, ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.

---

[1]) Пушкину приписывалась эпиграмма на брата, принадлежащая, кажется, Соболевск[illegible]:

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёв[illegible]
Не лишенъ разсу[illegible]
Но съ шампанскимъ жирный плов[illegible]
И съ груздями ут[illegible].
Намъ докажутъ лучше слов[illegible]
Что онъ болѣе здо[illegible]
[illegible].

374. Ей же. Петербургъ, 20 — 22 апрѣля. — Пятница. — Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ — и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку [1]); второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ . . . . съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуйста побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю, сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того, прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всенощной, и теперь лежишь въ растяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой ангелъ, такъ что голова

[1]) Этотъ анекдотъ о встрѣчѣ императора Павла съ младенцемъ Пушкинымъ въ Юсуповомъ саду былъ разсказанъ П. В. Анненков[illegible] Пушкинъ шутилъ впослѣдствіи, говоря, что «сношенія его [illegible] при императорѣ Павлѣ.» См. V, 1, и Вѣстн. Евр., ноябрь 1873 г., стр. 24.

кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣла[illegible] канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машеньк[illegible] Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; государь также. Вообще говорятъ, все это произвел[illegible] [illegible] твіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ [illegible] идѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться[1]). Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ — прелесть. Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

375. Ей же. Петербургъ, 28 апрѣля. — Ну, женка! насилу [illegible] ь мы отъ тебя письма. [illegible] пріѣхать въ Москву въ великій четвергъ (та[illegible] [illegible] цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сест[illegible] Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай к[illegible] недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи царя Давида и всю кротость его! — Съ отцомъ пожалуйста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на него, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди,

[1]) Ср. V. 20[illegible]

откусить у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Расчислено, что полагая [illegible] одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не рейнвейну, а рейнскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется рейнскимъ); впрочемъ, твое замѣчание о просвѣщении русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce [illegible] l'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьѣ и пококетничала со мною изъ ....*) ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой ангелъ; цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Addio [illegible]

376. Ей же. Петербургъ, 30 апрѣля.—Ѳоминъ понедѣльникъ.—Вчера былъ, наконецъ, дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу, и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое происшествіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и московскій! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и

---

*) [illegible]

просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sonntag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой.— Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

377. Ей же. Петербургъ, 30 апрѣля.— Жена моя милая, женка мой ангелъ — я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной, и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ, что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго, и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, — ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получишь ты уже въ Яропольцѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки и скажи много нѣжнаго.— Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ.— *А. П.*

378. Д. Н. Бантышъ-Каменскому. Петербургъ, 1 мая. — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностью.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

1 мая 1834. С. П. Б.

Письма Д. Н. Бантышъ-Каменскаго къ Пушкину см. въ сборникѣ Бартенева «Пушкинъ». I. 16—19.

379. Н. Н. Пушкиной. Петербургъ, 13 мая. — Какая ты дура, мой ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалергардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у К., ей не втащить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; графиня Сологубъ тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н. подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца, и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и

[illegible]сть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягодешняго дня. [illegible] Кланяюсь сердечн[illegible] Нат. Ив., цѣлую тебя и дѣтей. Христ[illegible] ь вами. Знаешь [illegible], что кн. М[illegible] [illegible] границу? Sophie ужъ плачетъ н[illegible] [illegible] Кронштадта.

[illegible]

[illegible]. Н. Н. [illegible]. [illegible], 15 мая.—Мой ангелъ! [illegible] и ее. [illegible] онъ не именинникъ. [illegible] что не смотря на то, [illegible] я не люблю, но я безпоко[illegible]. [illegible] получить по крайней мѣрѣ два письма. [illegible] ты и дѣти? спокойна ли ты? Я тебѣ не писалъ, потом[illegible] что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно [illegible] [illegible]алось полиции, и такъ далѣе. Смотри, женк[illegible] [illegible]—что ты моихъ писемъ [illegible]писывать никому не дашь; если [illegible] распечатала письмо мужа [illegible]ь женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно [illegible]ю: тайна се[illegible]ственныхъ сношений, проникнутая [illegible]рнымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ [illegible] мнѣ было бы бо[illegible]. Никто не долженъ знать, что можетъ [illegible]исходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивля[illegible].

Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ

[illegible]

жаль, что ты ея не видала! Пѣли новую музыку Вьельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ [illegible] мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя [illegible]реги, боюсь твоихъ гуляній верхомъ. Я еще не знаю, как[illegible] ѣздишь: вѣроятно — смѣло: да [illegible] [illegible]просъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя. — Благословляю всѣхъ [illegible]

382. **Ей же.** Петербургъ, 16 мая. — Давно, мой ангелъ, н[illegible]учалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди, пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив. — Тебя цѣлую. — На дняхъ получишь письма по оказіи. — Прощай, мой милый другъ.

383. **Ей же.** Петербургъ, въ концѣ мая. — Что это, жена! вотъ уже 5 дней, какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву ли, въ Волоколамскъ ли, въ Калугу ли? На дняхъ на что нибудь рѣшусь. Что тебѣ [illegible] о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сологубъ. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія. — Погода у насъ

[illegible]давная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь .... Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сейчасъ (въ 5 час.) сидѣла [illegible] гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.— За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ-те Христосъ; и за Смирновой то же. Смирнова ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.— Всѣ тебѣ кланяются. Завтра [illegible] буду писать. Не смѣй купаться — съ ума сошла, что ли? По[illegible] завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я [illegible], и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Сергѣевна начинаетъ уже сердить.— Откажусь ото всего — и стану жить припѣваючи.

---

384. Ей же. Петербургъ, 29 мая.— Благодарю тебя, мой ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно.» Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякій вздоръ — на-смѣхъ всѣмъ частнымъ [illegible] [illegible]ь часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака [illegible]икъ: въ клобѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.— Вотъ тебѣ и мораль. Ты

зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ [Великомъ]?—идетъ помаленьку; скопляю матерьялы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ.—Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣстъ прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Ник

385. Ей же. Петербургъ, 3 іюня.—Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня поневолѣ безпокоитъ. Положимъ: ты выѣзжала изъ Яропольца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай, кто теперь остановился? Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. Село къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Натальей Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обѣдаю у Вяземскаго, у котораго сынъ имениннникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи, и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну?

Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресенье представлялся я къ вел. княгинѣ. Я поѣхалъ къ ея выс. на Кам[illegible]. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой [illegible] мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être [illegible] —Oui, [illegible] d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его поправила [1]). Смирнова на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго году. Гр. Сологубъ встрѣтилъ [illegible]. Она велѣла тебя поцѣловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то не [illegible]рошо, что разстроилъ себѣ желудокъ, и что желчь меня такъ и [illegible] [illegible] Хочется [illegible] деревню, [illegible] Царское Село, [illegible] левскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать неч[illegible]. Прощай, мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скр[illegible].

386. Д. Н. Бантышъ-Каменскому. Петербургъ, 3 іюня.

М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, [illegible] я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, [illegible] нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете ли вы въ сношеніе

съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

3 іюня 1834. Спб.

387. Н. Н. Пушкиной. Петербургъ, 8 іюня. — Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя, и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать какъ имъ угодно. Опала ... презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣсти о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вьельгорскій ѣдетъ въ Италію, къ больной женѣ; Петербургъ пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ

и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня— а желчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Яропольцѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность!

---

388. Ей-же. Петербургъ, 11 іюня. — Нашла, за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ— мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція— удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ, и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то наплáчусь и наплачýсь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Орловъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ, и же-

лалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма, и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.

11 іюня.

---

389. *Ей же.* Въ тотъ же день.—Сейчасъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня — тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь, что я думаю? не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду какъ снѣгъ на голову,—если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. — Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь — тогда, пожалуй, будь салонницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ — быть подалѣ отъ двора; .... Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. — Но вы, бабы, не понимаете счастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцѣлуй запросто. Дм. Ник. также — дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вьельгорскаго, который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I идетъ; того и гляди, напечатаю 1-ый томъ къ зимѣ. На того я пересталъ сердиться, потому что, toute réflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его

окружающемъ. А живя въ н......, поневолѣ привыкнешь къ ....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ, что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!

---

390. Ей же. Петербургъ, 19 іюня. — Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли. То — то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ. — *П.*

Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

391. Ей же. Петербургъ, 21 іюня.— «Ваше благородіе, всегда понапрасну лаяться изволите» (Недоросль).

Помилуй, за что, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякій день; пиши сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что разцѣловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся в. кн., дежурная была не С., а моя прицпиленная кузинка Ч.....на, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться...— Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи, какъ въ petite misère ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того, и другого, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ? — . . . .
. . . .
. . . . . . Сегодня, кажется, девятый день — и слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюстина, а Алекс. Ник. за Убри; ничему не бывать: оба

влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго; я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ! Цѣлую тебя и дѣтей, и благословляю васъ отъ души.— Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже.— Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. На дняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

392. **Ей же.** Петербургъ, въ концѣ іюня.— Мой ангелъ, сейчасъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся ли тебѣ когда нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ — а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская, да Фикельмонъ. Принимаютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ея мнѣ не высосутъ.— Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу,

стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать — разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего; я упрямъ и хочу переспорить весь домъ — включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить — но до другого дня.—Пока прощай.—Цѣлую тебя, и дѣтей благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя—кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. на дняхъ въ офицеры произведенъ, и хлопочетъ о мундирѣ. — *А. П.*

393. Графу А. Х. Бенкендорфу (черновое). Спб., въ іюнѣ.— En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pougatchef, je prends la liberté d'entretenir Votre Excellence des circonstances qui me regardent et de recourir à votre bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somme que je pourrais en retirer me met au pouvoir même d'accepter la succession à laquelle j'avais été forcé de renoncer faute de 40.000 roubles qui me manquaient, etc.

Cet ouvrage me les procurera, si je puis moi-même en être l'éditeur sans avoir recours au libraire. 15.000 [roubles] me suffiraient.

Je demande deux choses: l'une, qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans l'imprimerie particulière de Sa Majesté qui dépend de M. Jacovlef, la seule où je suis sûr de n'être pas friponné; l'autre, de recevoir en emprunt pour deux ans 15.000 roubles, somme qui me permetterait de mettre à l'édition tout le temps et les soins que je lui devrais.

Je n'ai d'autres droits à la grâce que je sollicite que les bon-

tês que j'ai déjà reçues et qui me donnent le courage et la confiance d'y recourir encore. C'est à votre protection que je confie ma très-humble requête. — Je suis, M-r le Comte, de Votre Excellence, etc.

394. Н. Н. Пушкиной. Петербургъ, 2 iюля.—Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour [pas?] autrement. Исторія же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ—и жить съ тобою въ разлукѣ такъ же глупо, какъ и тяжело. Но что жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ.—Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно, если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ п—.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться.—Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я пріѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цѣлую въ особенности.—30 iюня.

Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

395. М. Л. Яковлеву. Петербургъ, 3 іюля.—М. Г. Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторія Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить.

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

3 іюля 1834. Спб

396. Гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 3 іюля. — Monsieur le comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à votre excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, monsieur le comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

3 Juillet 1834.

[Въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ, что по обстоятельствамъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить посѣщеніе архивовъ. 30 іюня ему отвѣчали, что «его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства»].

397. Ему же. Петербургъ, 4 іюля. — М. Г. графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня

непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

4 іюля 1834. Спб

---

398. В. А. Жуковскому. Петербургъ, 4 іюля. — Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsiderée, и сказалъ, que j'aimais mieux avoir l'air inconsequent qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невесело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ недостало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести что̀ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна [1]). Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня, конечно, трогаетъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

---

399. Ему же. Петербургъ, 6 іюля.—Я, право, самъ не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе — какое тутъ преступленіе? Какая

[1]) Хитрово.

неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь—отчего письма мои сухи? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ. Не не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

500. Гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 6 іюля. — Monsieur le comte. Permettez moi de vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces, dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de généroste. Il a toujours été pour moi une providence, et si dans le cours de ces huit ans il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voüés. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout-puissant, qui me remplit de douleur — c'est celle de laisser dans son ésprit une impression que, par honneur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, monsieur le comte, ma très-humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si étourdement.

C'est en me recommandant à votre puissante protection, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et trés-obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

6 Juilet. St. P.

501. М. Н. Загоскину. Петербургъ, 9 іюля. — М. Г. Михаилъ Николаевичъ! вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе, и не слыхали отъ меня

спасибо [1]). Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ [2]) очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку-Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, М. Г., вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ.*

[illegible]

---

402. **Н. Н. Пушкиной.** Петербургъ, 11 іюля. — Ты, женка моя, презалаберная [вычеркнуто] пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за кратость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ, и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ, тебѣ извѣстнымъ, не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо я печат[аю] Пугачева, и закладываю имѣнія, и вожусь, и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя. Теперь разскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу, съ нарядными дамами, то я смутился какъ нѣмецкій профессоръ; насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и

---

[1]) Говорится, вѣроятно, о романѣ Загоскина «Аскольдова Могила», вышедшемъ въ концѣ 1833 г.

[2]) Чревовѣщатель Александръ Ваттемаръ, дававшій тогда свои пр[едставл]енія въ Петербургѣ. Въ его альбомѣ Пушкинъ написалъ: «Votre nom est légion, car vous êtes plusieurs. — 16 juin v. st. 1834. St. Pétersbourg. — A. Pouchkine.» (См. Р. Стар. 1880, № 5, 95—96, и № 9, 221).

что балъ это запросто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ — нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря уже о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянные. Вотъ, наѣлся я мороженаго, и пріѣхалъ себѣ домой—въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ, и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай-да баба!—а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть и онъ не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь именинница. Только вмѣсто его нашелъ я кривую кузину— и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ — в. княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка — спать хочу. Цѣлую тебя и васъ — и всѣхъ благословляю. — Христосъ съ вами.

11 іюля.

503. П. А. Осиповой. Петербургъ, 29 іюня—13 іюля.—Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même interêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais hônnete homme et, pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complête; je veux seulement n'être pas volé et payer les interêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pas pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne

suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié.—*A. P.*

29 Juin. Spb

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

404. Н. Н. Пушкиной. Петербургъ, 13 іюля.—Ты хочешь непремѣнно знать, скоро ли я буду у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца; это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь, и обниму тебя, и дѣтей расцѣлую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости.—А о какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу, что̀ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ, и ѣдетъ ихъ перезакладывать— по случаю неурожая—а накануне отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ ли? А ты, бабенка, за неимѣніемъ того и другого, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно! — Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ,

что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. — Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня.—Прощай, цѣлую тебя.—*А. П.*

---

403. **Ей же.** Петербургъ, 14 іюля.—Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры! А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь!—Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей: будь молода, потому что ты молода—и царствуй, потому что ты прекрасна.—Цѣлую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться — радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты наплачешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Ник. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ, что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну — и займусь своими дѣлами. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Не копѣйки денегъ

не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск. Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь. — Прощай. Обнимаю тебя — дѣтей благословляю—тебя также. Всякій ли ты день молишься, стоя въ углу?

14 —.

406. **Ей же.** Петербургъ, 26 іюля. — Наташа, мой ангелъ, знаешь ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни, — Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ [1]). Слышишь ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею. — Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible & malade). Цѣлую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣстъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: печатать, — такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ ника-

[1]) Деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина.

кихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ [1]). Знай нашихъ. Цѣлую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

---

407. Ей же. Петербургъ, 30 іюля. — Что это значитъ, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какіе балы? какія побѣды? ужъ не больна ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать? Пожалуйста, женка — брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучать меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро — до 4 часовъ — никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клубѣ — возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо — и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска!

Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу припасу ему 2,500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай — будьте всѣ здоровы. Цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

408. Ей же. Петербургъ, 3-го августа. — Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не ду-

[1]) См. V, 209.

маешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ — но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ бы счастливъ.

Вяземскіе здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла, и въ бѣдной и загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри жъ! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я m-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ, и спрашивала о твоемъ здоровьѣ; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.

409. М. Л. Яковлеву. Петербургъ, въ половинѣ августа.— Вотъ 18-й листъ [1]). — Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. — *№ 14*.

410. Н. Н. Пушкиной. Болдино, 15 сентября. — Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня, въ четвергъ, поутру — вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ — а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ: c'est une très-aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось; не знаю, придетъ ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ — прощай.

Ухъ, насилу отвязался! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили — дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ — увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ Петербургъ молодцомъ, и обладателемъ села Болдина — —

Сейчасъ у меня были мужики, съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить — но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ

[1]) 2-й части Пугачевскаго бунта. Говорится о неисправности списка Рычкова.

какъ читаю Conquête de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в....... [незаконные], а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ в.......? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Ярополцѣ, и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.— Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

511. Ей же. Болдино, 25 сентября.— Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отдѣлалась ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно, нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Ярополцѣ) сутки — и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужто близь тебя не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно, не дождусь.— Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула и что тебѣ надобно себя беречь.— Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ! Но по всѣмъ моимъ расчетамъ, ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами нянькамп и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ буди сказано Пелагеѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя, чай, голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь— видно, что мнѣ надобно спѣшить.— Прощай, Христосъ васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко — будьте здоровы.

412. Н. М. Языкову. Болдино, 26 сентября.—Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича [1]), который, къ сожалѣнію, пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково [2]), быть свидѣтелемъ его свободы, обѣщаясь употребить меня съ пользою,—но мнѣ невозможно: жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ приняться за альманахъ, или паче за журналъ; я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? сами видите: щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую набережную, въ домъ Баташева, у Прачешнаго моста. Ал. Мих. изволитъ спѣшить,—и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ *А. Пушкинъ.*

413. М. Л. Яковлеву. Петербургъ, 19 октября.—Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? [3]) Не правда ли?—*№ 14.*

19 окт

414. А. А. Фуксъ. Петербургъ, 19 октября.—Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ими ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы [4]). Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!... право, совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ

[1]) Братъ Н. М. Языкова

[2]) Симбирской губ., Корсунскаго уѣзда, имѣніе Н. М. Языкова.

[3]) Лицейскую. Записка подписана лицейскимъ нумеромъ комнаты Пушкина.

[4]) Вѣроятно, стихотвореніе «На проѣздъ А. С. Пушкина черезъ Казань» См. п. 352.

былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Д[illegible]. Ѳ. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу [1], коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и проч.

415. П. В. Нащокину. Петербургъ, въ декабрѣ. — Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немедленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться! Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рах-

[1]) Мужъ г-жи Фуксъ, профессоръ Казанскаго университета.

мановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташова у Прачешнаго мосту (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

1835.

416. П. В. Нащокину. Петербургъ, 20 января.—Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другого. Впрочемъ, это дѣло дамское.

Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

20 января 1835. Спб.

417. Гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 26 января. — Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по

крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ тòго несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

[Въ началѣ января 1835 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу замѣчанія, которыя не могли войти въ «Исторію Пугачевскаго бунта», но которыя, писалъ онъ, «могутъ быть любопытны для государя императора»].

418. Д. Н. Бантышъ-Каменскому. Петербургъ, 26 января.— М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разсказчика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны—научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.—Изъ примѣчанія въ пятой главѣ [92] вмѣсто Тобольскъ—Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію честь имѣю быть, м. г., вашего превосх. покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

26 января 1835 Спб.

[Адресъ: Его Прев., м. г., Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева].

419. И. И. Дмитріеву. Петербургъ, 14 февраля.— М. Г. Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями[1]).

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и сти-

[1]) Описаніе казни Пугачева (VI, 73—74) взято изъ записокъ Дмитріева. См. п. 365.

хотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря [1]), умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. К. [2]), слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

14 февраля 1835. Спб.

420. Д. Н. Бантышъ-Каменскому. Петербургъ, 2 апрѣля.— М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому безпечному коммиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

2 апрѣля 183[illegible]

[Адресъ: Его Прев. м. г.. Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому.]

421. И. И. Дмитріеву. Петербургъ, 26 апрѣля. — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одо-

[1]) П. И. Соколовъ ум. 9 января 1835. Дмитріевъ и Пушкинъ были членами Россійской академіи.

[2]) Т. е. къ Андрею Никол. Карамзину; говорится о графѣ Хвостовѣ.

бреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ-Лобановъ и Аяксъ-Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора [1]). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ [2]) фокусникъ, а Фуссъ его паясъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

26 апрѣля 1835. Спб.

522. Л. С. Пушкину. Петербургъ, 2 мая.— Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева [3]). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго дохода около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.— *А. П.*

2 мая.

[Адресъ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3 мая 1835.]

[1]) Переводчикъ Шлецерова изслѣдованія о Несторѣ, Дм. Ив. Языковъ.

[2]) Князь Мих. Андреевичъ былъ назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ 7 марта 1835.

[3]) Оброчная деревня отца Пушкина, въ Нижегородской губ.

423. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** Петербургъ, въ іюнѣ.

[Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ. — Государь приказалъ спросить: хочетъ ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ]:

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

424. **Ему же.** Петербургъ, 22 іюля. — Monsieur le comte! J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de votre excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez elle.

Comblé de bontés de Sa Majesté, c'est à vous, monsieur le comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'interêt que vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg, j'ai contracté près de soixante milles roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille; cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne, ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La reconnaisance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'empereur n'est troublé par aucune arrière-pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à vous, monsieur le comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance, monsieur le comte, de votre ex-

cellence le très-humble et très-obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

22 Juillet 1835. St. Pétersbourg.

[Помѣта вверху письма, карандашемъ, рукою гр. Бенкендорфа, 26-го іюля 1835 г. «l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (sic) de congé au bout de quel il voira s'il doit prendre son congé ou non.»].

---

425. Ему же. Петербургъ, 26 іюля. — Monsieur le comte! Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à celui qui a daigné être ma providence.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont des dettes d'honneur. Pour les acquitter, je me vois dans la necessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière, premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30,000 roubles et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le paiement de mes appointements jusqu'a ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à votre indulgence que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

26 Juillet 1835. St. Pétersbourg.

[Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа: «l'Empereur lui accorde les 30,000 roubles en retenant, comme il le demande, ses appointements. 29-го іюля 1835 г.»] *).

---

426. А. А. Фуксъ. Петербургъ, 15 августа. — Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ его получилъ, и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился

*) Выноска другою рукою на подлинникѣ:

Т. сов. Родофиникину	1-го августа	2590.
Ему же	1-го августа	2591.
Мин. Финанс.	1-го августа	2592.

отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и проч.

427. Н. Н. Пушкиной. Михайловское, 14 сентября. — Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. Губ., въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не [illegible]. Писать не начиналъ и не знаю, когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал.[1]) еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякій случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ [Гурьевъ?] я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все, что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа, цѣлую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Азѣ и Кòко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

[1]) Осипова

428. Ей же. Михайловское, 21 сентября.—Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же, и почта изъ Петербурга идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно.— Поцѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй—что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня, и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ псковскій архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та же, какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою англійскаго. Кстати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montaigne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая, вѣроятно, будетъ сегодня въ Тригорское.—Я много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яйца въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цѣлую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, или бель-сёри? Прощай.

429. Ей же. Тригорское, 25 сентября.—Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Это меня сердитъ и безпокоитъ.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: Во Псковъ, Ея Высокородію Пр.

Ал. Осиповой, для доставленія А. С. П., извѣстному сочинителю—вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по-старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и чт [illegible] комыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу [1]). Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю,—иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ [2]). Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разскажи, что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc. — Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе, Евпраксія Ник. и Александра Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В.-Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ.—Прощай, цѣлую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ.—Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой ангелъ.

430. Ей же. Михайловское, 29 апрѣля.—Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ — а мнѣ не до шутокъ. Государь обѣщалъ мнѣ Газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ

[1]) Ср. стихотвореніе: «Вновь я посѣтилъ», II, 182

[2]) Ср. IV, 95

способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твой теряетъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.—Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ, вѣроятно, отъ оплошности твоихъ фрейлинъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу, что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me К...; дура вздумала переводить Занда, и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? Думаетъ ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ, изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю — въ Англ. клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ — будьте здоровы. Цѣлую тебя. Какъ твой адресъ глупъ — такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію, въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ — и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто жъ его знаетъ? Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку — и про мать. Je remercie vos soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

431. Ей же. Михайловское, 2 октября.—Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ — и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ

изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя какъ красная дѣвица. Съ вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Все-таки, напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко, и думаю: не худо бы, если бы вдругъ въѣхала на дворъ карета — а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужъ поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc. — пиши мнѣ обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю [illegible]. —

432. П. А. Плетневу. Михайловское, въ октябрѣ. — Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ «Путешествіе» [1]) отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? [2]) Неужели залягаетъ меня о.....къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ [3]) далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе — даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла: шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера [4]) заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдава-

[1]) Путешествіе въ Арзрумъ.

[2]) Напечатано вслѣдъ за этимъ письмомъ.

[3]) Вмѣсто предполагавшагося «альманаха» Пушкинъ началъ съ слѣдующаго года изданіе «Современника».

[4]) Валеріанъ Платоновичъ, лицензтъ второго выпуска, извѣстный въ свое время изготовленіемъ иллюстрацій къ разнымъ изданіямъ.

лось. Пишу — черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе; а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ «Путешествія». Присылай мнѣ корректуру, а я [illegible] стиховъ. Кто будетъ нашъ [illegible]? [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] Бѣлкина[1]); [illegible] (разумѣется [illegible] за угла и тихонько, напримѣръ въ Московскомъ Наблюдателѣ) объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою душу грѣховъ своего омонима? Это бы, право, было не худо.

433. Въ главный комитетъ цензуры. Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ [illegible] о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставлено было мнѣ прямо отъ его величества, изъ III-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы» — повѣсть (1826), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина» — романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), [illegible] 2-я и 3-я часть «[illegible] Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ.

[1]) Въ «Библіотекѣ для чтенія» Сенковскій помѣстилъ тогда повѣсть «Пикникъ въ Токсовѣ» А. Бѣлкина, такъ что многіе считали ее за Пушкинскую, принимая за продолженіе его «Повѣстей И. Бѣлкина».

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный совѣтникъ *Але*[illegible] *П*[illegible].

---

434. П. В. Нащокину. Петербургъ, [illegible] безный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ [illegible] ссорѣ съ московскою почтою [1]). Услыш[illegible] ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не со[illegible] меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ [2]). О тебѣ были разные слухи, [illegible] твоего выигрыша; но что̀ истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно.—Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нече[illegible]

[1]) П[illegible] прочитывались на почтѣ и выписки изъ нихъ до[illegible] рфу А. Я. Булгаковымъ. Получивъ указаніе на это, Пу[illegible] написалъ женѣ, чтобъ она была осторожнѣе въ [illegible] сквѣ состоитъ почтъ-директоромъ и—и Булгаковъ, кот[illegible] читаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными д......и.—Письмо это не дошло ни до жены, ни до Бенкендорфа. (Р. Ст. 1880, № 10). Подобные случаи бывали также и съ Жуковскимъ, который одна[illegible] написалъ по этому поводу А. И. Тургеневу: «Что могутъ узнать теперь и[illegible] писемъ? Кто ввѣритъ себя почтѣ? Что выиграли, разрушивъ святыню, вѣ[illegible] уваженіе къ правительству? Это [illegible] намъ въ частныхъ людяхъ, когда правительство все беззаконное себѣ позв[illegible]ляетъ?» (Соч. Жук., изд. 1878. VI. 41[illegible]

[2]) Пушкинъ, взявъ отпускъ съ 27 авг. по 23 дек., отправился въ Михайловское, но по случаю болѣзни матери вернулся въ октяб[illegible]

роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти па молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. — Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой живописецъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

435. П. А. Осиповой. Петербургъ, въ октябрѣ. — Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg. Imaginez-vous que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de vos gens, pour dire au maître de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il y a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à extrémité; elle était venue de Pavlovsk pour chercher un logement et elle est tombée subitement en faiblesse chez M-r Княжнинъ où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en bût à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Natalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venue établir chez moi, Natalie, comme de raison, l'aurait reçue; mais une maison froide, remplie de marmailles et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvé déjà déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi, je fais de la bile et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

[Адресъ: Ея высок. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ, оттолѣ въ село Тригорское].

436. И. И. Лажечникову. Петербургъ, 3 ноября. — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Во-первыхъ, долженъ я просить у васъ прощеніе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово хоботъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію? [1])

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ.*

3 ноября 1836 г. ([illegible].

Отвѣтъ Лажечникова см. въ сборникѣ Бартенева «Пушкинъ», I, 23—28].

437. П. А. Клейнмихелю. Петербургъ, 19 ноября.—Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства

[1]) Говорится о выраженіи: «такимъ-то хоботомъ», вм. «такимъ образомъ»

гр. Чернышева, возвращены мною въ военное министерство. — Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

[Дѣло идетъ о матеріалахъ, которыми Пушкинъ пользовался изъ военнаго министерства для своей Исторіи Пугачевскаго бунта.]

---

538. П. А. Осиповой. Петербургъ, 26 декабря. — Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce à la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Dec

439. Н. В. Гоголю.—Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки[1]) Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!—*А. П.*

---

440. Ему же. Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина нимало не уступаетъ его [illegible].....[2])

441. Бѣдной вдовѣ.—Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго, постараюсь, но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ.—Съ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть покорный къ услугамъ *А. Пушкинъ.*

[illegible]

---

442. Гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 31 декабря.—Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній, etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя.

---

[1]) Говорится о приключеніи съ поручикомъ Пироговымъ въ повѣсти «Невскій Проспектъ» (Арабески, 1835).

[2]) «Записки Чухина» вышли въ 1835 г.

1836.

443. С. С. Хлюстину. Петербургъ, 4 февраля. — Monsieur. Permettez-moi de redresser quelques points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne me souviens pas de vous avoir entendu citer quelque chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer peut-être avec trop de chaleur, c'est la remarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la veille de prendre au coeur les paroles de Senkovsky.

Je vous ai répondu: «Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ.» Vous assimiler à des свиньи и мерзавцы est certes une absurdité qui n'a pu ni m'entrer dans le tête, ni même m'échapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué que vous preniez entièrement pour votre compte l'article injurieux de Senkovsky et notamment l'expression: «обманывать публику.»

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eût rapport à l'article du journal. Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien vous expliquer, ce que vous fîtes dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question, et je me tus. En vous quittant, je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite aux paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prend sur soi. En consé-

quence je chargeais m-r Sobolevsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter purement et simplement, ou bien de m'accorder la réparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit nommément à Sobolevsky que je n'éxigeais pas d'excuses. Je suis fâché que m-r Sobolevsk a mis dans tout cela sa négligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eu de ne pas vous saluer lor vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire et dont je vous demande excuse de tout mon coeur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur. *A. Pouchkine.*

[Семенъ Семеновичъ Хлюстинъ (1811—1844), племянникъ извѣстна «американца» гр. Ѳ. И. Толстого, ученикъ педагога Эванса, участникъ турецкой войны 1828—29 г., служилъ въ Москвѣ надворнымъ судьею и п видныымъ положеніемъ въ обществѣ. Онъ былъ давно знакомъ съ Гончаровыми по Калужской деревенской жизни. Размолвка его съ Пушкинымъ произошла по поводу статьи Сенковскаго объ изданной Пушкинымъ поэмѣ «Вастола» (Библ. для Чт. 1836, № 1; см. т. V, 291—292). Письма Хлюстина къ Пушкину по этому поводу см. въ сборникѣ г. Бартенева «Пушкинъ», II, 73—84. Дѣло кончилось миромъ.

444. Кн. Н. Гр. Репнину. Петербургъ, 5 февраля. — Mon prince. C'est avec regret qui je me vois contraint d'imp votre excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfant

Je n'ai pas l'honneur d'être personnellement connu de votre excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi, et cela comme venant de vous. Je prie votre excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en ten

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vo mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le représentant de notre ancienne et véritable noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette démarche. Je suis avec respect de votre excellence le très-humble et trés-obéissant serviteur *Alexandre Pouchkin*

[9 февраля князь отвѣчалъ, что Пушкинъ повѣрилъ пустымъ разсказамъ, что съ Боголюбовымъ онъ ничего не говорилъ и желаетъ поэту употреблять свой талантъ на пользу и славу отечества, а не на оскорбленіе частныхъ людей,— намекая этимъ на стихотвореніе Пушкина «На выздоровленіе Лукулла», которое въ то время обратило на себя общее вниманіе и вызвало толки.]

---

445. Ему же. Петербургъ, 11-го февраля. — М. Г. князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

11 февраля 1836

446. А. А. Фуксъ. Петербургъ, 20 февраля. — Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч.

---

447. С. Н. Глинкѣ. Петербургъ, въ мартѣ.—М. Г. Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше (извините галлицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Өедору Николаевичу?—Весь вашъ *А. Пушкинъ.*

Адресъ: Его высокородію м. г. Сергѣю Николаевичу Глинкѣ. На Сергѣевской, въ домѣ Болдырева, № 37 на дворѣ.

448. Альфонсу Жобару. Петербургъ, 24 марта.—Monsieur! J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu également constater que vous aviez perdu l'ésprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'instruction publique, vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires, dites vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrit dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite. J'ose espérer que vous ne me refuserez pas la grâce que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre très-humble en très-obeissant serviteur. *A. Pouchk—*

24 Mars. 1836. St.-P[illegible]

Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а въ 1822 г. профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Магницкимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», испрашивая разрѣшенія напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину. См. Р. Ст. 1880, № 7, 555—564 и настоящаго изданія [illegible]

449. Кн. В. Ѳ. Одоевскому. Петербургъ, въ мартѣ.—Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру «Путешествія» [1]) прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. — *А. П.*

450. Ему же. Петербургъ, въ началѣ апрѣля. — У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера—грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать: «О враждѣ къ просвѣщенію» [2]); ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и «Разборъ Постоялаго Двора», подъ названіемъ: «О нѣкоторыхъ романахъ» [3]). Разрѣшаете ли вы?

О Сегеліелѣ [4]), кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ [5]). Увижу ли васъ дотолѣ? Весь вашъ. *А. П.*

«Разговоръ недовольныхъ» не помѣстилъ я, потому что ужъ «Сцены» Гоголя [6]) были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

451. Н. М. Языкову. Михайловское, 14 апрѣля 1836. - Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ [7]) пировали мы втроемъ, — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь вспо-

[1]) Путешествіе въ Арзрумъ появилось въ 1-й книгѣ Современника 1836.

[2]) Эта статья дѣйствительно появилась во 2-й кн. Современника, съ подписью С. Ѳ.

[3]) «Какъ пишутся у насъ романы», Совр., кн. 3.

[4]) Сегеліель—духъ падшій вслѣдствіе своего негодованія на существующее въ мірѣ зло. Это сочиненіе кн. Одоевскаго осталось неизданнымъ.

[5]) Пушкинъ съ 26 февраля по конецъ марта былъ въ Москвѣ, а вернувшись, поѣхалъ въ Михайловское, провожать тѣло умершей матери.

[6]) «Утро дѣлового человѣка», въ 1-й кн. Современника.

[7]) Лѣтомъ 1826 г. Языковъ гостилъ у Пушкина въ Михайловскомъ.

минаемъ мы васъ—и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны [1]), нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ—дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ,—поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловласъ,—попрежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ, въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову [2])—прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ—и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новосельѣ (помнится) и о которомъ вы ему ни слова не молвили [3]). Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ. Весь вашъ А.

Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую нибудь легенду: нужно.

452. М. П. Погодину. Михайловское, 14 апрѣля.—Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ [4]). Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили.—Статья о вашихъ Афоризмахъ [5]) писана

[1]) Сестра А. Н. Вульфа, вышедшая за барона Вревска[го].

[2]) Посланіе напечатано въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835. Въ немъ авторъ обращается къ Давыдову, называя его: «Ты боецъ чернокудрявый [illegible] локономъ на лбу» (Стих. Языкова, Спб. 1858, II, 56). Самъ Давыдовъ на[illegible] этотъ локонъ la Pan[illegible] du genie

[3]) Соч. кн. Вяземскаго. IV. 180.

[4]) Смерть матери, тѣло которой Пушкинъ провожалъ въ Святогорскій монастырь, а оттуда отправился въ свою деревн[ю].

[5]) Историческіе афоризмы М. Погодина, М. 1836. Статья объ этой книгѣ напечатана въ 1-й кн. Современника 1836, стр. 296—302.

не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы сю недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ—порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами.—Весь вашъ *А. П.*

14 апрѣля. Михайловское.

453. И. И. Лажечникову. Съ Тверской станціи, проѣздомъ. Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.—Сердечно васъ уважающій *Пушкинъ.*

454. Л. С. Пушкину. Петербургъ, 24 апрѣля.—J'ai tardé à vous repondre, parce que je n'avais pas grand' chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus; et quant à l'emprunt de 13000, il est déjà depensé. Voici le compte qui vous regarde.

à Engelhardt. 1330
à la restauration. 260
à Dumé. . . . . 220 (pour le vin)
à Pavlichtchef 837
à tailleur. 290
à [illegible] . . . . 1[illegible]00

Depuis vous avez reçu:

en assignats 280
en or 950

Août 1834. 5767

Votre lettre de change 10000 a été rachetée... Outre le loger, la table et le tailleur qui ne vous ont rien couté, vous avez donc reçu 1230 r. Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et des paysans. Il est probable que vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu car je ne suis pas allé chercher vos compagnons — c'était à eux qu'il fallait m'adresser.

[На оборотѣ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ.—Печать почтамта: Спб. 24 апр... 1836.]

355. **Н. Н. Пушкиной.** — 4 мая, Москва, у Нащокина — противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой.—Вотъ тебѣ, царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумѣется, другъ другу очень обрадовались, и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ, и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя. Пожалуйста, не кокетничай съ нимъ, какъ прогнала ты пруссака Кридпера [Кригера?]. Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства — недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выйти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу

поймали, и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣются, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лѣчится омеопатически [1]). Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать, и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ, является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W. — Я секретничаю покамѣстъ. Прости, мой другъ, — цѣлую тебя еще разъ.

456. **Ей же.** Москва, 6 мая. — Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь — глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстого, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее пощечину Гри . . . . . ду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожъ видно, что ты довела кого то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ-нибудь полакомить Москву, которя ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разсказываю, что Алекс. Карамзинъ [сынъ исторіографа] хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по счастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно

[1]) Сара Толстая.

врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ.—При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника; коли ценсоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаяваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію — а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить н...... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что.... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

---

557. Ей же. Москва, 11 мая. — Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ вздумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно. — Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій [Ал.], который прошлаго разу казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется,

опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица—говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отроду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію[1]). Не побранить ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Ѳед. Гагарина, и возвратился въ 4 часа утра — въ такомъ добромъ расположеніи, какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клобъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ. Письмо мое похоже на тургеневское — и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ[2]). Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцевой — его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стоитъ Послѣдняго дня Помпеи), приговаривая: — Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу,............ — Умора. Ну, прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы, — Христосъ съ вами.

11 —

---

458. **Ей же.** Москва. 16 мая. — Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда — а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ, и принужденъ буду

[1]) А. Чертковъ. Воспоминанія о Сициліи. 2 т. съ рис. М. 1835—36.

[2]) «Хроника русскаго въ Парижѣ» А. И. Тургенева печаталась тогда въ Современникѣ. См. V, 298.

опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю

На дняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю — а у н[illegible] жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучн[illegible] и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня один[illegible] Нащокинъ. Но тинтере мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій, однакожъ, очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу. — Зазываю Брюлова къ [illegible] въ Петербургъ — Но [illegible] и [illegible]. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапск[illegible] мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мерт[illegible] неподвижности; я говорю: — у меня дома есть красавица, к[illegible]рую когда нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичъ, pas une belle-femme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ маіоръ-мистикъ другой пьяница-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.

14 [illegible].

[illegible]
Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.— Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.— Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай.—*А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо — отвѣчать некогда — благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ.

16 мая

[На особомъ листкѣ, писано карандашемъ]

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. — Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь, покамѣстъ, прощай. — У меня сидитъ Ив. Н.

459. Ей же. Москва, 18 мая.— Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать?—Это мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26-го. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выйдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся, — вотъ и все. Новое твое распоряженіе касательно твоихъ доходовъ касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'intérêt de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева. — У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэля, и подвергается одному наказанію — а не смертной казни. Утопленіе Столыпина— ужасъ! неужто невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ все, слава Богу, смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смѣкая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ! Весело, нечего сказать. — Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.

18 мая.

460. П. В. Нащокину. Петербургъ, 27 мая.—Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно [illegible]дила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣст[illegible]вонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Бо[illegible] не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB.) [1]) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во-вторыхъ—деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣзу.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу—на мѣстѣ, т. е. на станціи, и н[illegible] долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея коммиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.

[По словамъ Нащокина, у него были еще письма, но два изъ нихъ взялъ Кашинцевъ, родственникъ Дубельта, и удержалъ. Въ одномъ Пушкинъ извѣщалъ, что государь пожаловалъ ему 5000 рублей годового жалованья, «[illegible] faire jouer ma marmite; больше онъ дать не могъ, ибо это превышало бы [illegible]неральскій окладъ.»—Пушкинъ писалъ Нащокину и съ Кавказа, [illegible]тешествіе. Въ одномъ письмѣ говорилъ, что онъ путешествовалъ съ особымъ деньщикомъ, и солдаты, видя его можетъ [illegible]жающимъ въ статскомъ платьѣ, считали нѣмецкимъ попомъ. Еще въ одномъ, писанномъ незадолго до смерти, Пушкинъ писалъ, что ему надо достать 5 тысячъ, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ и увезти жену въ Псковскую деревню.]

461. Д. В. Давыдову (черновое). Петербургъ, въ маѣ.—Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ [2]. Чортъ побери генералъ-лейтенанта Винцингероде! А жаль, что

[1]) Сотрудниковъ журнала «Московскій Наблюдатель».

[2]) Статья Давыдова: «Воспоминанія объ осадѣ Дрездена», напечатана [illegible] № 4 «Современника».

не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда какъ кстати тутъ же было заколоть у подножія Вандомской колонны генерала Винцингероде, какъ жертву примирительную! Я было и рукава засучилъ—вырвался, проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои Очи [1]) безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ.

462. Генералу Ушакову (черновое). Петербургъ, въ маѣ.— Возвратясь изъ Москвы, имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда графъ Эриванскій позволилъ мнѣ въѣхать въ имъ завоеванный Арзрумъ. Съ глубочайшимъ etc. [2]).

463. Л. С. Пушкину. Петербургъ, 3 іюня.—Вотъ тебѣ короткій разсчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи [3]) стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.)—40000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца	5714
Да 14-я часть на сестру	2857
Итого. . .	8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р.

На твою часть придется—15715.

Прежде сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какія у тебя долги въ Тифлисѣ и, если успѣешь,

[1]) Стихотвореніе.

[2]) Въ сочиненіи Ушакова: «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ» (Спб. 1836, т. II, стр. 305) говорится, между прочимъ, и объ участіи Пушкина въ одной перестрѣлкѣ. См. Путешествіе въ Арзрумъ, въ IV томѣ настоящаго изданія, примѣч. къ стр. 437. Замѣтка объ этой книгѣ помѣщена Пушкинымъ въ № 1 «Современника» 1836, стр. 306.

[3]) Псковская деревня принадлежала матери Пушкина.

то купи свои векселя, покамѣстъ кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 іюня.

Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь. — О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистенева. Но видно, отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

464. И. И. Дмитріеву. Петербургъ, 14 іюня. — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастіе найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло [1]).

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй N Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ [2]).

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ мо-

[1]) Смерть матери.

[2]) Во 2-мъ томѣ Современника помѣщено «Увѣдомленіе» о томъ, что появившіеся въ Моск. Вѣдомостяхъ и Литер. Прибавленіяхъ статьи съ подписью И. Д., не принадлежатъ Ив. Ив-чу. Въ Мольеровской комедіи «Амф[illegible]», Меркурій, сынъ Юпитера, принимаетъ видъ Амфитріонова слуги Созія, и дурачитъ послѣдня[illegible]

лодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.— *Александръ Пушкинъ.*

14 іюня. Спб.

---

465. Над. Андр. Дуровой. — Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное — оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно [1]. Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся. — Весь вашъ *А. П.*

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева, у Прачешнаго мосту.

466. А. А. Жандру (черновое). Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ: онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. Я обѣщалъ его тебѣ представить, и отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

[Андрей Андреевичъ Жандръ, пріятель Грибоѣдова, вмѣстѣ съ которымъ онъ передѣлалъ съ французскаго комедію «Притворная невѣрность», былъ директоромъ канцеляріи кн. Меншикова, тогдашняго начальника главнаго морского штаба, и считался его «правою рукою». По поводу этого письма см. замѣтку въ Р. Стар. 1885, № 1, стр. 232.]

---

[1] Придуманное издателемъ Записокъ названіе было отмѣнено, но и Пушкинское не принято. Книга явилась подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-Дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій». (Спб. 1836 г. 2 части). Пушкинъ самъ хотѣлъ было издать эти Записки и напечаталъ изъ нихъ отрывокъ въ Современникѣ (см. т. V настоящаго изд., стр. 297).

467. **Д. В. Давыдову.** Петербургъ, въ сентябрѣ (черновое). Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? [1]) Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура — дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову.... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

---

468. **Н. И. Гречу.** Петербургъ. 13 октября.—М. Г. Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ* [2]).

13 октября. 1836 г.

[На конвертѣ: Его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гречу. За Синимъ мостомъ, на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ.]

---

469. **Бар. М. А. Корфу.** Петербургъ, 14 октября.—Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ [3]). Право, жалѣю, что государ-

[1]) Эта статья, напечатанная въ № 3-мъ «Современника», была представлена на цензуру А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

[2]) Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Греча, отрывокъ изъ котораго приведенъ въ т. II, 177.

[3]) Въ виду работъ Пушкина для Исторіи Петра Великаго, Корфъ прислалъ ему составленный имъ каталогъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи. Письмо Корфа см. въ сборникѣ г. Бартенева «Пушкинъ», I, 74.

ственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употребляю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле — эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный *А. П.*

14 октября.

470. М. Л. Яковлеву. Петербургъ, въ октябрѣ. — Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — *№ 14.*

[Директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ предлагалъ праздновать лицейскую годовщину всѣмъ курсамъ вмѣстѣ. Противъ этого предложенія и возражаетъ Пушкинъ.]

471. П. Я. Чаадаеву (черновое). Петербургъ, 19 октября. — Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très-étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original [1]). Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout-à-fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands évènements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête des Mogoles. Les Tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation chrétienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons dû avoir une existence tout-à-fait à part, qui, en nous laissant chré-

[1]) Извѣстное «Философическое письмо» Чаадаева, напечатанное въ Телескопѣ 1836 г. № 15 и повлекшее за собою запрещеніе этого журнала, ссылку Надеждина и объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ. См. сборникъ г. Бартенева «Пушкинъ». II. 85—94.

tiens, nous laissait cependant tout-à-fait étrangers au monde chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique.

Vous dites que la source où nous sommes allés puiser le christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc. Hé, mon ami! Jésus-Christ lui-même n'était-il pas né juif et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? L'Évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris des grecs l'Évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiov. Le clergé russe, jusqu'à Théophane, a été respectable: il ne s'est jamais soulié des infamies du papisme et certes n'aurait jamais provoqué la réformation au moment où l'humanité avait le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? C'est qu'il est barbu, voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie.

Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage n'est-ce pas cette vie d'effervescence avantureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? L'invasion des tartares est un triste et grand tableau. Le réveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'unité (unité russe, bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief — quoi? Tout cela ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à-demi oublié? Et Pierre-le-Grand, qui à lui seul est une histoire universelle? Et Catherine II, qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? Et Alexandre, qui vous a mené à Paris? Et (la main sur le coeur), ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez vous qu'il nous mettra hors de l'Europe?

Quoique personnellement attaché de coeur à l'Empereur, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi. Comme homme de lettres, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé. Mais je vous jure sur mon honneur que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit, il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épître sont profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose, que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et vérité, ce

mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut; mais je crains que vos opinions historiques ne vous fassent du tort... Enfin, je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part et ne puis vous dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas mousser.

Avez-vous lu le 3-me № du Современникъ? L'article Voltaire et John Tenner sont de moi. Козловскій serait ma providence, s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettres. Adieu, mon ami. Si vous voyez... [1]), dites leur bien des choses. Que disent-ils de vos lettres, eux qui sont si médiocrement chrétiens?

[На послѣдней, четвертой страницѣ рукою Пушкина написано:]

Воронъ ворону глаза не выклюетъ — шотландская пословица, приведенная В. Ск. въ Woodstock.

472. Кн. Н. Б. Голицыну. Петербургъ, 10 ноября.—Merci mille fois, cher prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers lancée contre les ennemis de notre pays [2]). J'en avais déjà vu trois, dont une d'un parfait personnage de mes amis [3]), et aucun ne vaut la vôtre. Que ne traduites-vous pas cette pièce en temps opportun: je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à toutes les vociférations de la Chambre des Députés.

Que je vous envie votre beau climat de Crimée. Votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon Бахчисарайскій Фонтанъ: je suis sûr qu'elle vous réussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous vous adonnez soit le plus difficile que de traduire des vers russes

[1]) Два собственныхъ имени густо зачеркнуты, такъ что нельзя ихъ прочесть.

[2]) Кн. Ник. Бор. Голицынъ (1791—1866), ветеранъ 12-го года, меломанъ и писатель, переводчикъ «Чернеца» Козлова, перевелъ стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» (Aux détracteurs de la Russie, Spb. 1839). Біографическія свѣдѣнія о немъ и списокъ его сочиненій и переводовъ см. въ «Матеріалахъ для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ» (корректурное изд., Кіевъ 1880), стр. 156—160.

[3]) С. С. Уваровъ. См. п. 311.

en vers français, car, vû la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref... Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous [1]).

Adieu; je ne désespère pas de vous voir bientôt d[illegible] capitale, vu votre facilité de locomotion.—Tout à vous *A. Pouchkine.*

473. Кн. В. Ө. Одоевскому. Петербургъ, въ ноябрѣ.—Конечно, Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; по всякое дaяніе ваше благо. Кажется, «письмо тестя» холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ «?». Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ, Сильфиду ли [2]), Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. *А. П.*

474. Ему же.—Статья г. Волкова [3]) въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ея не помѣщу, потому что по моему мнѣнію правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера [4]). Россія не можетъ бросить 3.000.000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы—съ нея и начать... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта

[1]) La fontaine de Bagtché-Saraï, traduction en vers libres par le pr. N. B. Galitzin. M. 1838.

[2]) Повѣсть въ письмахъ «Сильфида» была процензурована 11 ноября 1836 г., а напечатана въ № 1 С[illegible]ника въ 1837 г. Письмо тестя — было передѣлано кн. Одоевскимъ по замѣчаніямъ Пушкин[illegible].

[3]) Матвѣй Степ. Волковъ — полковникъ инженеровъ путей сообщенія, былъ профессоромъ строительнаго искусства. Потомъ онъ долго жилъ въ Парижѣ и въ 50-хъ годахъ издалъ «Письма о френологіи» и пр.—Статья его была напи[illegible]на по просьбѣ кн. Одоевскаго по поводу статьи Наркиза Ив. Тарасенко-Отрѣшкова противъ желѣзныхъ дорогъ. Эпиграфъ статьи: «Бѣда, коль...» и пр.

[4]) Ф. А. фонъ-Герстнеръ, австріецъ, главный учредитель компаніи царскосельской желѣзной дороги, напечаталъ тогда докладъ о выгодахъ ея построенія.

неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ [1]). Я бы желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны.

475. М. Л. Яковлеву. Петербургъ, 19 ноября. — Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичъ! я было тебя звалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другого раза — прости великодушно — не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

[Надпись: «Его высокородію м. г. Михайлу Лукьяновичу Яковлеву. У Казанскаго моста, въ домѣ казенной типографіи». Помѣта Яковлева: 19 ноября 1836.]

476. Ему же.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ:
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни. — А ввечеру тебѣ доставлю. — Весь твой *А. П.*

[На оборотѣ: «М. Л. Яковлеву».]

[По поводу эпиграммы на Смирдина гр. Соллогубъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (М. 1866, стр. 46) расказываетъ, что въ ноябрѣ 1836 г., встрѣтивъ Пушкина въ лавкѣ Смирдина, онъ импровизировалъ

[1]) Противъ желѣзныхъ дорогъ высказывался, въ числѣ прочихъ, тогдашній министръ финансовъ, гр. Е. Ф. Канкринъ.

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь..

Пушкинъ тотчасъ же прибавилъ

Или въ Булгарина наступишь.

---

477. Гр. А. Х. Бенкендорфу. Петербургъ, 21 ноября. — Monsieur le comte! Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à votre excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin de 4 novembre, j'ai reçu trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme [1]. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, j'ai reconnu dès le premier moment qu'elle émanait d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçu, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accolé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heeckeren vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.

Il se trouve que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiak (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m' assurai que la lettre

[1] Вотъ этотъ пасквиль: «Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus reunis au Grand-Châpitre, sous la présidence du vénérable Grand-Maitre de l'Ordre, S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkine coadinteur du Grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre. — Le secretaire perpétuel C-te Borck» (Р. Старина, 1881, VI). Оба анонимныя письма, находящіяся при дѣлѣ о дуэли поэта, совершенно одинаковы по бумагѣ и почерку, и на обоихъ одинаковый адресъ, писанный другой рукою, чѣмъ письмо: «Александру Сергѣевичу Пушкину».

anonyme était de M-r Heckeren, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance. je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être, M-r le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur—*А. Pouchkine.*

21 Novembre 1836.

---

478. Барону Геккерену. Петербургъ, 21 ноября.—Monsieur le baron! Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes.

Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire, et que l'émotion, que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permettrez de dire, Monsieur le baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard, ou soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroite d'ailleurs) a été probablement dirigée par vous: c'est vous, probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de votre fils; et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rendez-moi mon fils».

Vous sentez bien, qu'après tous cela je ne pouvais souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de

la vôtre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne [illegible] pas que ma femme écoute encore vos exhortati[illegible]. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abject[illegible] qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore [illegible] qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, [illegible] en jouant de dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé, M-r le baron, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas. J'ai l'honneur d'être etc.—*A. Pouchki*[illegible].

Письмо это было написано Пушкинымъ 21 ноября 1836, [illegible] ренy только 25 января 1837 г. Черновые его клочки, найден[illegible] бумагъ Пушкина, въ корзинѣ подъ столомъ, напеч[illegible]

479. Кн. В. Ө. Одоевскому. Петербургъ, въ декабрѣ.— Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость [illegible] мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ [1]), то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ.—*А. П.*

480. Н. М. Коншину. Петербургъ, 22 декабря.— Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Ни[illegible] Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуков[illegible] увижу [illegible] сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ — увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо! Все-таки, вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу.. Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе.—*А. П.*

Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Николаю Михайловичу [illegible]

[1]) Иванъ Петровичъ — извѣстный археологъ, работами [illegible] очень интересовался.

481. Кн. В. Ѳ. Одоевскому. Петербургъ, въ концѣ декабря.—Такъ же зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однакожъ не все уничтожатъ. На всякій случай спросъ не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ?

[Въ годичномъ собраніи академіи, 29 декабря 1836 г., Пушкинъ былъ съ А. А. Краевскимъ, и тамъ, указывая ему на М. А. Дундукова-Корсакова, шепнулъ: «а вѣдь сидитъ-то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно, не вертится!» Эпиграмма эта была написана въ сентябрѣ 1835 г

Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?
Оттого, что можетъ сѣсть.

Послѣдній стихъ представляетъ не передѣлку Пушкинскаго, а варіантъ «для дамъ», слышанный А. А. Краевскимъ отъ самого Пушкина.]

482. Кн. П. А. Вяземскому.—Письмо твое прекрасно[1]). Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью какъ она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ нѣкогда дѣлалъ ты и въ «Литературной Газетѣ» со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полевого, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

[1]) Говорится о проектѣ письма кн. Вяземскаго къ С. С. Уварову, относительно терпимости цензуры къ мнѣніямъ, противнымъ провозглашенному Уваровымъ принципу православія, самодержавія и народности. (См. Соч. кн. Вяз., II. 214—226.)

1837.

483. Ѳ. А. Скобельцыну. Петербургъ, 8 января. — Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ взаймы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить. — *А. Пушкинъ.*

8 янв. 1837.

[Скобельцынъ, пріѣхавъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, чтобъ имѣть для нихъ протекцію, прикинулся поклонникомъ Пушкина, Жуковскаго и пр., и вошелъ въ ихъ кругъ, гдѣ его и считали богатымъ человѣкомъ. Письмо Пушкина онъ передалъ кн. П. А. Вяземскому, съ запиской — что не можетъ ничего дать, ибо самъ нуждается. Это—тотъ самый Скобельцынъ, который былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію по приказу императора Павла: «за лицо, наводящее уныніе». У него на правой щекѣ была «мышка», величиною съ куриное яйцо. См. замѣтку кн. П. П. Вяземскаго въ Ист. Вѣстн. 1880. № 6, стр. 59[illegible]]

484. А. О. Ишимовой. Петербургъ, 25 января. — Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

485. Виконту д'Аршіаку. Петербургъ, 27 января. — Monsieur le vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien

que sur la place de rendez-vous. Comme c'est M-r Heckeren qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres russes cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place. Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération. — *A. Pouchkine.*

[illegible] 9½ et 10 h. du matin. 27 Janvier

486. А. О. Ишимовой. Петербургъ, 27 января. — Милостивая государыня, Александра Осиповна. Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ піесы, отмѣченныя карандашомъ: переведите ихъ, какъ умѣете — увѣряю васъ, что переведете какъ нел[illegible] лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу «Исторію въ разсказахъ», и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою *А. Пуш-*[illegible].

27 января 1837

Кромѣ этихъ писемъ Пушкина, въ печати явилось еще нѣсколько, которыхъ мы не внесли въ текстъ, потому что не могли опредѣлить или времени, когда они написаны, или лицъ и обстоятельствъ, къ которымъ они относятся. Приводимъ ихъ въ дополненіе къ предыдущимъ.

487. И. М. Снегиреву. Апрѣль 1829. — М. Г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. — *А. Пушкинъ.*

[Помѣта Снегирева: «Пол. Апр. 9, 1829 г.» Напечатано въ Ист. Вѣст. [illegible]].

488. И. А. Яковлеву. — Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 тысячъ. Во всякомъ случаѣ, ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 тысячъ даны тобою мнѣ взаймы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ куча, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь. Весь твой. *А. П.*

[Рус. Арх. 1882, II, 309].

———

489. Къ неизвѣстному лицу. 1830. (Черновое).—Я охотно взялся бы выкупить векселя (по слѣдующіе вамъ 24,800 рублей обязанъ выплатить въ теченіе четырехъ лѣтъ),—но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣдовательно.... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все, что могу,—за вашъ 25-тысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% въ годъ, т. е. 18 тысячъ рублей. Въ таковомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ, и я не премину, чрезъ васъ, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, доставить вамъ....

[illegible]

---

490. Къ неизвѣстному лицу (черновое).—М. Г. N. N. Вы не знаете правописанія и пишете обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не выдавайте себя за представителя цѣлаго народа и рѣшителя споровъ двухъ литераторовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ [illegible].

Рус. Ст. 1884. № 6. стр. 539. Пи[illegible])

---

491. Къ неизвѣстной дамѣ. 1830 (Черновое).—Vous, vous jouez de mon impatience, vous voulez prendre plaisir à me désappointer, je ne vous verrai donc que demain,—soit! Je ne peux m'occuper que de vous. Quoique vous voir et vous entendre [illegible]rait pour moi le bonheur, j'aime mieux vous écrire que vous parler.

Il y a en vous une ironie, une malice qui aigrissent et découragent. Les sentiments deviennent pénibles et les paroles se glacent en votre presence.

Surement, vous êtes le démon, c'est à dire celui qui doute et nie, comme dit l'Écriture.

Dernièrement vous avez cruellement parlé du passé, vous m'avez dit ce que je tâchais de ne pas croire pendant sept ans... Pourquoi cela?

Le bonheur est si parfait pour moi que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi. Ne m'en parlez donc plus, au nom de Christ... Le remord, si tout est connu, le remord aigu a sa volupté, un regret pareil à... la rage de...

Chère Ellenora, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rappelle et les lectures brûlantes et le doux phantôme qui me sédui-

sait alors, et votre [illegible] existence [illegible]. Il [illegible]-rente de [illegible] qu'elle [illegible] être.

[illegible] vous [illegible] c'est à vous que je dois d'avoir [illegible] plus doux... De [illegible] il ne m'est [illegible] qu'un [illegible] le surmonter. Si jamais vous [illegible] penserez: il est [illegible] du passé, [illegible] encore. N'est-ce [illegible]

Cependant si [illegible] chose, je ne sais [illegible] est bien vulgaire, [illegible] Le fait est qu'il [illegible] le front. Cette [illegible] comme une [illegible] quelque temps [illegible]

[Рус. Стар. [illegible] № 11. [illegible]

[illegible]
[illegible]

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМЪ.

[illegible]

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПУШКИНА.

[illegible] хъ, гдѣ то или др[illegible] было [illegible] указано [illegible] „[illegible]рали“ г. Анненкова [illegible] вчена произ[illegible]ія, имѣющіяся въ рукоп[illegible] [illegible]узея, а также и тѣ [illegible] е печатались [illegible] рукописями [illegible] [illegible]жила (Русск. Стар[illegible] настоящемъ [illegible]. Произ[illegible] шедшія въ [illegible], отмѣчены [illegible]точкою.

1811.

L'[illegible]ur.—La Tolyade.—[illegible]

1812.

П[illegible] [illegible]езія.—Посм. изд. 1[illegible]
И[illegible] Русс. Музеумъ [illegible] 17—14.

1814.

К[illegible] — Изд. 1855. [illegible] Библ. Зап. 1858 [illegible]
К[illegible] [illegible]ихотворцу.—Ко[illegible]а [illegible] [illegible]14. № 13.
Э[illegible] Цезарь.—Леда.—[illegible]
В[illegible] Записи.—В. Евр. 181[illegible]
К[illegible] которая нюха[illegible] [illegible]д.—Р.
St[illegible] Изд. 1855
К[illegible]І.—Къ молодой [illegible] [illegible]д., испр. въ изд. [illegible]
О[illegible] — В. Евр 1814 № [illegible] [illegible] 14—16.
Б[illegible]. — В. Евр. 181[illegible]
И[illegible] студенты. — Посм. изд., [illegible] „Пирующіе др[illegible]“. [illegible] Зап. 1858, № 10, [illegible] Н. В. Гаевскаго Совр. [illegible] VIII [illegible]
К[illegible]кову. — Р[illegible] М[illegible] 181[illegible] Анненкова [illegible] VII [illegible] 1853, № 10.

Къ Н. Г. [illegible]осову.—[illegible] 181[illegible], № 3. [illegible], изд. [illegible] воръ [illegible] стихотвор[illegible] [illegible] ше[illegible] и съ прим[illegible] торъ [illegible] то [illegible]-и [illegible]
Романсъ.—[illegible] [illegible] 18[illegible] пом. [illegible] Библ. Зап 1858 [illegible]
Mon portrait.—Маль [illegible]), [illegible] 111, [illegible] пе[illegible]ево[illegible] [illegible] Коре[illegible]
Городокъ.—Р[illegible] Музеум[illegible] (съ про[illegible], позе [illegible] Библ. [illegible] 1851, № 9).
Эпиграммы:
1 Ар[illegible]мъ об[illegible]
2 По[illegible]іе француз[illegible] — [illegible] Мр [illegible], № 7; [illegible] 14—16.
3 На [illegible] Клита.—[illegible] 18[illegible], VII. 14.
4 На [illegible] А. К. Ра[illegible] 18[illegible] 1 55.

1815.

Б[illegible] — [illegible] Му[illegible] 181[illegible], [illegible] Зап. 18[illegible], № 10 [illegible] ча[illegible] [illegible]ція [illegible] по [illegible] Пушкин[illegible] „[illegible] подпис[illegible] Андр. [illegible] [illegible] Ср[illegible] Рус. Арх. 18[illegible], № 10.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.— Росс. Муз. 1815, № 4.— Р.
Вишня.— Изд. Анненкова, т. VII; Библ. Зап. 1861.
Бова.— Посм. изд. (съ пропусками, пополненными въ изд. Исакова: „Народныя русскія сказки А. С. Пушкина", Спб. 1873).
Наполеонъ на Эльбѣ.— Сынъ Отеч. 1815. №№ 25—26. Подпись: 1... 14—17
Лицинію.— Росс. Муз. 1815, № 5. Подпись 1... 17—14.
Къ А. И. Галичу.— Росс. Муз 1815, № 8. п. з. „Г—у."— Библ. Зап. 1858, № 10.— Р.
Старикъ.— Первоначальная редакція — Росс. Муз. 1815. № 5. съ подпи[illegible] Александръ Н.—П. Въ исправл. видѣ — въ изд. 1826.
Къ И. И. Пущину.— Росс. Му[illegible]
Къ Батюшкову.— Росс. Му[illegible]
Вода и вино.— Росс. Муз. [illegible]
Погребъ.— Посм. изд.
Воспоминаніе.— Посм. изд.— Р
Мечтатель.— Росс. Муз. 1815, № 19.
Кн. А. М. Гор[illegible]
[illegible]
Къ Дельвигу.— Посм. изд.: [illegible] 1880. I. 99.— Р
Развязокъ и любовь.— Сражен[illegible] [illegible]арь.— Мое завѣщаніе.— Посм. изд.— Р
Къ живописцу.— Пам. отеч. музъ 1827.— Р
Роза.— Изд. 1826.— Р
Гробъ Анакреона. Труды Общ. люб. р[illegible] слов. 1818. X. 78. Изд. 1826.— Р
[illegible] въ Рус. Ст. 1884, февр.— Р.
На возвращеніе государя (въ декабрѣ) — Труды Общ. л. р. слов. 1817, IX, 25
Къ баронессѣ М. А. [illegible] Анненкова, т. VII.
[illegible] Росс. Муз. 1815, № 10 [illegible]езъ означенія имени въ 1-мъ стихѣ и съ подпис[illegible]
Эпиграмма: „Бывало, прежнихъ лѣтъ г[illegible]рой..." Росс. Муз. 1815, № 6. [illegible]
Моему Аристарху.— Изд. 1855.— Р
Лицейскія записки.— Изд.

1816.

Фавнъ и пастушка.— Пам. отеч. музъ 1827 (отр.).— Библ. Зап. 18[illegible] Изд. 1880. I. 113
Къ Морфею.— Пол. Звѣзда 1824.— [illegible] редакція („Сну")— въ посм. изд.— Р.
Къ Машѣ.— Посм. изд.
Пирушевая пѣсня.— Изд. Анненкова. т. VIII.
Заздравный Кубокъ.— Пам. отеч. музъ 1827.— Библ. Зап. 1858, № 10.— Р.
Усы.— Посм. изд.— См. [illegible] скаго въ Фуссу отъ 30 ма[illegible] Рус. Арх. 1864, № 10
Желаніе (В. Л. Пушкину).— [illegible] кова. VII.— Библ. За[illegible]
Посланіе Лидѣ.— Сѣв. На[illegible] № [illegible]
[illegible]
Анакреона.— Посм. изд.— Р
Наѣздники.— Посм. изд. („Наѣздники").— Р.
Посланіе къ кн. А. М. Г[illegible] Совр. 1856, № 11
Сонъ.— Къ принцу Оранскому.— Къ Наташѣ.— Посм. изд.
Желаніе.— Пам. отеч. муз[illegible]
Осеннее утро.— Посм. изд.
Разлука.— Посм. изд.— Р.
Элегія: Я думалъ, что любовь... Рус. Ст. 1884, февр.— Р.
Элегія: Счастливъ, кто въ страсти. Посм. изд.— Р
Наслажденіе.— Посм. изд.— Р.
[illegible]
Боже, царя храни.— Посм. и[illegible]
[illegible]къ В. Л. Пушкину.— С. Отеч 1821. № 11
Къ письму.— Посм. изд.
Эпиграммы:
1) Скажи, что новаго?— Посм. изд.
2) Больны вы, дядюшка?— Совр. 1863. VII. 143.
3) Твой и мой.— Посм. изд.— Р.
4) Экспромптъ на А.— Посм. изд.
5) На Пучкову — первая въ Совр. 1863, VII, 143; вторая и третья — въ Рус. Ст. 1884, мартъ
6) Надпись на мой портретъ.— Рус. Ст. 1884, мартъ.
7) На Кюхельбекера.— Совр. 1863, VII. 14[illegible]
8) Она.— Посм. и[illegible]

Сѣв. Наблюд. 1817, № 2 („Эпиграмма на смерть стихотвора").

Лицейскія записки.

1817.

Къ молодой вдовѣ.—Посм. изд.—Р.

Къ Жуковскому.—Сынъ Отеч. 1840, ч. II.

Дельвигу: Любовью, дружествомъ и ... 1826. Первонач. ред.— ... изд. и Библ. Зап. 1858.—Р.

Стансы: Ты мнѣ велишь пылать душою...

Именины.—Посм. изд.

Безвѣріе.—Труды Общ. л. р. слов. 1817, X; Библ. Зап. 1858.—Р.

Къ П. П. Каверину.—Моск. Вѣст. 1828. № 17. Первон. ред.—въ ... 1829.—Р.

Посланіе къ В. Л. Пушкину.—Пол. Звѣзда 1824 (отрывки). Библ. Зап. 1858, № 11.

Добрый совѣтъ.—Посм. изд.

... товарищамъ.—Посм. изд.—Р.

31 мая. Въ ...—Посм. изд.

Въ альбомъ Пущину.—Посм. изд.

9 іюля. Разлука.—Невскій Зритель 1820,

... 71. VII. 198.

Къ портрету Каверина.—Посм. изд.

... Изд. 1826 (Къ***).

Къ ней.—Изд. 1855.

Торжество Вакха.—Изд. 1826.

10 сентября. Прощаніе съ Тригорскимъ.—

30 ноября. Кн. Голицыной.—Молва 1857, №

1) Какъ брань тебѣ не надоѣла.—Посм. изд.

2) Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный.—Посм. изд.—Р.

3) Добрый человѣкъ.—Посм. изд.—Р.

1818.

Юрьеву.—Сѣв. Звѣзда 1829 („Ю—ву").

2 марта. Кривцову.—Посм. ... пусками); Библ. Зап. 1861

Въ мартѣ. * Noël.—Берлинское изд. 1861:

съ пропусками); Рус. Арх. 1876. №

Прелестницѣ.—Невск. Зрит. 1820, № 4.

Мечтателю.—С. Отеч. 1818. № 51. Подпись: Св . . ч . к . (т. е. „Сверчокъ", арзамасское прозвище Пушкина).—

Къ портрету Жуковскаго. — Изд. 182... первон. ред. въ Благонамѣр. 1818. ч. III.

Жуковскому.—Сынъ Отеч. 1821. № 52 и

1) Двѣ на Карамзина.—„Утро" ...дина, кн. III.

2) На кн. А. Н. Г...

3) На Фотія.—Библ. Зап. 18...

Ты и я: Ты бога... Изд. 1880 (отр...

Она тогда ко мнѣ придетъ... Изд. 18... I. 228

Черновые наброски—въ Рус Стар. 1881 Р.

и Людмила"

1819.

8 марта. Уныніе. Изд. 1826.—Р.

30 марта. К... Рус. Стар. ...

Іюль. Орлову.—Сѣв. Звѣзда 1829 (съ пропусками); Библ. Зап. 1858, № 11; Рус. Арх. 1876, № 10.—Р.

Домовому.—Пол. Звѣзда ...

Отвѣтъ на вызовъ.—Сорев... и благотв. 1819. № 10

27 ноября. Всеволожскому. — ... (съ пропусками); Рус. Стар. 1880, № 1

Кн. Горчакову.—Раутъ 1854, кн. III. 2

...ь.—Мнемозина 1824, кн. („Вечеръ").—Р

На А. М. Колесов...

Н. С. Семеновой.—Рус. Рѣчь 18...

1820.

Русланъ и Людмила.—Отд. изд.—Р.
Дорида.—Невскій Зритель 1820, № [illegible]
Дориде.—Невск. Зрит. 1820, № [illegible]
Оленьке Массонъ.—Изд. Ан[illegible] („Ольга“).
Платонизмъ.—Библ. Зап. 1858, № 1[illegible]
Въ апрѣлѣ. Мнѣ бой знакомъ... — Изд. 1860 (ошибочно [illegible]
Вольность.—Берл. изд. 1861 [illegible]
Эпиграммы на Аракчеева.—Изд. 1880
26 іюня.—Эпилогъ къ „Руслану“.—Сынъ Отеч. 1820. № 38.—Р. И. [illegible]
Въ августѣ — начатъ Кавказскій Плѣнникъ.—Р.
Въ сентябрѣ. Погасло дневное свѣтило... Сынъ Отеч. 1820. № 46 („Элегія“).
Элегія: Увы, зачѣмъ... Пол. З[illegible] Р.
О дѣва-ро[illegible] Изд. 1826 („Подражаніе турецкой [illegible]“).—Р.
Виноградъ.—Изд. 1826.—Р.
Нереида. — Рѣдѣетъ облаковъ... Пол. [illegible]—Р.
[illegible]
[illegible] Бахчисарайскаго дворца. [illegible] Р.
Дочери Карагеоргія.—Изд. 1826.—Р.
Черная шаль.—Сынъ Отеч. 1821. № 1[illegible]
20 октября. Мнѣ васъ не жаль... — Р. И. Б-ки.
Эпиграммы (на Каченовскаго, Когда бы писать... и на Толстого).— Рус. Арх. 1865. № 12.—Р. И. Б-ки.
Черновые наброски.—Маг. и Р.

1821.

8 февраля. Земля и море.—Новости Литературы [illegible] № 1.—Р.
Дѣва. — Сор[illegible] просвѣщ. и бла[illegible]
Іонея. По[illegible] нач. р[illegible]—Р.
Красавица передъ зеркаломъ.—Соревнователь пр[illegible] № [illegible]—Р.
14 февраля. [illegible] Отеч. 1821. № 23.—Р.
Желаніе: Кто видѣлъ край... Посм. изд. —Р.
20 февраля оконченъ Кавказскій плѣнникъ.—Отд. изд.—Р.
22 февраля. Я пережилъ свои желанья.. Новости Лит. 1823. № 48
Февраль—мартъ. Къ Аглаѣ. — Изд. Анненкова, VII.—Рум. Муз. и И. Б-ка.
2—9 апрѣля. Кишиневскій дневникъ. — Мат. и Р.
5 апрѣля. Катенину.—Изд. 1826.
6 апрѣля. Чаадаеву: Въ странѣ, гдѣ я забылъ... Сынъ Отеч. 1821. № 35
11 апрѣля. Къ моей чернильницѣ.—Посм. [illegible] Р.
15 мая. Эпилогъ къ Кавказскому Плѣннику. — Приписки къ Кавказскому [illegible] Изд. Анненкова. VII.—Р.
Наперсница волшебной старины... Маг. [illegible]
Сътованіе. — Посм. изд. [illegible]
[illegible]ь.—Рус. Арх. 1876, № 10. — Р. И. Б-ки.
Алексѣеву.— Пол. Зв. 1825.—Р.
Гробъ юноши.—Изд. 1826.—Р.
18 іюля. Кишиневскій дневникъ.—Мат. и Р.
Іюль. Наполеонъ. — Изд. 1826 ([illegible]пускомъ строфъ 4, 5, 6, 8 и 3-го стиха 10-й): изд. Анненкова. VII. Библ. Зап. 1858.—Р.
23 августа. Элегія: Умолкну скоро я... Изд. 1826.—Р.
24—25 августа. Къ ***: Мой другъ, за[illegible]ты мной... Нов. [illegible] 1825. № 3.— Р.
Осенью. Программы и отрывки комедіи (II. 310—313).—Мат. и Р.
Отрывки изъ журнала греческаго возстанія.—Анненковъ, Пушк. въ Алекс. [illegible]
[illegible] (V. 9).—Р. И. Б-ки.
П[illegible] Пѣсни Пѣсней: Въ крови [illegible] Изд. 1826.—Р.
[illegible]
[illegible]
П. С. Пущину.—Анненковъ. Пушк.
Г-жѣ Эйхфельдтъ. — Въ дневникѣ В. П. Горчакова. — Москвит. 1850. № 3.
Лишь страшно полюбить... Изд. Анненкова. VII. — Р.
Всегда такъ будетъ и бывало... Изд. Анненкова. VII
29 ноября. Война.—Пол. Зв. 1823 („Мечта воина“).—Р.
26 декабря. Къ Овидію. — Пол. Звѣзда 1823.—Р.
Въ концѣ года. Братья-разбойники.
Эпиграммы:
1) На Каченовскаго [illegible] Пушкину 24 янв. 1822). — Библ. Зап. 1858. № 1.—Р.
2) Составленъ онъ изъ подлой спѣси... Р. И. Б-ки.
Черновые наброски (I, 264 — 270): 1-й, 5-й и 8-й—въ Маг; три [illegible]. — въ Рус. Арх. 1880 трети — въ рук. И. Б-ки: остальные — въ рук. Рум. Муз. (Рус. Ст. 1884).

1822.

22 января. У Клариссы денегъ мало... [illegible] („Совѣтъ“).—Р.
[illegible] вашъ сумракъ... Моск. Телегр.

[illegible] посм. изд. (пер- [illegible] Р.
[illegible] Р.
[illegible] 18[illegible].
[illegible] Р.
[illegible] Р.
Узникъ.—Изд. 1832.—Р. II. Б-ки
1 марта. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.—Сѣв. Цвѣты 1825.—Р.
12 апрѣля. Еврейкѣ.—Изд. [illegible] Р.
13 мая. Птичка.—Литер. Листы 1823, № 2.
28 [illegible] гл[illegible]а Евг. Онѣгина.—Р.
Уединеніе.—Изд. 1826.—Р.
Пріятелю.—Изд. 1826.—Р.
Баратынскому.—Сѣв. Цвѣты 1826.—Р.
Гречанкѣ.—Пол. Звѣзда 1823.—Р.
2 августа. Историческія замѣчанія (V. 10).—Библ. Зап. 1859; Рус. Ст. 1880, № 12.—Р.
10 августа. Евгеній Онѣгинъ, гл. I, стр. XXXIII
Бахчисарайскій Фонтанъ. Отд. изд.—Р.
Замѣтка о слогѣ (V. 15).—Р
Царь Никита.—Изд. 1880.—Р.
Ноябрь. Адели.—Пол. Звѣзда 1824.—Р.
О. Н. Глинкѣ.—Моск. Вѣдом. 1855, № 145 (отрывокъ); Совр. 1856, № 7.—Р.
Жалоба.—Посм. [illegible] (съ замѣной имени „Сѣверинъ“ словомъ „господинъ“).—Р.
Русскому Гесп[illegible] анѳологіи М. Яковлева.
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати... Аль[illegible] „Уранія“ 18[illegible].
Черновые наброски.—Мат. и Р.

1823.

Телѣга жизни.—Моск. Тел. 1825, № 1.
Демонъ.—Мнемозина 1824 („Мой демонъ“); Сѣв. Цвѣты 1825.
Кн. Голицыной.—Карм. книжка для любителей рус. старины и словесности, 1830.—Р
*Поэма, отрывки изъ которой помѣщены въ т. II, 342.—Отрывки въ жур. Время 1861. № 7; Библ. Зап. 1861. № 19; берл. изд. 1861; Совр. 1869, № 7. Рус. Арх. 1867, № 10. Полная копія—въ портфеляхъ С. Д. Полторацкаго, въ Рум. Муз.
22 сентября кончена I глава Евгенія Онѣгина.—Р.
Въ октябрѣ. Элегія (г-жѣ Ризничъ). Пол. Зв. 1824.—Р.
Ненастный день потухъ... Изд. 1826.
26 октября. Ночь.—Изд. 1826.—Р.
Возстань, о Греція... Изд. Анненкова, VII.
Въ ноябрѣ. Сказали разъ царю... Изд 1870.—Р.

1 декабря. Сѣятель.—Рус. Арх. 1866. № 4.—Р.
8 декабря кончена II глава Евгенія Онѣгина.—Р.
Въ декабрѣ. Отрывокъ (Недвижный стражъ дремалъ...). Совр. 1857, № 11; Рус. Арх. 18[illegible], № 10.—Р.
[illegible] начата [illegible] Р.
Надгробная надпись кн. А. Н. Голи[illegible] 1858. № [illegible]

1824.

8 февраля начата III глава Евгенія Онѣгина.—Р.
Въ февралѣ. Все кон[illegible] нѣтъ... Мат.—Р.
Въ апрѣлѣ. Письмо къ издателю Сына Отечества (V. 17).—С. О. 1824. № 18
А. Л. Давыдову.—Моск. Вѣстн. 1829
19 мая. Иностранкѣ.—Изд. 1826.—Р
Въ іюнѣ. Тимковскій царствовалъ... Берл изд. 1861. Совр. 18[illegible]
Эпиграмма на Воронцова.—Рус. Арх. 1876. № 10.
Экспромтъ о саранчѣ.—Москвит. 1851, № 9.
Въ іюлѣ. Къ морю.—Мнемозина 1824. кн. IV; Библ. Зап. 1858. № 11.—Р
Въ августѣ. Аквилонъ.—Литер. [illegible] Рус. Инв. 1837, № 1.
26 августа. Прозерпина.—Сѣв. Цвѣты 1825.—Р.
Испанскій романсъ.—Литер. Музеумъ 1827, съ музыкой Верстовскаго.
20 сентября. Къ Языкову.—Литер. Га[illegible] 1830. № 16.—Р.
26 сентября. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.—При отд. изд. I главы Онѣгина. [illegible] Р.
[illegible] Аннен[illegible], VII [illegible] Зап. 1858. № 11: изд. 1870. Второе—въ Р.
2 октября кончена III гл. Евг. Онѣгина.
10 октября кончена поэма „Цыгани“.
18 октября. Коварность.—Моск. Вѣстн. 1828. № 6
Подражаніе Шенье. (Ты вянешь и молчишь)... Изд. 1826
Подражаніе Корану.—Изд. 1826.—Р.
Признаніе.—Библ. для Чт. 1837, № 5.
Ода гр. Хвостову.—Изд. Анненкова, VII
Въ ноябрѣ. Эпиграмма на наводненіе Время 1863, № 2.
19 ноября. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ.—Мат. и Р.
Эпиграммы:
1) Воспитанный подъ барабаномъ... Рус. Вѣстн. 1869, XI.
2) Охотникъ до журнальной драки.. Изд. 1826.—Р.
3) Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ.—Р.

4)* Насильно Зубову мила... Берл. и [illegible] 1861

Замѣтки: 1) О стихотвореніи „Демон[illegible]" 2) О причинахъ, зам[illegible] нашей словесности; 3) О вдохновеніи и восторгѣ.— Мат

Черновые наброски. — Мат. и Р

Въ концѣ года начатъ „Борисъ Годуновъ".

31 декабря. Онѣгинъ, гл. IV, стр. XXIII.

1825.

1 января. Онѣгинъ, гл. IV, стр. XXIII

11 января (пріѣздъ И. И. Пущина въ Михайловское). Стрекотунья [illegible] Мат.

25 января. Пріятелямъ. — Моск. Телегр. 1825, № 3 („Журнальнымъ пріятелямъ"). — Р

Въ январѣ. Андр[illegible] Изд. 1826 (с[illegible] т. I. 338—339 и 20-[illegible] Библ. Зап. 1858.—Р.

Сожженное письмо.—Изд. 1826 — Р

[illegible] пѣсня.—Изд. 1826.— Р.

Подражаніе Пѣсни Пѣсней (Вертоград [illegible] сестры...). — Моск. Вѣсти. 1829. [illegible] — Р.

3 февраля. Къ имениницѣ. — Изд. Анненкова. VII

[illegible] жизнь тебя обманетъ... Моск. Телегр. 1825. № 7 („Стихи въ альбомъ").

[illegible] ифо.—Изд. 1826 („Юноша").

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ... Ист. Вѣсти. 1883. № 2.

Въ маѣ. Живъ, живъ Курилка. — Соврем. 1857. № 7.

Козлову.—Изд. 1826.

А. Г. Родзянко (Наперсникъ Фе[illegible] [illegible] для Чт. 1859. № 3.

[illegible]патра.—Соврем. 1837, VIII.

9 іюня. О г-жѣ Сталь и г. Мухановѣ. Моск. Тел. 1825. № 12

25 іюня. П. А. Осиповой. — Сѣв. Цвѣты 1829 („Въ альбомъ П. А. О."

Въ іюнѣ. Ex ungue leonem.—Моск. Телегр. 1825. № 1[illegible]

7 іюля. Желаніе славы.— Соревн. пр[illegible] и благотв. 1825. № 5

19 іюля. Къ А. П. Кернъ.—Сѣв. Цв. 1827 („А. П. К.").

Въ іюлѣ. А. Г. [illegible]

[illegible] № [illegible]

Писатель и поэтъ.— [illegible] № 4

[Д]виженіе. — Дружба.— Соловей и кукушка.—Совѣтъ.—„Уранія" 1826.

Оконченъ „Борисъ Годуновъ".—Отд. изд. Спб. 1831.—Р.

12 августа. О предисловіи Лемонте. — Моск. Телегр. 1825, № 17

Въ августѣ окончена IV гл. Онѣгина.—Р

16 октября. Пос[illegible] 1838. IX.

19 октября. Лицейская годовщин[illegible] Цвѣты 1827.—Извѣстія Ак. На[illegible]

Осенью. [illegible]

[illegible] — Мат. и Р.

[illegible]

Историческая программа [illegible] — Мат.

Воображаемый разговоръ съ имп. Александромъ.—Рус. Арх. 188[illegible] — Р.

[illegible]ръ.—Сѣв. Цв. 1830

[illegible] Невскій Альманахъ [illegible]

[illegible]

Буря. — Моск. Вѣсти. 1827. № 2.

Черновые наброски. Мат. и Р.

Въ концѣ года. Графъ Нулинъ.

1826.

4 января начата V гл. Евг. О[нѣгина]

Сцена изъ Фауста.— Моск. Вѣсти. 1[illegible] № [illegible]

1 Іюля. Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ.—Изд. Анненкова. VII

29 іюля. На смерть г-жи Ризничъ.—Сѣв. Цвѣты 1828.— Р

10 августа. VI гл. Онѣгина (строфа XL[illegible]

Въ сентябрѣ. Пророкъ. — Моск. Вѣсти. 18[illegible] № [illegible]

20 октября. Е. А. Тимашевой.— Рад[illegible] 1830 („Къ женщинѣ-поэту"); Наше Время 1862, № 22[illegible].

1 ноября. Къ ***: Зачѣмъ безвременну[illegible] [illegible]у... Моск. Вѣсти. 1827. № [illegible]

[illegible]рога.—Моск. Вѣсти. 1827. № [illegible]

[illegible] Вяземскому. — Р. Арх. 1867. [illegible]

[illegible]анскому.— [illegible]

15 ноября. [З]аписка [illegible] ганіи. — [illegible] Вѣсти. 1884. № 1 [illegible]

13 декабря. И. И. П[illegible]

22 декабря. Стансы [illegible] и добра... Моск. Вѣсти [illegible] № 1

Эпиграмма: * Встарь [illegible]

[illegible]

[illegible] — Р.

1827.

19 февраля. Евгеній Онѣгинъ [illegible] VIII

Ангелъ.—Сѣв. Цв. 1828.

[illegible] Муз[illegible] 18[illegible].

Сововей.—Литер. Музеумъ 1827.
Посланіе въ Сибирь. — Рус. Арх. 1874. № 9.
1 апрѣля. Есть роза дивная... Библ. Записки 1859. № 6.
3 апрѣля: Е. Н. Ушаковой.— Библ. Зап 1859, № 6.—Р
Кн. З. А. Волконской. — Моск. Вѣстн. 1827, № .
Гр. К. — „Молодикъ“, альм. 1844.
Кн. С. А. Урусовой.—Изд. 1880, II, 167.
Кн. Хованской.—Отрывокъ въ изд. 1880, II. 167.—Р.
Эпиграммы:
1) На А. Н. Муравьева. Моск. Вѣстн 1827. № 8.
2) Кн. Мещерской.— Рус. Арх. 1875, № 9.
3) Черна, какъ галка.—Изд. 1880.
14 іюля. Языкову (Къ тебѣ сбирался я давно).—Сѣв. Цвѣты 1829.
16 іюля. Аріонъ.—Лит. Газ. 1830, №
27 іюля. Три ключа. — Отеч. Зап. 1841. № 1.
31 іюля. Земли достигнувъ наконецъ.. (II. 26). — Р.
Черепъ.—Сѣв. Цв. 1828. — Р
15 августа. Поэтъ. — Моск. Вѣстн. 1827, № 23.—Р.
28 августа. Языкову (Языковъ, кто тебѣ внушилъ...).—Моск. Вѣстн. 1827, № 9
17 сентября. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ... Невск. Альман. 1828 („Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье“). — Р
15 октября. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ. Мат.; Библ. Зап. 1859: изд. 1880.
19 октября. Лицейская годовщина.—Славянинъ 1830, ч. XV („Товарищамъ мо...“)
Золото и булатъ. — Моск. Вѣстн. 1827. № 11
Эпитафія младенцу Волконскому.— Изд. 1880
Осенью. Переводъ изъ Альфіери.—Мат. и Р.
Отрывки изъ путешествія Онѣгина Мат., Р. Арх. 1880 и Р
Арапъ Петра Великаго. — Совр. 1837. V. — Р
О Байронѣ. — Мат. и Р
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія. —Сѣв. Цвѣты 1828 и Мат
О смѣлости выраженій. — Р.

1828.

12 февраля. Предисловіе къ 2-му изд. Руслана и Людмилы
Прологъ къ Руслану и Людмилѣ
Предисловіе къ 2-му изд. Кавказскаго Плѣнника.
Друзьямъ. — Изд. Анненкова, VII
Великопольскому.—Сѣв. Пч. 1828, № 9.
Городъ пышный, городъ бѣдный... Сѣв. Цв. 1829.
Ея глаза.—Сѣв. Звѣзда 1829 („Пріятелю, сравнившему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами“; вм. имени Олениной поставлено: Элодія)
Каковъ я прежде былъ... Изд. 1832 „Отрывокъ изъ А. Шенье“.
Портретъ. — Сѣв. Цв. 1829.
Не пой, красавица... Сѣв. Цв. 1829.
Къ***. — Посм. изд. — Р.
Наперсникъ.—Сѣв. Цв. 1829. — Р.
Цвѣтокъ.—Галатея 1829. ч. 1.
9 мая. 1) To Dawe Esq-r — Сѣв. Цв. 1829 (безъ имени Олениной).
2) Увы, языкъ любви болтливой ..Мат.—Р.
19 мая. Воспоминаніе. Сѣв. Цв. 1829 (первая половина); Мат. (вторая половина)
23 мая. Ты и вы.—Сѣв. Цв. 1829.—Р.
26 мая. Даръ напрасный, даръ случайный... Сѣв. Цв. 1830.
Предчувствіе.—Сѣв. Цв 1829.—Р.
Шотландская пѣсня.—Сѣв. Цв. 1829.—Р
14 іюня. Н. Д. Киселеву.— Рус. Арх. 1874. № 6.
15 іюня. Волненьемъ жизни утомленный. (II. 60). — Р.
Я думалъ, сердце позабыло... Мат.
Энгельгардту.—Изд. Анненкова, VII
Вельяшевой.—Сѣв. Цв. 1830
А. Н. Вульфъ.—Изд. Анненкова, VII.
3 октября. Полтава, пѣснь I
Рифма, звучная подруга... Мат. и Р
9 октября. Полтава, пѣснь II
16 октября. Полтава, пѣснь III.
19 октября. Лицейская годовщина.— Отеч. Зап. 1861. № 11
27 октября. Полтава, посвященіе.
4 ноября кончена VII гл. Онѣгина.
9 ноября. Анчаръ.— Сѣв. Цв. 1832.
10 ноября. Отвѣтъ Катенину. Сѣв. Цв. 1829
Опричникъ.—Совр. 1838, XI.—Р.
Утопленникъ. —Моск. Вѣстн. 1829. I.
Чернь (Ямбъ).— Моск. Вѣстн. 1829, I.
Къ ... Валленродъ. — Моск. Вѣстн 1829. I.
Сленину.—Сѣв. Цв. 1829
Филимонову.—Невскій Альбомъ 1841.
Подражаніе Анакреону.—Сѣв. Цв. 1829
Около 26 ноября. Отвѣтъ Готовцовой. Сѣв. Цв. 1829.
Любопытный.—Сѣв. Цв. 1829.
Собраніе насѣкомыхъ. — Подснѣжникъ 1829
Н... —Сборникъ стих. спб. 1857. I.
29 декабря. Плетневу (посвященіе)
Черновые наброски.—Мат. и Р.

1829.

31 января. Предисловіе къ Полтавѣ
Примѣты.—Подснѣжникъ 1829.
Въ альбомъ.— Лит. Газ. 1830. № 20
Я васъ любилъ... Сѣв. Цв. 1830.
Къ А. П. Кернъ.—Лит. Газ. 1830, № 13 (Къ ***).
Ек. Н. Ушаковой: Вы избалованы природой... Галатея 1829, № 5: изд. 1829.
Ей же: Въ отдаленіи отъ васъ... Би[illegible]. Зап. 1859, № 6.
15 — 22 мая. Путешествіе въ Арзрумъ, [illegible]
15 мая. Отрывокъ: На холмахъ Грузіи.. Сѣв. Цв. 1831.—Р.
22 мая. Калмычкѣ. — Лит. Газ. 1830. № 38 (подпись: К. р. с., анаграмма пр[illegible]вина „Све[illegible]“ [illegible] Р
5 іюля. Изъ Гафиза.—Альманахъ „Царское Село“ 1830.
14 іюля. Критонъ, роскошный граж[illegible]нинъ... Мат.—Р.
Донъ. — Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1831, № 83.
7 сентября. Дели[illegible]
Монастырь на Ка[illegible] [illegible]1.
20 сентября. Кавказъ. — Лит. Га[illegible]1. № 1
2 октября. Евг. Онѣгинъ, гл. VIII, стр X. XI и XII.
4 октября. Дорожныя жалобы.—Сѣв. Цв 1832
29 октября. Обвалъ.—Сѣв. Цв. 1831
Олеговъ щитъ.—Сѣв. Цв. 1830
Осенью. Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей. Сѣв. Цв. 1830: Ист. Вѣстн. 1884. № [illegible].
Литературное общество. — Р.
Эпиграммы на Каченов[illegible]:
1) Литературное изв[illegible] 1829
2) Обиженный журналами... Моск. Тел. [illegible]
3) Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій... Тамъ же.
4) Какъ сатирой безымянной... Моск. Тел. 1829. ч. 29.
Эпиграммы на Надеждина:
1) Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.. Сѣв. Цв. 1830
2) Картину разъ [illegible]матривалъ сапожникъ... Совр. 1836, III.—Р.
3) Надѣясь на мое презрѣнье... Р.
Передъ бюстомъ.—Мат.
Къ NN: Счастливъ ты въ [illegible]прелестныхъ дурахъ... Сѣв. Цв. 1830.
Поэтъ-игрокъ... Мат.
Начата поэма „Галубъ“.—Р.
Замѣтка о Ромео и Юліи Шекспира. Сѣв Цв. 1830.
Загадка (Дельвигу) — Царское С[illegible] 1830.
2 ноября. Зима. Что дѣлать намъ... Сѣв Цв. 1830.—Р.
3 ноября. Зимнее утро.—„Царское Се[illegible]“ 1830.—Р.
14 декабря. Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ. — Мат.—Р.
23 декабря. Элегическій отрывокъ [illegible]-Моск Вѣсти. 1830. № 11.—Р.
24 декабря. Начало VIII гл. Онѣгина
26 декабря. Стансы: Брожу ли я... Лит. Газ. 1830. № 2.—Р.
Замѣтка о некрологіи Раевскаго. — Лит. Газ. 1830. № 1 (1 янв.).

1830.

О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича Ли[illegible], [illegible] 1830, № 2 **(6 янв.)**.
Отвѣтъ (Е. Н. Ушаковой). — Лит. Га[illegible] 1830, № 3 **(11 янв.)**.
О литературной критикѣ.—Тамъ же.
Циклопъ.—Москвит. 1841. № 10.
Объ исторіи Полевого, ст. 1-я. — Лит. Газ., № 4 **(16 янв.)**
19 января. Стансы (митр. Филаре[illegible] Лит. Газ. № 12.
О романѣ „Юрій Милославскій“. — Лит Газ., № 5 **(21 янв.)**.
О Запискахъ Сам[illegible]
На переводъ Иліады.—Альціона 18[illegible].
О разговорѣ у кн. Халдиной.—Лит. [illegible] № 7 **(31 янв.)**.
О статьяхъ кн. Вяземскаго.—Лит. [illegible] № 10 **(15 февр.)**.
Объ Исторіи Полевого. [illegible] Газ., № 12 **(25 февр.)**.
[illegible] въ Англіи.—Там[illegible]
[illegible] къ замѣткѣ объ Иліадѣ [illegible].
Въ февралѣ: Эпиграмма на Булгарина (Не то бѣда...) Сынъ Отеч. 1830. № 17.
О гекзаметрахъ Мерзлякова.—Лит. Газ. 1830, № 16 **(17 марта)**.
О запискахъ Видока. — Лит. Газ. № 20 **(6 апрѣля)**.
О личностяхъ въ критикѣ.—Там[illegible]
12 — 13 мая. Отрывокъ: Участь моя рѣшена, я женюсь... Мат. (невѣрно),—Р.
Новоселье.—„Сиротка“ 1831
Къ Вельможѣ.—Лит. Газ. № 30 **(26 мая)**.
О неблаговидности нападокъ на дворянство.—Лит. Газ. 1830, № 36 **(25 іюня)**.
1 іюля. Поэту—Сѣв. Цв. 1831.
8 іюля. Мадонна.—„Сиротка“ 1831.
Къ *** (Сонетъ). — Моск. Вѣсти. 1830. № 8.
О выходкахъ противъ литературной аристократіи. — Лит. Газ. 1830. № 45 **(9 авг.)**.
Въ августѣ. Отрывокъ: 4 мая 18** произведенъ я... Посм. изд.—Р
Цыганы. — Денница 1831

Отвѣтъ анониму.—Сѣв. Цв. 1831.
Въ сентябрѣ. Эпиграмма [illegible] (Ты цѣлый свѣтъ...)—[illegible] (18 сент.).
Разговоръ (V, 96). — Вѣсти [illegible] № 6 (невѣрно и съ пропусками).—Р.
7 сентября (октября?): Бѣсы.—Сѣв. Цв. [illegible]
8 сентября. Элегія: Безумныхъ лѣтъ... Библ. [illegible] Чт. 1834, № 10.
14 сентября. Станціонный Смотритель („Повѣсти Бѣлкина").—Р.
20 сентября. Барышня-крестьянка („Пов. Бѣлкина").—Р.
25 сентября кончена VIII гл. Онѣгина.—Р.
1 октября. Шалость (Румяный критикъ мой...).—Посм. изд. („Капризъ" [illegible] Р. [illegible]
5 (8?) октября. Разставаніе. — „Альманахъ" Владиславлева на 1838 г.
7 октября (сентября?). Пажъ.—Посм. изд. — Р. (чернов. безъ помѣты).
9 октября. Гробовщикъ („Пов. Бѣлкина").—Р.
10 октября. Домикъ въ Коломнѣ.—„Новоселье" 1833.—Р.
— Изъ записки: Куда же ты? Въ Москву... Изд. Анненкова, VII.
12 октября. Выстрѣлъ, гл. I („Пов. Бѣлкина").—Р.
14 октября. Выстрѣлъ, окончаніе.
16 октября. Моя родословная.—Отеч. Зап. 1846, № 4 (отрывки); Рус. Стар. 1880, № 4.
17 октября. Стамбулъ гяуры нынче сла[illegible] Пут. въ Арзрумъ; посм. изд.—Р.
— Заклинаніе.—Посм. изд.
20 октября. Метель („П[illegible]"—Р.
23 октября. Скупой ры[illegible]
26 октября. Моцартъ и Сальери.—[illegible]
Ночью, во время безсонницы. Посм. изд.
31 октября—1 ноября. Исторія села Горохина.—Совр. 1837, VIII („Лѣтопись села Горохина", невѣрно и съ пропусками).—Р.
4 ноября. Каменный Гость.—«Сто рус. литераторовъ», т. I (1839).—Р.
16 ноября. Предисловіе къ „Пов. Бѣлкина".—Р.
21 ноября. Предисловіе къ VIII и IX [illegible]
27 [illegible] Для береговъ отчизны дал[illegible] Утренняя Заря 1841.—Р.
Осенью. Пиръ во время чумы.—А[illegible]
Начало сказки (Какъ весенней теплой порою...).—Изд. Анненкова, VII (невѣрно).—Р.
Въ началѣ жизни школу помню я... Посм. [illegible]—Р.

Пью за здравіе Мери... Денница 1831.
Я здѣсь, Инезилья... Мат.
Предъ испанкой благородной... Посм. и[illegible]
Царскосельская статуя. Отрокъ. Рифма. Трудъ.—[illegible] скія эпигра[illegible]
Кри[illegible]—Р.
Родословная Пушкиныхъ [illegible]—Р.
О [illegible] въ литературѣ.—Ма[illegible]
О [illegible]—Р.
[illegible]—Р.
[illegible] VII (невѣрно и невп[illegible])—Р.
Дѣтскія сказочки.—Изд. Анненкова, VII.
Записки П. В. Нащокина. — Посм. и[illegible] отрывокъ).—Ру[illegible]
Черновые наброски (П, 124): второй — [illegible] Анненкова. VII: остальные— [illegible] Р.
Въ декабрѣ. Герой. — Телескопъ 1831, № [illegible]

1831.

Въ [illegible] Р.
Красавица.—[illegible]
[illegible] 1836. IV [illegible] VII.
Въ іюнѣ. Современные французскіе писатели. [illegible]
22 іюня. Рославлевъ. — Совр. 1836. III.
Въ іюлѣ. Торжество дружбы.—Телескопъ 1831, № [illegible]
Въ августѣ. О мизинцѣ г. Булгарина. [illegible]
Іюль—сентябрь. Записная книжка.—Библ. Зап. 1859.—Р.
2 августа. Клеветникамъ Россіи. — Въ отд. брошюрѣ.
5 сентября. Бородинская годовщина. — Тоже.
13 сентября. Сказка о [illegible] — Сынъ Отеч. 1840. № 45 („О [illegible]", въ передѣлкѣ Жуковскаго).—Изд. 1880.—Р.
30 сентября. Отрыв[illegible] писелъ... Посм. изд.—Р.
3 октября. Онѣгинъ, гл. VIII (письмо Онѣгина къ Татьянѣ).
19 октября. Лицейская годовщина.—Посм. [illegible]
Осенью. Отрывокъ изъ романа въ письмахъ. — Изд. Анненкова. VII (съ [illegible]—Р.
[illegible] 1837, VIII [illegible]—Р.

Гости съѣзжались на дачу... Сто рус. литераторовъ, т. I, 1839 (искажено). — Р.
Баратынскій.—Посм. изд. (невѣрно).—Р.
Анекдоты.—Русь 1885, № 22.
Сказка о царѣ Салтанѣ.—Изд. 1832.
Отрывокъ: Когда въ объятія мои... Изд. Анненкова. VII.
Проекты изданія журнала и газеты. Программы статей. Мелкія замѣтки.

1832.

19 января. Нѣтъ, я не дорожу... Библ. Зап. 1858. № 7.
16 марта. Въ альбомъ Россетти. — Отеч. Зап. 1840. № 10.
Въ апрѣлѣ. Русалка.
Начало повѣсти: Въ еврейской хижинѣ лампада... Изд. Анненкова. VII.
Юдиѳь.—Изд. Анненкова. VII.—Р.
Альфонсъ.—Посм. изд.
Подражаніе Данту.—Посм. изд.
Въ альбомъ: Долго сихъ листовъ завѣтныхъ... Отеч. Зап. 1839. № 1.
Княжнѣ Абамелекъ.—Отеч. Зап. 1840. № 1.
Осенью. Марія Шонингъ.—Совр. 1837, VIII (съ пропусками и невѣрно).—Р.
О книгѣ А. Н. Муравьева (V, 188).—Р.
Историческія замѣтки (V, 191).—Р.
21 октября. Начата повѣсть „Дубровскій".
25—27 октября. Дубровскій, гл. II.
27 октября. Въ альбомъ (Гонимый рока самовластьемъ...). Изд. Анненкова. VII.
— Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я... „Альм. на 1838 годъ" Владиславлева.
29 октября—2 ноября. Дубровскій, гл. III.
2—8 ноября. Дубровскій, гл. IV и V
8 ноября. Дубровскій, гл. VI.
9 ноября. Дубровскій, гл. VII.
11 ноября. Дубровскій, гл. VIII.
14 декабря. Дубровскій, гл. IX.
16 декабря. Дубровскій, гл. X
21 декабря. Дубровскій, гл. XII.
25 декабря. Дубровскій, гл. XIII
28 декабря. Дубровскій, гл. XIV.
29 декабря. Дубровскій, гл. XV (начата).
Въ этомъ же году начаты „Пѣсни западныхъ славянъ".

1833.

1 января. Дубровскій, гл. XV (кончена).
Изъ Анаснея.— Библ. для Чт. 1834. т. V.
3 января. Дубровскій, гл. XVI
6 января. Дубровскій, гл. XVII.
12 января. Изъ Ксенофана Колофонскаго. Іонъ Хіосскій.—Б. для Чт. 1834. т. V.
15 января. Дубровскій, гл. XVIII.
22 января. Дубровскій, гл. XIX
Въ январѣ начата „Капитанская дочка".
6 февраля окончепъ „Дубровскій". Напеч. съ пропусками и искаженіями въ посм. изд. и во всѣхъ дальнѣйшихъ. — Р.
14 марта. О сочиненіяхъ Катенина. Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 26.
Въ мартѣ. Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ... Мат.—Р.
Лѣтомъ кончены „Пѣсни западныхъ славянъ".
Экспромптъ: Полюбуйтесь же вы, дѣти... Библ. Зап. 1858. № 16.
Въ августѣ кончена „Капитанская дочка".—Совр. 1836, IV; Рус. Арх. 1880, III.—Р.
Сказка о мертвой царевнѣ.—Библ. для Чт. 1834. № 2.
20 сентября. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.—Библ. для Чт. 1835, № 4.—Р. П Б-ки.
Въ сентябрѣ. Олениной: Когда бъ не смутное влеченье... Совр. 1857, № 1.
Гусаръ.—Библ. для Чт. 1834, № 1.
Родригъ.—Посм. изд.—Р.
Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума... Посм. изд. (невѣрно).—Р.
Родословная моего героя.—Совр. 1836, III.—Изд. 1855.—Рус. Арх. 1881, III.—Р.
Осенью. Замѣтка о гр. Нулинѣ, о Моцартѣ и Сальери.—Мат.
— Замѣтки о Державинѣ и Шейлокѣ. Посм. изд.—Р.
Исторія пугачевскаго бунта.
3 октября. О Дуровѣ.—Изд. 1855.—Р
14 октября. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.—Библ. для Чт. 1835. № 5.
28 октября. Воевода Будрысъ и его сыновья.—Библ. для Чт. 1833. № 3.
29 октября. Вступленіе „Мѣднаго Всадника".
30 октября. Мѣдный Всадникъ, ч. I.
31 октября. Мѣдный Всадникъ, ч. II. Совр. 1837, V (передѣлка Жуковскаго); изд. 1855.—Рус. Арх. 1881, III.—Р.
Анджело.—Новоселье 1834.
Возвращеніе къ Онѣгину.—Посм. изд.—Мат.—Р.
Отрывокъ: На углу маленькой площади... Посм. изд.—Р.
24 ноября начинается извѣстный до сихъ поръ отрывокъ Дневника.—Рус. Мысль 1880. № 6.
Черновые наброски.—Р.

1834.

1 января—5 декабря. Отрывки изъ дневника.—Рус. Мысль 1880. № 6.
Странникъ.—Посм. изд.—Р.
10 августа: Мицкевичъ: Онъ между нами жилъ... Посм. изд. (М***).—Р.

Къ Н*: Съ Гомеромъ долго ты... Посм. изд.— Конецъ — въ Мат.— Р.
Пиковая дама.— Б. для Чт. 1834. II.
Кирджали.—Б. для Чт. 1834, VII.
О книгѣ Дмитріева: Путешествіе N.— Мат.— Р.
Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ. Мат.— Р.
Матеріалы для Исторіи Петра В.— Мат. и Пушк.
6 октября. Анекдотъ XLII (V, 280).
Въ декабрѣ. Мысли на дорогѣ.— Посм. изд. (отр.); изд. 1855 (тоже); Библ. Зап. 1859: Р.

1835.

6 января. Оды Анакреона.— Богъ веселый винограда... Изд. 1855.— Р.
Юноша, скромно пируй... Изд. 1855.
Изъ Катулла.— Изд. 1855.
Юношу, горько рыдая... Отъ меня вечоръ Лейла... Не розу падосскую... Подражаніе арабскому.— Посм. изд.
Изъ Горація.— Сынъ Отеч. 1840, т. XXII.
7 апрѣля. Полководецъ.— Совр. 1836, III.
13 апрѣля. Туча.— Моск. Наблюд. 1835, май, кн. 2.
Пиръ Петра Перваго.— Совр. 1836, I.
15 августа. Сцены изъ рыцарскихъ временъ.— Посм. изд. (съ проп.).— Р.
Въ августѣ. Разговоры Н. К. Загряжской.
Въ сентябрѣ. На выздоровленіе Лукулла.— Моск. Набл. 1835. сент., кн. 2.
26 сентября. Вновь я посѣтилъ... Совр. 1837. V.
Осенью. Египетскія ночи.— Совр. 1837, VIII: Мат.— Р.
Русскій Пеламъ.— Посм. изд. (отрывокъ: „Записки М*“); Библ. Зап. 1859, № 6.— Р.
О повѣстяхъ Павлова.— Р.
Объ Исторіи поэзіи Шевырева.— Р.
Лордъ Байронъ.— Изд. 1855.— Р.
Объ Исторіи пугачевскаго бунта (отв. на критику).— Совр. 1836, II.

1836.

18 января. Д. В. Давыдову: Тебѣ, пѣвцу... Совр. 1837, V.
Январь — мартъ. Статья о сочиненіяхъ Конисскаго и замѣтки, помѣщенныя въ I томѣ „Современника“ (цензурное разрѣшеніе **31 марта**).
25 марта. Художнику. Посм. изд.
3 апрѣля. Радищевъ. Изд. Анненкова, VII.— Р.
1 іюня. Когда великое свершалось торжество... Мат.; Совр. 1857, № 12.
22 іюня. Подражаніе итальянскому: Какъ съ древа сорвался... Посм. изд.
Въ іюнѣ. Статья о Россійской Академіи и другія замѣтки во II томѣ „Современника“ (ценз. разр. **30 іюня**). Анекдотъ XXXI (V, 277).— Анекдоты (Table Talk) записывались въ разное время и явились въ печати по частямъ, въ Литер. Газ. 1830, № 1; Совр. 1836, III, 187: Посм. изд. и Библ. Зап. 1859. — Р.
5 іюля. Изъ VI Пиндемонте. Мат. и VII т. Анненкова (съ пропусками).
22 іюля. Молитва: Отцы-пустынники... Совр. 1837, V.
14 августа. Когда за городомъ задумчивъ я брожу... Совр. 1857, № 12
21 августа. Памятникъ.— Посм. изд.; Рус. Арх. 1881, № 1 (ошибочно).— Р.
Іюль — сентябрь. Статьи, помѣщенныя въ III томѣ „Современника“ (ценз. разр. **въ сентябрѣ**): О мнѣніи Лобанова; Вольгеръ; Ѳракійскія элегіи Теплякова; Джонъ Теннеръ; замѣтки о книгахъ, и пр.
Октябрь. На статуи работы Пименова и Логановскаго. — Худож. Газета 1836, № 9 и 10.
19 октября. Лицейская годовщина.— Совр. 1837. V.— Р.
Октябрь — ноябрь. Статьи и замѣтки въ IV-мъ томѣ „Современника“ (ценз. разр. **11 ноября**): Объясненіе о стихотвореніи „Полководецъ“: о сборникѣ кн. Вяземскаго; о запискахъ Дуровой; о ключѣ къ Исторіи Государства Россійскаго.
Къ женѣ: Пора, мой другъ, пора... Рус. Арх. 1886, № 9.
13 декабря. Канонъ въ честь М. И. Глинки. — Рус. Стар. 1870.

1837.

Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ. — О запискѣ Карамзина. — О Мильтонѣ. — Совр. 1837, V.
Желѣзная Маска. — Записки Моро-де-Бразе (предисловіе и примѣчанія). — Совр. 1837, VI.
О Татищевѣ. — Рус. Стар. 1884, № 12.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ТОМУ I.

Стр. 1. Первыя попытки авторства обнаружились у Пушкина еще до поступленія въ Лицей, подъ вліяніемъ чтенія французскихъ писателей, въ особенности — Мольера и Вольтера. Пушкинъ любилъ импровизировать небольшія комедіи и даже устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ онъ самъ, а публикой — его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды публика освистала его пьесу «L'Escamoteur», что и подало поводъ къ слѣдующей эпиграммѣ:

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись «Генріады» Вольтера, онъ задумалъ шуточную поэму въ шести пѣсняхъ, содержаніемъ которой должна была служить война между карликами и карлицами во времена Дагоберта. Героемъ поэмы былъ карликъ Toly, отчего она и получила названіе La Tolvade. Вотъ ея начало:

Je chante ce combat que Toly remporta
Ou maint guerrier périt, ou i[illegible]
[illegible]
[illegible]

Поэма [illegible] торый расхохотался при первыхъ же [illegible]къ, и раздосадованный авторъ тутъ же бросилъ свое произведеніе въ печ[illegible]

Стр. 36. Сатира Батюш[illegible]ва: «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ» напечатана М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856, № 5 (Библіографич. замѣтк[illegible]

Стр. 75. Приводимъ первоначальную ред[illegible], напечатанную въ Росс. Музеумѣ 181[illegible]

[illegible]
Чт[illegible]
Моя весна и [illegible]
Ушли за тридевять земель!
Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ
Ахъ, если бъ я родился снова,
Ужъ такъ ли бы тебѣ служ[illegible]

Стр. 96. Стихотвореніе «Гробъ Анакреона», читанное В. Л. Пушкинымъ въ засѣданіи общества любителей рос. [illegible]овесности при московскомъ университетѣ и напечатанное въ «Т[illegible]ь» этого общества. 1818. ч. X. было исправлено Пушкинымъ для и[illegible] 1826 г. Въ первоначальной редакціи [illegible] 4-го стиха слѣдовало еще:

Темныхъ миртовъ занавѣса
[illegible] къ водамъ:
Въ ихъ сѣни, у края лѣса,
Чью гробницу вижу тамъ
Розы юныя алѣютъ
На покрытомъ камнѣ мхомъ;
Лавры цвѣтъ любви лелѣютъ,
И зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ.

12 — 15 стихи читались:

Други, други! въ сладкомъ мирѣ
Здѣсь теосскій спитъ мудрецъ.
Посмотрите: на гробницѣ
Сынъ отрадъ изображенъ;
Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ
Рѣзвый нашъ Анакреонъ,
Красотой очарованный,
Нѣжно гимны ей поетъ
Виноградомъ увѣнчанн[illegible]
Въ чашу сокъ его ліетъ.

Въ концѣ измѣнены два стиха

Вотъ и музы и хариты
Пригорюнившись сидятъ,
Плющемъ, розами повиты,
Кажется, въ слезахъ твердятъ... и пр.

Кромѣ того поправлены стихи: 20 — «Здѣсь, на лиру кинувъ длани», 28—«Вкругъ любовника сѣдого», 37—«Какъ невинный сонъ любви». и 88 «Смертный, вѣкъ твой—сновидѣ[illegible]»

Стр. 109. Къ 1815 году относится, по указанію И. И. Пущина, [illegible]щее стихотво[illegible]іе, не сохранившееся въ рукописи:

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Мароушкою бранилась:
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой! кричитъ: управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой! о всемъ узнаетъ муженекъ!»
— Тебѣ ль грозить? Мароушка отвѣчаетъ:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя!
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жъ, кума: и ты какъ я грѣшна;
Словами жъ вся[illegible]аго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой . . . . . соломенку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна

Стр. 116. Къ Морфею. [illegible] [illegible]даніи напечатана первоначальная редакція этого [illegible] [illegible] также и въ рукописи Рум. Музея:

Сну.

Знакомецъ милый и старинный,
О сонъ, хранитель вѣрный мой!
Гдѣ ты? По[illegible]
Мнѣ ложе стелетъ ужъ [illegible]
Въ безмолвной тишинѣ ночи[illegible]
Приди, задуй мою лампаду,
[illegible] благослови
[illegible]дай отрад[illegible]
[illegible]й любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ
Пускай увижу милый взоръ
Пускай услышу голосъ милый
Когда жъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь [illegible]
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

[illegible] разсказываетъ, что Пушкинъ однажды, въ темномъ [illegible], вмѣсто горничной Наташи, поцѣловалъ ея госпожу, по жалобѣ ко[illegible] произведено въ Лицеѣ строгое слѣдствіе. За эту жалобу Пушкинъ [illegible] княжнѣ эпиграммой, напечатанной г. Анненковымъ въ В. Евр. 1871, № [illegible] 192:

On peut très-bien, mademoisel[illegible]
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guen[illegible]
Mais pour une grâce — oh, mon Dieu, non.

Стр. 152. Стихотвореніе «Друзьямъ» сохранилось еще въ одной редакціи напечатанной въ Би[illegible]огр. Запискахъ 1861, № 19:

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я[illegible]
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня
Любилъ и я когда-то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
[illegible]
Крылами черными покры[illegible]
Не кличьте жъ вы меня съ собою
П[illegible]ловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
[illegible]
Богами вамъ... и пр., какъ на 152 стр.

Стр. 154. Въ черновой рукописи посланія къ Шишкову послѣ 8-го стиха слѣдуютъ еще 13 стиховъ, зачеркнутые Пушкинымъ. Они напечатаны въ Библіогр. Зап. 1858, № 10.

И нынѣ въ юности прекрасной
Съ тобою вѣрныя сопутницы твои.
Бряцай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
Ты гимны счастливой л[illegible].
Пой сердца юнаго кипящее желанье.
[illegible] [illegible]ней упоенство, трепетанье.
[illegible] завистливый покровъ,
[illegible]ности послѣднее ропта[illegible]
[illegible] изъ цвѣтовъ.
Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,
[illegible]
Въ ея объятіяхъ исчезну[illegible]
Любви безцѣнные часы.
Но я — друзей любить открытою душ[illegible].

Стр. 156. Послѣдній сти[illegible]ммы на Кюхельбекера объясняется четверостишіемъ, автографъ котораго принадлежитъ М. И. Семевском[illegible]

Ты хочешь зна[illegible]
Какая разница [illegible]
У Буало была л[illegible]

Стр. 167. Первоначальный текстъ посланія къ Дельвигу, сохранившійся въ рукописи, напечатанъ въ посмертномъ изданіи и въ Библ. Зап. 1858 г. Приводимъ ег[illegible]

[illegible]хъ лѣтъ увидѣлъ предъ соб[illegible]
[illegible]
[illegible] тайный путь съ невинною душо[illegible]
П[illegible]
[illegible]стны бури злыя
[illegible]омыселъ: безмолвною порой
[illegible]баюкаютъ Камены молод[illegible]
И [illegible] перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой
Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совѣты,
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный, поетъ на лирѣ золото[illegible]
О Дельвигъ, счастливы поэты!

Пѣвецъ! въ безвѣ[illegible]
Живи подъ дру[illegible]
Страшись увидѣть свѣтъ; неопытной душой
Не жертвуй ослѣпленью!
Воспитанный въ тиши, не зная грозныхъ бѣдъ,
Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
Въ уединеніи ты счастливъ — ты поэтъ!

Но для меня прошли, увяли наслажденья!
Мой другъ, и я пѣвецъ! И мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣ[illegible]
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Ребенокъ — лирный звукъ я чувствовать ум[illegible]
Все жизнью вкругъ меня дышало
Все рѣзвый умъ о[illegible].
И первую черту я быстро пролетѣ[illegible]
Сіяя тихою красою

Минуты дѣтства протекли!
Хвала, о боги, вамъ! вы мощною ру[illegible]
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность [illegible]
И были дни мои посвящены пок[illegible]

Но все прошло навѣк[illegible] и скрылись въ те[illegible]
Свобода, радость, восхищенье!
[illegible]ругимъ и юность — наслаждени[illegible]
Она мнѣ — мрачная печаль!
[illegible]акъ, рано встрѣтилъ я и зракъ вражды [illegible]
И низкой кле[illegible] [illegible]крытый ядъ
Нѣтъ, [illegible]
Не буду осл[illegible]
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!
[illegible]
[illegible]
И [illegible]
Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда п[illegible]
Враждою, завистью на жертву обреченный
[illegible]ъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ
[illegible]
Косой безвременно сраженный
Что нужды? проживу въ безвѣстной тишинѣ.
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ
И памятникъ пѣвца, въ пустынѣ мрачной, дикой,
Забытый, поростетъ ползущей повиликой

[illegible]тр. 172. Первоначальная редакція посланія къ Каверину.

Прости, любезный мой [illegible]
Минутной рѣзвости нескромн[illegible]
Люблю я первый, будь увѣре[illegible]
[illegible]ѣхи.
Прослыть апостол[illegible]
Быть можетъ хорошо, [illegible]
Я [illegible]
И [illegible]
П[illegible]
И[illegible]
Дурачиться мы будемъ иногда,
Пока безъ лишняго труда
Дурачиться намъ будетъ м[illegible]
Всему пора, всему свой мигъ.
Все чередой [illegible]
Сифіонъ и вѣт[illegible]
[illegible]ъ и юноша степенный
Насыт[illegible]ь жизнію у юныхъ дней въ гостя[illegible]
Простились мы навѣкъ съ веселіемъ шум[illegible]
Съ Венерой пылкою и Вакхомъ прихотливымъ.
Вздохнемъ объ нихъ, какъ объ друзьяхъ,
И старость посѣтимъ съ п[illegible]лономъ молчаливымъ.
Теперь въ безпечности живи,
Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье,
Молись и Вакху, и Любви,
И черни презирай [illegible]ное роптанье.
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить

Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ,
Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный, и сердце можно скрыть.

Стр. 17[illegible] «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», упомянутая [illegible] мѣчаніи, написана осенью 1816 г. и напечат[illegible] В. П. Гаевскимъ въ [illegible] врем. 1863, № 8, стр. 392, но въ подлинной рукописи не сохранилась. Приводимъ ее:

Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ.

Избави, Господи, ума т[illegible]
Какъ у Александра Васильича Попова
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомирскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Ховрина глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]ти.
[illegible]
[illegible]
Пашк[illegible]
Салтык[illegible]
Соломирскаго лихости,
[illegible]цова смир[illegible]
Кр[illegible]ликова пенья
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микѣшина хулы...

Стихи эти были написаны на дежурствѣ гр. А. П. Завадовскаго и послѣ найдены Пашковымъ, который сильно оскорбился и хотѣлъ прибить Пушкина. Завадовскій принялъ вину на себя, и дѣло чуть не дошло до дуэли; но кн. Ил. В. Васильчиковъ помирилъ Пашкова [illegible]вадовскимъ. (См. письмо князя къ кн. П.-М. Волконскому въ Рус. Арх. 1875, № 12).

Стр. 186. Къ 1817 г. относятся еще слѣдующія стихотворенія, не сохранившіяся въ подлинныхъ рукописяхъ:

[illegible]

Quand un poète en son extas[illegible]
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet
Ne trouvant pas le mot pour [illegible]
On dort, on baille en son mouchoir.

On attend le moment de dir[illegible]
Jusqu'au plaisir de nous revoir

Mais tête-à-tête avec sa bell[illegible]
Ou bien avec des gens d'esprit.
Le vrai bonheur se renouvell[illegible]
On est content, l'on chante, on rit
Prolongez vos paisibles [illegible]
Et chantez vers la fin du soir —
A vos amis, à vos bouteilles.
Jusqu'au plaisir de nous revoir

Amis, la vie est un passa[illegible]
Et tout s'écoule avec le temps
[illegible]
Un oiseau de notre printemps
Trop tôt il fuit, riant sous ca[illegible]
[illegible]
On ne dit pas dès qu'il s'échappe
Jusqu'au plaisir de nous rev[illegible].

Le temps s'enfuit tris[illegible]
[illegible]
[illegible] le cas n'est pas si rare —
Hasard nous sauve du tombeau
Des maux s'éloignent les cohortes.
Et le squelette horrible et noir
S'en va, frappant à d'autres portes.
[illegible]

Mais quoi? je sens que je me lass[illegible]
En lassant mes chers audit[illegible]
Allons, je descends du Par[illegible].
Il n'est pas fait pour les chanteurs
Pour des couplets mon feu s'allum[illegible]
Sur un refrain j'ai du pouv[illegible].
[illegible]st bien assez — adieu, ma plu[illegible]
[illegible]squ'au plaisir de nous revoir.

Библ. Зап. 1858[illegible]

* * *

Съ позволенія сказать.
Я сердитъ на васъ ужасн[illegible]
Нѣтъ! вы просите напрасн[illegible],
Не хочу стиховъ писать
[illegible]
Ставить къ каждому куплету:
Съ позвол[illegible]

Съ позволенія сказать.
Моськина, по-мнѣ, прекрасна,
Знаю, что она опа[illegible]
Мужу хочется бодать;
Но гусары вѣдь невинны.
Что у мужа роги длинны
Съ позволенія сказать

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ риѳмодѣевъ,
Все ученыхъ грамотеевъ,
Чтобы всякій вздоръ писать:
[illegible]хъ Европы,
[illegible]
[illegible]

[illegible]

Оба эти стихотворенія написаны на литературныхъ вечерахъ [illegible] Тепперъ де Фергюсона. Отвѣтъ его на французскіе куплеты—въ ст. В. П. Г[illegible]скаго, Совр. 1863, № 8, стр. 385. И. И. Пущинъ въ своихъ воспомина[illegible] (Атеней 1859) сообщаетъ, что во время его болѣзни Пушкинъ надписалъ надъ [illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible] прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчим[illegible]

Мы не приводимъ еще двухъ стихотворныхъ шутокъ, напечатанны[illegible] В. П. Гаевскимъ въ Совр. 1863, № 8: «[illegible]съ вопросомъ» и «Гаузшильдъ и Энгельгардтъ», первую—по сов[illegible]значительности, а вторую — потому, что она не имѣетъ смысла безъ объясненій, которыя въ печати невозможны.

Стр. 197. Къ 1818 или 1819 г. относятся еще слѣдующія стихотворн[illegible] шутки

[illegible]

Ты богатъ, [illegible]
Ты прозаикъ, [illegible]
Ты румянъ, [illegible]
Я какъ смерть [illegible]
Ты не знаешь [illegible].
Ты живешь въ огромномъ домѣ,
Я жъ средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Пьешь ты сладко, цѣлый день
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ...
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ, и пр.

Нимфодорѣ Семеновой *).

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ,
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ...
Ахъ онъ поручикъ, ахъ зл[illegible]!

*
* *

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонит[illegible].

*) Сестра Е. С. Семеновой, тоже актриса.

Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

* * *

Есть въ Россіи городъ Луга,
Петербургскаго округа;
Хуже бъ не было сего
Городишки на примѣтѣ
Еслибъ не был...
Новоржев...

Стр. 198. Послѣдн...

... и Ефремовъ
...кописи (съ которой
...о читается «люблю я

...ус. Старинѣ» 1884 даны еще слѣ-
...:

II.

«Признаюсь предъ всей Европой,
Хромоногая кричитъ:
М—*).....
Душу, сердце мнѣ томитъ.
Мужъ! вотще карманы грузно
Ты набилъ семьѣ моей
. . . .
М— мнѣ милѣй.»

IV.

Вотъ Еврейка съ Тодорашкой:
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
. . . .
Пѣна на ея лицѣ.
Весь отъ ужаса хладѣю...
Ахъ, Еврейка! Богъ убьетъ!
Если вѣритъ М.....,
Скотоложница умретъ!

V.

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,—
О, чувствительная сводня,
О, краса молдавскихъ дуръ!
Смотришь: каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жъ одна, моя вдовица...
. . . .

*) Такъ и въ рукописи, одна буква.

Въ тетрадяхъ 1821 г. находимъ еще слѣдующую эпиграмму:

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
.... *), живая жертва фурій,
...ъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
... — бѣда: казнитъ ее Меркурій!
...одитъ ей пора;
...четъ понемногу;
... дама? — Слава Богу!

... вашъ сумракъ

Ты ...
Тебя страш...
Такъ путникъ, съ ...
Ручьевъ альпійскихъ въ ...
И взоры въ бездну погружая,
Невольнымъ ужасомъ томимъ,
Дрожитъ, колеблется; предъ нимъ
Предметы движутся, темнѣютъ,
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ;
Кругомъ оплота ищетъ онъ;
Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ...
И хладный обморока сонъ
На край горы его бросаетъ...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?
Ужели тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я?
Любви! Но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Во мнѣ безсмертна память милой;
Что безъ нея душа моя?
....
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни тайною толпой
Отъ береговъ печальной Леты
Слетаются на брегъ земной;

*) Точки въ подлинникѣ.

